

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА Н. И. САЗОНОВА

I. ЛИТЕРАТУРА И ПИСАТЕЛИ В РОССИИ.— I. ПРАВДА ОБ ИМПЕРАТОРЕ НИКОЛАЕ.—
III. ПИСЬМА.

Публикация Б. Козьмина

Эпоха 30-х и 40-х гг. прошлого столетия имела большое значение в истории русского общества. Если в 60-х годах Россия, по выражению В. И. Ленина, сделала первый шаг по пути превращения из феодальной монархии в буржуазное государство, то уже в 30-е и 40-е годы ясно обозначались причины, побуждавшие господствовавший в то время в России общественный класс, ради спасения своего положения и сохранения за собой руководящей роли в государственной жизни, пойти в недалеком будущем на уступки новой общественной силе, нарождавшейся в России в лице буржуазии. Именно в эту эпоху, — в 30-е и 40-е годы, — кризис крепостнической системы, начал проявляться с полной ясностью, а это, естественно, не могло не отражаться и на тогдашней российской интеллигенции.

Однако, несмотря на большое значение, которое 30-е и 40-е годы имели в истории русского общества, люди и события этой эпохи далеко еще не изучены нами в достаточной мере. Правда, мы более или менее хорошо знаем жизнь и деятельность выдающихся тогдашних деятелей: Белинского, Герцена, Грановского. Что же касается второстепенных представителей этой эпохи, тех людей, которые группировались вокруг Герцена, Белинского, Грановского, то с ними дело обстоит гораздо хуже. Их жизнь и деятельность до сих пор изучена нами весьма недостаточно. Их литературное наследство до сих пор не вполне выявлено. Между тем материалы об этих людях интересуют нас не только в личном плане, но и в типовом отношении. Изучение их жизни вводит в научный оборот материал, — подчас весьма яркий и показательный, — для общей характеристики как их эпохи, так и общественной среды, к которой они принадлежали. Поэтому изучение их жизни и деятельности является одной из очередных задач, стоящих перед нашими историками и историками литературы. То же самое можно сказать о литературном наследстве, оставленном ими. Пора вспомнить этих полузабытых людей.

Одним из них является Николай Иванович Сазонов.

Близко знавший его Герцен писал в «Былом и думах»: «Сазонов прошел бесследно и смерть его также никто не заметил, как всю его жизнь. Он умер, не исполнив ни одной надежды из тех, которые клали на него его друзья».

И далее: «Сазонов был действительно праздный человек и сгубил в себе бездну сил; затертый разными разностями на чужбине, он пропал как солдат, взятый в плен на первом сражении и никогда не возвращавшийся домой»¹.

В основном эта суровая оценка Герцена вполне правильна. Действительно, Сазонов далеко не дал всего того, что можно было ожидать от его незаурядных сил и таланта. Однако, это не должно уменьшить нашего интереса к его личности и судьбе.

Сазонов принадлежал к числу людей, о которых тот же Герцен писал: «Они жертвовали всем, до чего добиваются другие: общественным положением, богатством, всем, что им предлагала традиционная жизнь, к чему влекла среда, пример, к чему нудила семья, из-за своих убеждений». И Герцен был вполне прав, когда при этом добавлял: «Таких людей нельзя просто сдать в архив и забыть»². Но одного этого мало. Самая бесплодность жизни людей, подобных Сазонову, не может не привлекать к себе нашего внимания. Ее нельзя рассматривать как случайный факт, она нуждается в объяснении.

Сазонов был на три года моложе Герцена. Он родился в 1815 г. в Рязани, в богатой помещичьей семье. В 1830 г. он поступил в Московский университет. Несмотря на то, что ему в это время шел только шестнадцатый год, он уже тогда обращал на себя внимание своими дарованиями и начитанностью. Уже тогда проявлялись в нем сильное самолюбие, самонадеянность и стремление играть первую роль. Знавший Сазонова по университету К. С. Аксаков отзывался о нем как о человеке выдающемся. «Сазонов, — пишет он, — был человек умный, но фразер и

эффектер... Сазонов считался первым студентом, я, кажется, вторым; насколько справедлива была такая оценка — это другой вопрос. Сазонов, точно, был человек очень образованный, очень много читавший, впрочем, преимущественно французских писателей; но в особенности он умел ловко себя держать, умел придавать себе вес. Я помню, случалось, что он не знает того, о чем спрашивает профессор, отвечает, ошибается, но все это с таким чувством собственного достоинства, с такой уверенностью в себе, что и профессору казалось, что Сазонов прекрасно «отвечает»³.

В этом свидетельстве Аксакова особенно интересно указание на увлечение молодого Сазонова французской литературой. Это указание приобретает особый смысл потому, что исходит от человека, предпочитавшего немецкую философию французской политической литературе. Интерес к вопросам политики сближал Сазонова с Герценом и Огаревым, с которыми он, так же как и с Аксаковым, встретился в университете.

Н. И. САЗОНОВ

Фотография

Литературный музей, Москва

До нас дошел написанный Герценом план журнала, который он вместе со своими ближайшими товарищами собирался издавать в 1834 г. В редактировании этого журнала, на ряду с Герценом и Огаревым, должен был принимать участие и Сазонов. Предполагалось, что он будет работать в отделах философии истории и статистики⁴.

Сазонова сближала с Герценом общность их политических взглядов. Оба они питали горячую ненависть к существовавшему в то время в России политическому строю. Оба они восторженно мечтали о революции, которая девершила бы дело, начатое декабристами.

«Мы, — писал о себе и об Огареве Герцен, — вошли в аудиторию с твердой целью в ней основать зерно общества по образу и подобию декабристов и потому искали прозелитов и последователей. Первый товарищ, ясно понявший нас, был Сазонов; мы нашли его совсем готовым и тотчас подружились. Он сознательно подал свою руку и на другой день привел нам еще одного студента»⁵.

Так составилась небольшая группа университетских друзей, переживавших, по выражению Герцена, «шиллеровский период» своего политического развития и одержимых жаждой прозелитизма.

«Проповедывали мы везде, всегда... — вспоминал Герцен. — Что мы, собственно, проповедывали — трудно сказать. Идей были смутны. Мы проповедывали дека-

бристов и французскую революцию, потом проповедывали сен-симонизм и ту же революцию; мы проповедывали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе; но душе всего проповедывали ненависть ко всякому насилию, ко всякому правительственному призыву»⁶.

В написанной Сазоновым много лет спустя статье о Герцене (см. ее в настоящем номере) он с большой теплотой вспоминал о своем студенческом кружке и, подобно Герцену, отмечал недостаточную зрелость политического сознания его участников и способность их увлекаться всем, что соответствовало их юношескому восторженному настроению.

«Всё, начиная с нашей одежды, — писал Сазонов, — говорило о странном смешении: зимой мы носили черные бархатные береты à la Карл Занд и теплые платки трех французских цветов. На сходках мы декламировали запрещенные стихи Рылеева и Пушкина и распевали наполеоновские песенки Беранже вперемежку с анти-французскими песнями Аридта, Уланда и Кернера. Книжки, которые мы читали, были еще того разнообразнее; мы с одинаковым пылом разыскивали редкие еще в то время книги о французской революции и натурфилософские сочинения Шеллинга и Огена. Все, начиная с мистических измышлений Якова Бема и кончая ямбами г. Барбье и «Шагреневою кожей» Бальзака, все волновало, захватывало и приводило нас в восторг, подчас несколько однообразный и бесплодный, но зато всегда искренний».

И вслед за этим Сазонов делает замечание, крайне важное для правильного понимания и истолкования восторженной революционности членов кружка: «Прибавьте сюда еще общий тон русской жизни и то обстоятельство, что большинство из нас благодаря родительскому состоянию было обеспечено от всяких забот о будущем и училось лишь из любви к науке, без какой либо определенной цели»⁷.

Знакомство с идеями западного утопического социализма и в частности с сочинениями Сен-Симона оказало громадное влияние на членов кружка. Их прежние мечты о политическом освобождении родины стали переплетаться с планами социального переустройства.

Позднее в «Исповеди лишнего человека» Н. П. Огарев писал:

«Ученики Фурье и Сен-Симона, —
Мы поклялись, что посвятим всю жизнь
Народу и его освобождению,
Основую положим социализм».

Два момента, как указывает Герцен, особенно интересовали его и его товарищей в социально-политических построениях Сен-Симона: это — с одной стороны, «освобождение женщины, призвание ее на общий труд, отдавание ее судеб в ее руки, союз с нею, как с равным», а с другой, «оправдание, искупление плоти».

Освобождение женщины и реабилитация плоти были для Герцена и его товарищей «великими словами, заключающими в себе целый мир новых отношений между людьми, — мир здоровья, мир духа, мир красоты, мир естественно-нравственный и потому нравственно-чистый»⁸.

Это признание Герцена не надо понимать в том смысле, что члены кружка совершенно игнорировали экономическую сторону доктрины Сен-Симона. Мечты великого утописта о пересоздании людей и человеческого общества при помощи «индустриализации» не могли не поражать воображения юных московских мечтателей. Однако, «общий фон русской жизни», говоря словами Сазонова, отодвигал для них эту сторону учения Сен-Симона как бы на второй план. Свобода человека, — в том числе и женщины, — стояла у них на первом месте.

В письме Сазонова к Кетчеру, публикуемом в настоящем номере, имеется несколько очень интересных строк о сберегательных кассах, в то время бывших новостью не только в России, но и на Западе. Из слов Сазонова можно понять, что он готов был придавать громадное значение этому виду общественного кредита. Чтобы объяснить это, необходимо вспомнить, какое громадное значение придавал организации кредита в деле индустриализации Сен-Симон.

Мечтателю о лучшем будущем человечества, мало знакомому с практической жизнью и с порядками буржуазного общества, — а именно таким был в те годы Сазонов, — могло представляться, что сберегательные кассы, притягивая к себе скромные сбережения труженников, в дальнейшем своем развитии превратят своих вкладчиков в хозяев народного производства. Так могли преломляться экономические идеи Сен-Симона в головах его русских учеников.

Любопытно отметить и другой момент, характеризующий восприятие идей Сен-Симона его русскими поклонниками. Сен-Симон, как и большинство утопических социалистов, был противником революции; он верил в возможность переустроить общественный строй путем развития промышленности и мирных реформ. Русские же «ученики Фурье и Сен-Симона», как отмечает в «Исповеди лишнего человека» Огарев, не переставали быть в то же время и «детьми декабристов». Тут вновь давал себя знать «общий фон русской жизни». Молодые мечтатели слишком хорошо зна-

комы были с гнетом самовластия и вопрос о политическом освобождении родины не мог не интересовать их. Становясь последователями Сен-Симона, они не переставали быть революционерами и врагами абсолютизма.

В этом — специфическая черта «русского сен-симонизма» Герцена и его товарищей.

Характеризуя «социализм» Герцена, В. И. Ленин писал: «В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснородушная фраза, доброе мечтание, в которую облекала свою тогдашнюю революционность буржуазная демократия»⁹.

Такая характеристика приложима не к одному Герцену, но в равной мере и к другим тогдашним русским «социалистам», в том числе и к Сазонову. На истории его политического развития справедливость ленинской характеристики подтверждается особенно ярко и отчетливо.

В 1834 г. пути Сазонова и большинства его товарищей по кружку разошлись на долгое время. Герцен, Огарев и некоторые другие члены кружка были арестованы и отправлены в ссылку. Сазонов, как и Кетчер, случайно уцелел. Встретиться с Герценом ему пришлось только в 1847 г. за границей.

С конца 30-х годов Сазонов поселился в Париже¹⁰, только на короткое время наезжая в Россию в 1842—1843 гг. И развлечения, которые Париж в таком изобилии доставляет иностранцам, и оживленная политическая жизнь этого города одинаково увлекали Сазонова.

Большой любитель хорошо и весело пожить, человек, не умевший стесняться в расходах и отказывать себе в прихотях, вывезший из крепостной России привычку «большого барина» быть постоянно окруженным прихлебателями и приживалами, Сазонов чувствовал себя в Париже, в его ресторанах и кабаках, среди интернациональной богемы, как рыба в воде. Несмотря на то, что он получал из России от родных значительные суммы денег, их не хватало ему на широкую жизнь, которую он вел. Приходилось входить в долги, и эти долги привели его к тому, что в 1846 г. он очутился в парижской тюрьме Клиши, предназначенной для заключения несостоятельных должников. Срочно приехавшим в Париж сестрам Сазонова пришлось выкупать брата из этого злочного места. Однако и по выходе оттуда Сазонов не нашел в себе силы отказаться от привычной ему жизни не по средствам, не мог отучиться от своих аристократических претензий, которых сущность состояла в том, что он мог тратить по 100 франков в день¹¹. А средства становились все скромнее, так как хозяйственное положение семьи Сазоновых значительно пошатнулось.

Не меньше ресторанов и кабаков привлекали к себе Сазонова и общественные собрания, и литературные клубы, и парламентские заседания¹². Он поддерживал связь с деятелями тогдашних французских тайных обществ и с многочисленными в то время в Париже иностранцами — политэмигрантами разных национальностей: немцами, поляками, итальянцами и др. Особенно он подружился с известным немецким поэтом Георгом Гервегом. Познакомился он и с Карлом Марксом, приехавшим в Париж в конце 1843 г.

Как же отразились заграничные впечатления на политических взглядах Сазонова? Что стало с его юношескими мечтами о революции и с увлечением идеями Сен-Симона? Опубликованное недавно письмо его к Огареву, относящееся к 1844 г., дает возможность до некоторой степени осветить этот вопрос. Письмо это было написано в ответ на письмо Огарева, в котором последний сообщал своему другу, как тяготит его жизнь в богатстве, и знакомил его со своим планом посвятить себя народу и жить с ним вместе, жить так же как живет и он. Сазонов резко возражал против желания Огарева «уйти в прелетарии»¹³. Он обвинял Огарева в неискренности и в стремлении затушевать истинные мотивы, обусловившие его мечты об отказе от богатства. «Богатым быть хлопотно, — писал Сазонов, — а употреблять богатство честным образом так, как ты разумеется, хочешь употребить его — еще хлопотнее, даже несносно, — лучше развязаться со всеми хлопотами и жить припеваючи без всякой ответственности. Не так ли?» Сазонов, по его словам, живо и искренно сочувствует положению тех, кто трудится из-за насущного хлеба, но не видит никакой надобности «самому свободно повергаться во власть природной необходимости и случая». «Работа принужденная, — пишет он, — отнимает свободу посредством лишения, так же как богатство отнимает свободу посредством излишества. Богатому человеку можно силой воли достигнуть свободы деятельной, трудящемуся по необходимости, при всех возможных усилиях, остается только свобода резигнации». Конечно, такие мысли могли возникнуть только у человека, выросшего в среде, не знающей «работы по необходимости», и привыкшего свысока относиться к труду не по влечению, а из-за куска хлеба. Труд его крепостных освобождал Сазонова от такой работы.

Сазонов признается далее, что такие слова как социализм, коммунизм теперь ему «кажутся подозрительными». Про коммунизм он пишет: «Если бы даже в нем была какая истина, то надо отложить всякое о нем толкование до отдаленного будущего, потому что в настоящее время эти толкования существенно мешают возможному развитию гражданственности... Но далее, входя в разбор самого дела, я

решительно отвергаю всякую истину в коммунизме». Однако отрицательно Сазонов относился и ко взглядам Прудона, и к построениям Луи Блана, и к мечтаньям Кабе, и к проповеди «немецкого портного Вейтлинга». Он иронически отказывается о коммунизме, «принадлежащем портным, сапожникам и пр.». Истинный смысл и значение рабочего движения недоступны пониманию Сазонова. Он отвергает принцип «организации труда», находя в нем начало принуждения, «между тем, как единственное условие всякой усиленной работы — свобода». Он осуждает Маркса и Герцена за их увлечение «крайними теориями» и добавляет: «Вот почему, друг, я тебя уговариваю, прошу, умоляю не отдаваться этим заблуждающим теориям»¹⁴.

Глубокое разочарование в идее социализма сказывается в письме Сазонова Огареву. Этой идее он противопоставляет идею индивидуализма, идею свободы. От «прекраснодушной фразы» Сазонов отказывается. Остается неприкрытая «революционность буржуазной демократии». А в том, что эту революционность Сазонов еще сохранял, свидетельствуют и связи его с западными революционными кругами, и, поражающая в 1847 г. Герцена при его встрече в Париже с Сазоновым, вера последнего в неминуемую близость революции в России¹⁵.

Вера в близость революции в России, — а если и не революция, то по крайней мере революционной ситуации, вынуждающей царское правительство пойти на уступки и принять конституцию, — особенно возросла в Сазонове в 1848 г., когда Западная Европа была охвачена пламенем революции, угрожавшим перескочить через рубежи николаевской России.

Февральский переворот 1848 г. в Париже, свидетелем которого был Сазонов, способствовал возрождению в нем его юношеских увлечений социализмом. Роль парижских рабочих в этом перевороте показала ему, что «коммунизм портных и сапожников» — дело значительно более серьезное, нежели ему представлялось за четыре года до этого, когда он писал свое вышестипированное письмо Огареву.

В революции 1848 г. Сазонов принимал деятельное участие. Он был в числе организаторов интернационального клуба «Братство народов», одного из многочисленных клубов, возникших в Париже после февральских дней. Он принимал участие в ряде тогдашних демократических газет, но нигде не мог ужиться на более или менее продолжительное время. Он входил в редакцию газеты «Tribune des Peuples», основанной польскими эмигрантами во главе с Адамом Мицкевичем и писал в ней под псевдонимом Волкова, проводя в своих статьях, между прочим, мысль о том, что русская крестьянская община может развиваться в ячейку общественного строя будущей России. В 1849 г. Сазонов вошел в редакцию газеты Прудона «Voix du Peuple», «работал сначала с увлечением», по его собственным словам, но вскоре рассорился с ее главным редактором. Затем он перекочевал в газету Ламенэ «Reforme», ближайшее участие в которой принимали итальянские эмигранты-мадзинисты. В этой газете Сазонов редактировал иностранный отдел.

Не без оснований поэтому Герцен в одном из писем своих называл Сазонова человеком «имеющим вес в европейском движении»¹⁶.

Участие Сазонова в революции 1848 г. не могло не обратить на него внимания русского правительства. Николай I повелел наложить запрещение на имя Сазонова, а самого его вызвать в Россию. Сазонов отказался возвратиться на родину и в 1850 г., по постановлению Государственного совета, был лишен всех прав состояния и изгнан навсегда из России.

В начале 1850 г., когда реакция во Франции окрепла, французское правительство выслало Сазонова из Франции под предлогом, что он «злоупотребил правом убежища, вмешиваясь во внутренние дела приютившей его страны».

Сазонов перебрался в Швейцарию. Поселившись в Женеве, он примкнул к местной эмигрантской колонии и сотрудничал в органе последователей Кабе «Populaire».

К женеvскому периоду жизни Сазонова относится его чрезвычайно интересное письмо к Карлу Марксу (от 2 мая 1850 г.), давшее повод некоторым исследователям объявить Сазонова «первым русским марксистом». С особой категоричностью эта точка зрения была выражена П. Н. Сакулиным, назвавшим Сазонова «убежденным последователем Маркса». «Обширное письмо от 2 мая 1850 г., — писал Сакулин, — свидетельствует, что к этому времени Сазонов уже превратился в настоящего марксиста»¹⁷. Однако, внимательный анализ письма Сазонова с достаточной убедительностью показывает полную неосновательность этого утверждения, основанного на некоторых отдельных высказываниях Сазонова и игнорирующего основное содержание его письма.

«Серьезный революционер может быть только коммунистом, и я теперь коммунист», — писал Сазонов Марксу. Он отрекался далее от «принципа индивидуальной свободы», находя, что этот принцип исчерпал себя и что всякое расширение его «было бы только призрачным и иллюзорным». Он спешил порадовать Маркса сообщением, что «в оценке людей и событий — почти во всем» согласен с ним. «Вам приятно будет узнать, — писал он, — что я вполне присоединяюсь во всем существенном к тому, что вы высказали в манифесте, опубликованном вами в Брюсселе». Наконец, — и в этом основная цель письма Сазонова, — он пригласил Маркса

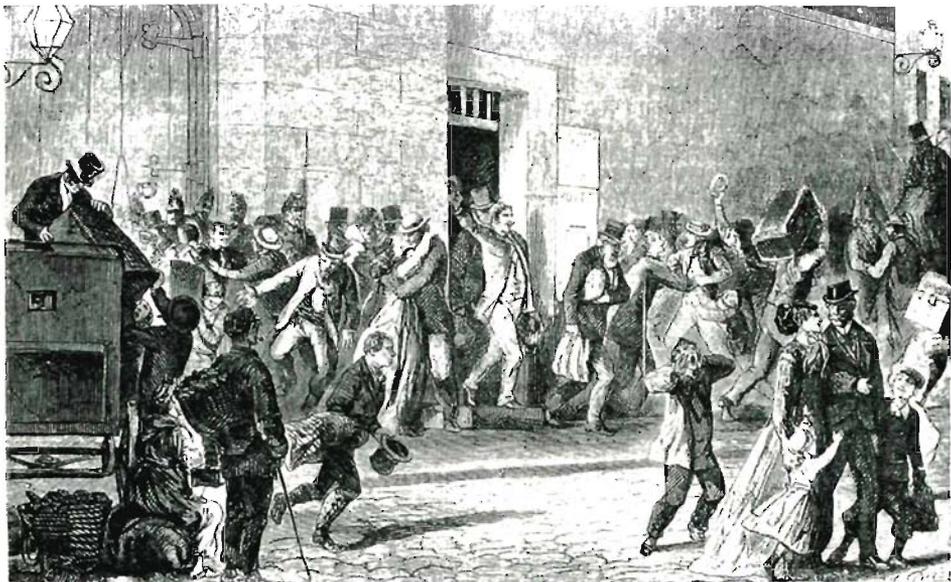
принять участие в журнале, издание которого задумано им, Сазоновым, совместно с некоторыми другими деятелями тогдашней демократии. Задача этого журнала «заключается в том, чтобы создать европейскую силу для реализации коммунизма и указать практические средства для его осуществления». Кого же Сазонов считал нужным привлечь к участию в этом журнале? Чьими руками рассчитывал он «реализовать коммунизм»? Прежде всего он называет мадзиниста Фраполли, рекомендуя его Марксу в качестве «социалиста-пантеиста». Затем он указывает на Герцена, сообщая при этом о нем: «Он скорее человек увлечения, чем убеждения, и человек воображения больше, чем знания, впрочем, очень преданный и очень способный». Далее, среди сотрудников будущего журнала следуют буржуазный демократ Феликс Пна, прудонист Массель и некий Шарпантье, человек, по словам Сазонова, «малоизвестный, энергичный, преданный, способный и очень прогрессивный».

Таково вкратце содержание письма Сазонова. Как бы усердно не подчеркивал автор этого письма своего согласия со взглядами Маркса, между его «коммунизмом» и коммунизмом Маркса было очень мало общего. Истинный смысл теории основоположника научного социализма оставался скрыт для Сазонова. К своему «коммунизму» Сазонов пришел не путем изучения экономического развития современного общества, а в результате разочарования в принципе индивидуальной свободы, благодаря которому европейская цивилизация, по мнению Сазонова, «прогрессирует только в области промышленности», а во всех других отношениях «все более атрофируется». Не в развитии рабочего движения искал Сазонов пути к «реализации коммунизма», а в литературной деятельности группы интеллигентов-революционеров.

Приглашение Маркса принять участие в проектируемом Сазоновым журнале, объединяющем чрезвычайно разношерстную в политическом отношении компанию, яснее всего показывает, как мало усвоил себе Сазонов политическую позицию Маркса и как смутно представлял он себе отношение последнего к различным группировкам, существовавшим в то время в рядах европейской демократии.

Легко представить себе, что предложение Сазонова могло вызвать со стороны Маркса в лучшем для Сазонова случае только насмешливую улыбку. И как должен был бы рассмеяться Маркс, если бы он узнал, что найдутся историки, которые на основании письма Сазонова будут рассуждать о том, что Сазонов делал шаг по направлению к пролетарскому коммунизму и превращался в «настоящего марксиста»!

Изложенное нами письмо Сазонова с несомненностью доказывает, что его автор «соглашался» с Марксом лишь потому, что недостаточно понимал его взгляды и его политическую позицию.

1848 ГОД ВО ФРАНЦИИ

Заключенные покидают тюрьму Клиши в Париже
(в тюрьме Клиши Н. И. Сазонов находился в заключении в 1846 г.)

Гравюра из журнала «Illustration», 1848 г.

Это подтверждается и дальнейшими публицистическими выступлениями Сазонова, в том числе и теми его произведениями, которые были отпечатаны в герценовской Вольной русской типографии. Но прежде чем говорить о них, необходимо коснуться его сложных и неровных взаимоотношений с Герценом.

Между Сазоновым и Герценом никогда не было настоящей дружбы, такой, например, какая соединяла Герцена с Огаревым. Даже в студенческие годы, когда их взаимоотношения были наиболее тесными, полной внутренней близости между ними не наблюдалось. Герцен был слишком крупным человеком для того, чтобы самомулюбивый Сазонов мог искренне привязаться к нему. Анненков в своих воспоминаниях об «идеалистах тридцатых годов» рассказывает, что Сазонов, отличавшийся, по его словам, «в среде товарищей противоречиями их вкусам», «пророчил Герцену, что из него выйдет лихой чиновник»¹⁶. Не создалось полной близости между Сазоновым и Герценом и во время встреч их в 1847—1849 гг. в Париже, о чем свидетельствуют приведенные выше отзывы Герцена о Сазонове. Однако, внешне их отношения продолжали оставаться дружескими. Разрыв наступил позже, под влиянием позиции, занятой Сазоновым в столкновении Герцена с Гервегом. Сазонов обвинял Герцена в том, что он насильно — «убеждениями, угрозами, одним словом нравственным принуждением» — удерживает свою жену. Герцен же утверждал, что «женщина, по несчастью увлекшаяся, хочет остановиться», а Гервег препятствует этому. Вслед же за этим Герцен узнал, что Сазонов продолжает поддерживать дружеские отношения с Гервегом и оправдывает его роль в семейной драме Герценов. Этого он не мог простить Сазонову и написал ему, что прерывает всякие сношения с ним. Позже, когда Герцен жил уже в Лондоне, а Сазонов получил разрешение возвратиться из Швейцарии в Париж, между ними восстановились письменные сношения. Основав Вольную русскую типографию, Герцен в первые годы ее существования, когда у него еще не было постоянных связей с Россией, испытывал острую нужду в литературном материале и поэтому с радостью принял сотрудничество Сазонова. Герцен напечатал два произведения Сазонова: брошюру: «Родной голос на чужбине» и статью «Место России на всемирной выставке» (во второй книжке «Полярной звезды»).

Эти произведения Сазонова представляют значительный интерес для характеристики его политических воззрений в годы Крымской войны.

Брошюра «Родной голос на чужбине» была обращена к русским пленным, находившимся во Франции. В ней Сазонов обрисовывает резкий контраст между «вольной Францией» (не забудем, что речь идет о Франции Наполеона III) и крепостнической Россией и рассказывает о том, как в 1789 г. французы добились воли.

Вместе с этим Сазонов намечает план реформ, необходимых, по его мнению, для России. Это — во первых свержение «ига немецкого правительства», которое, по мнению Сазонова, «изменило народности и действует только на пользу царской фамилии и ее немецких родственников», во вторых, отмена крепостного права с разделением крестьян землею, и в третьих, восстановление независимости Польши.

Как видим, программа Сазонова отличается большой умеренностью: под нею мог бы подписаться всякий последовательный и искренний либерал. Очевидно, к 1854 г., когда была написана цитированная брошюра, от былого увлечения Сазонова «коммунизмом» не осталось и следа.

О том же свидетельствует и статья Сазонова, напечатанная в «Полярной звезде» и представляющая собою попытку философски осмыслить прошлое, настоящее и будущее России и определить ее место в общей семье цивилизованных народов.

Хотя автор и утверждает, что он принадлежит к числу людей, убежденных, что только наука и промышленность могут привести Россию к завоеванию свободы и что в последующем своем развитии они дадут русскому народу и новые верования, и новое искусство, и новое гражданское устройство (именно в этом месте статьи Сазонова некоторые исследователи пытаются найти отзвуки его былого увлечения идеями Маркса), тем не менее вся его аргументация имеет чисто идеалистический характер: она всецело построена на анализе «русского народного характера».

Вслед за Герценом, Сазонов в своей статье подчеркивает отсутствие в России буржуазии и на этом основании находит возможным мечтать о создании промышленности, лишенной буржуазного характера.

Если автор статьи и расходился с Герценом, то лишь в отношении к западно-европейской цивилизации. Сазонов пишет: «Западу предстоит обновление так же, как и нам самим. Перерожденная Россия займет свое место в Европе преобразованной... Западные европейцы перестанут считать освобожденных русских варварами, а мы не будем более мечтать о скорой гибели гниющего Запада и о всемирном господстве славянского племени. Для всех племен, для всех идей и для всякого труда есть на земле место».

Возможно, что этим заявлением Сазонов стремился отмежеваться не только от славянофилов и панславистов, но и от Герцена, противопоставлявшего Россию

1848 ГОД ВО ФРАНЦИИ

Политический клуб в Париже

Гравюра из журнала «Illustration», 1848 г.

«старому миру» и мечтавшему об обновлении этого мира при помощи общинных начал русской крестьянской жизни.

К тому же приблизительно времени относится еще одно произведение Сазонова. Это — политический памфлет, изданный им анонимно на французском языке в 1854 г. в Париже под названием: «La vérité sur l'empereur Nicolas. Histoire intime de sa vie et de son règne par un russe». Этот памфлет, впервые появляющийся в русском переводе в настоящем номере «Литературного Наследства», является, пожалуй, наиболее ярким и удачным в литературном отношении, произведением Сазонова. Несмотря на ряд фактических неточностей и ошибочных утверждений, имеющихся в памфлете Сазонова, это произведение его выгодно отличается от большинства других вышедших за границей памфлетов против Николая I, большей осведомленностью в русских делах. В годы Крымской войны он был широко использован французской прессой в ее борьбе против русского правительства¹⁹. Основная черта памфлета Сазонова — глубокая ненависть как лично к императору Николаю I, которого автор считает трусом, лжецом и лицемером, так и к деспотическим порядкам, установленным Николаем в России.

С половины 50-х годов в литературной деятельности Сазонова наступает большое оживление. Насколько мало и неохотно писал он раньше, настолько интенсивно принимается он работать теперь. Может быть, это стоит в связи с резко ухудшившимся его имущественным положением. Привыкший вести обеспеченную жизнь и ни в чем не отказывать себе, Сазонов переживал теперь тяжелые дни. Он узнал, что значит нуждаться в самом необходимом. И это заставило его наконец приняться за регулярную и систематическую работу.

В 1855 г. Сазонов становится одним из редакторов французского библиографического журнала «L'Athenaeum Français», где он — отчасти под своей фамилией, отчасти под псевдонимом К. Штахеля — печатает ряд статей (о русских народных сказках, о чешской литературе и др.). Тогда же он становится постоянным сотрудником «Отечественных Записок» и «С.-Петербургских Ведомостей», где помещает, — также под псевдонимом Штахеля, — ряд статей и корреспонденций, посвященных французской общественной жизни и литературе. В 1859—1860 гг. Сазонов участвует в редакции еженедельника «La Gazette du Nord», издававшегося в Париже неким Гавриилом Рюминым²⁰. Наконец в 1860—1861 гг. он сотрудничает в Московской газете «Наше время», издававшейся Н. Ф. Павловым и субсидировавшейся правительством. К этому следует прибавить, что еще в 1857 г. Сазонов обратился к русскому правительству с просьбой о помиловании и разрешении возвратиться на родину. При этом он ссылаясь на то, что «опыт зрелых лет» изменил его убеждения и он отказался от «увлечений молодости»²¹. По получении от префекта парижской полиции справки, удостоверяющей, что Сазонов ведет себя хорошо и поступающие о нем сведения благоприятны во всех отношениях, Сазонов был помилован. Однако разрешением возвратиться в Россию он не мог воспользоваться по отсутствию материальных средств. В 1862 г. он умер в Швейцарии. К этому времени

он был уже забыт как своими бывшими друзьями, так и противниками. «Никто не шел за его гробом, — писал Герцен; — никто не был поражен вестью о его смерти»²⁴.

Сочинения Сазонова, относящиеся к последним годам его жизни, обнаруживают, как далеко отошел он от своих прежних взглядов. Особенно показательны в этом отношении его статьи в «La Gazette du Nord», — в частности серия статей, посвященных готовившейся в то время отмене крепостного права. Их писал либерал, верящий в благие намерения царя и в искреннее желание дворянства поступиться своими привилегиями. Недаром в письме к И. Ф. Беккеру, написанном в 1862 г., Сазонов отзывался о реформе 19 февраля, как о «полном экономическом перевороте в самых основах русского общества». «Будущее этой страны, — писал Сазонов, — отныне может считаться завоеванным для прогресса, и этот прогресс ляжет огромным грузом на весы судеб человечества».

В связи с этим не мешает упомянуть об одном эпизоде, относящемся к 1859 г. В этом году русская колония в Париже устроила литературный и музыкальный вечер в пользу своих нуждающихся соотечественников, живущих в Париже. Участвовать на этом вечере был приглашен и Сазонов. Однако в последний момент организаторы вечера вспомнили о революционном прошлом Сазонова и отклонили его участие в вечере. Сазонов ответил на это статьей «По поводу одного русского вечера в Париже», напечатанной в «Gazette du Nord» и содержавшей в себе конспект речи, которую Сазонов намеревался произнести на вечере.

«Да, — писал Сазонов в этой статье, — свободу я люблю больше, чем рабство, право больше, чем произвол, законный порядок больше, чем личный каприз, прогресс больше, чем застой, науку больше, чем суеверия, — словом, Александра II я предпочитаю Иоанну IV. Вот какова моя революционность»²⁵.

Это заявление и в частности противопоставление Александра II Ивану Грозному с полной очевидностью показывают, что Сазонов под конец своей жизни находился всецело под властью либеральных иллюзий, связанных с личностью Александра II, и веры в его великодушие. Все это особенно ярко проявилось в статьях Сазонова по поводу крестьянской реформы, смысл которых сводился к восхвалению мудрости и справедливости Якова Ростовцева и возглавляемых им редакционных комиссий по крестьянскому делу.

Хотя Сазонов и понимал невозможность безземельного освобождения крестьян, но в то же время он горячо отстаивал права помещиков. Для него право собственности помещиков на землю «столь же священно», как и право крестьян на личную свободу. Поскольку же к крестьянам переходит часть помещичьей земли (крестьянские наделы Сазонов считал собственностью дворян), постольку на крестьян ложится обязанность вознаградить своих бывших владельцев за все убытки, связанные с таким переходом и с прекращением барщины. Предложенный Н. Г. Чернышевским план выкупной операции Сазонов отвергает, находя, что автор его уменьшает стоимость земли, отрезаемой помещиками крестьянам. «Мы требуем справедливого и достаточного возмещения убытков, понесенных владельцами земли», — пишет он. Он открыто становится на сторону помещичьего землевладения, находя государственный интерес в том, чтобы дворянские состояния не уменьшались бы и чтобы крупные землевладельческие хозяйства могли процветать и развиваться. Наконец, Сазонов подчеркивает, что дворянство, по его мнению, призвано играть руководящую роль в исторической жизни России. «Надо сказать, — пишет он, — что дворянство является наиболее просвещенным сословием русского общества, единственным, членом которого дается основательное образование; именно оно хранит национальные традиции и возвращает ростки прогресса, скрытые в национальной почве или занесенные ветрами с Запада; нет сословия, нет отдельных лиц даже, которые могли бы заменить дворянство... Разоряя дворянство, Россия обезглавит самое себя».

Так Сазонов, «дворянский революционер» 30-х и 40-х годов, под конец жизни превращается в откровенного защитника дворянских прав и привилегий.

По отзыву современников, принадлежавших к различным лагерям, Сазонов был человеком выдающимся и обладал широким образованием. Он знал четыре языка, был хорошо знаком с историей и литературой западно-европейских народов, обладал большими сведениями в области политики²⁶. Он умел импонировать окружающим и располагать к себе людей, с которыми ему приходилось встречаться. М. А. Бакунин в своей «Исповеди», рассказывая о своих взаимоотношениях с Сазоновым, писал: «Николай Сазонов — человек умный, знающий, даровитый, но самолюбивый и себялюбивый до крайности. Я в дружбу его не верил, но видел его довольно часто, находя удовольствие в его умной и любезной беседе»²⁷. «Есть в Париже русский человек необыкновенного ума, по имени Сазонов», — писал в 1841 г. П. Я. Чаадаев А. И. Тургеневу²⁸. Н. П. Огарев в 1846 г. сообщал Герцену, что он готов «с гордостью» назвать Сазонова своим другом²⁷. Герцен даже после окончательного разрыва своего с Сазоновым признавал, что он «большей был талант»²⁸. Наконец, Карл Маркс отзывался о нем, как о «известном русском писателе»²⁹.

Человек талантливый и умный, выходец из среды весьма обеспеченной части дворянства, получивший широкое образование, Сазонов, казалось бы, имел все данные для того, чтобы увековечить свое имя и оставить после себя заметный след в истории русской литературы и общественной мысли. Однако этого не случилось, и имя его принадлежит к числу имен многочисленных русских талантливых неудачников, не осуществивших тех надежд, которые возлагались на них их друзьями. Жизнь Сазонова сложилась неудачно не только в том отношении, что временами ему приходилось с трудом поддерживать свое существование, отказывая себе в самом необходимом, а порою и голодать, но и в том отношении, что многие начатые им работы ему не удавалось завершить, а многие задуманные им литературные произведения остались в области благих намерений. По условиям своей жизни и воспитания Сазонов не имел представления о том, что такое трудовая дисциплина. С аристократическим высокомерием относился он к регулярной, кропотливой, ежедневной работе. За это ему и пришлось жестоко расплатиться, оправдав жесткую характеристику Герцена, однажды назвавшего его «плодовитой бесплодностью»³⁰. И это сделало его одной из колоритнейших фигур в галлерее русских «лишних людей».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Герцен, т. XIII, стр. 573 и 577—578.
- ² Там же, стр. 576.
- ³ К. С. Аксаков, Воспоминания студентства 1832—1835 гг. СПб., 1911 г., стр. 30—33.
- ⁴ Герцен, т. I, стр. 135—137.
- ⁵ Герцен, т. XIII, стр. 574. Студентом, приведенным Сазоновым, был Н. М. Сатин.
- ⁶ Там же, стр. 575.
- ⁷ Подчеркнуто мною. — Б. К.
- ⁸ Герцен, т. XII, стр. 151—152.
- ⁹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 465.
- ¹⁰ До этого он еще раз был за границей в 1835—1836 гг. К этой первой заграничной поездке, когда Сазонов посетил Германию, Швейцарию и Италию, и относится его печатаемое нами письмо к К. С. Аксакову.
- ¹¹ В кавычках слова В. П. Боткина к П. В. Анненкову от 26 января 1846 г. «П. В. Анненков и его друзья», СПб., 1892 г., стр. 525.
- ¹² «Если бывало, — вспоминал он впоследствии, — нельзя достать билета на интересное заседание в палате депутатов, то в 9 часов отправляешься ко входу публичной галлерей, где несколько промышленников проводили ночь на тротуаре, и у одного из них покупаешь за пять или, пожалуй, за десять франков место в «хвосте». К. Штагель» (псевдоним Н. И. Сазонова). Парижские новости. «С.-Петербургские Ведомости», 1856 г., № 82.
- ¹³ Письмо Н. П. Огарева к Н. И. Сазонову не сохранилось. Выражение «уйти в пролетарии» заимствуется нами из относящихся к тому же времени писем Огарева к Герцену (см. «Каторга и Ссылка», 1933 г., № 9, стр. 126) и Кетчеру (см. П. В. Анненков, Литературные воспоминания, СПб., 1909 г., стр. 112).
- ¹⁴ «Звенья», кн. VI, М., 1936 г., стр. 347—353.
- ¹⁵ См. рассказ об этом Герцена, Сочинения, т. XIII, стр. 579—580.
- ¹⁶ Герцен, т. VI, стр. 431.
- ¹⁷ П. Н. Сакулин, Русская литература и социализм, М., 1922 г., стр. 253.
- ¹⁸ П. В. Анненков, Литературные воспоминания, СПб., 1909 г., стр. 77.
- ¹⁹ Е. В. Тарле, не знавший, что автором этого памфлета был Сазонов, указывает, что «Правда об императоре Николае I» оказала прямое и непосредственное влияние на Огюста Ролана, автора изданной в 1855 г. книги: «Histoire politique et anecdotique du czar Nicolas I, empereur des russes». Е. В. Тарле, Самодержавие Николая I и французское общественное мнение. — «Былое», 1906 г., № 10, стр. 155—156.
- ²⁰ О характере этого издания можно судить по тому обстоятельству, что оно было беспрепятственно допущено в Россию. Герцен, т. X, стр. 156.
- ²¹ Герцен, т. XIV, стр. 143.
- ²² Герцен, Письма к будущему другу. Сочинения, т. XVII, стр. 95.
- ²³ «La Gazette du Nord», 1859, No. 12.
- ²⁴ Герцен, т. XIII, стр. 586.
- ²⁵ М. А. Бакунин, Собрание сочинений и писем, т. IV, М., 1935 г., стр. 126—127.
- ²⁶ П. Я. Чаадаев, Сочинения, т. I, стр. 240.
- ²⁷ «Переписка недавних деятелей». — «Русская Мысль», 1891 г., № 8, стр. 19.
- ²⁸ Герцен, т. XV, стр. 568.
- ²⁹ Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 267.
- ³⁰ Герцен, т. V, стр. 48.

1. ЛИТЕРАТУРА И ПИСАТЕЛИ В РОССИИ

ИВАН ТУРГЕНЕВ 1

Если тот восторженный прием, который русские читатели оказали последним произведениям Тургенева, еще не оправдал бы того, что список писателей его родины мы начинаем его именем, то это оправдание нашлось бы в международном успехе его произведений, в характере его дарования, одинаково ценимого во Франции и в Германии, в Англии и Соединенных Штатах. Это — почетное положение, конечно, но это и опасное положение; впоследствии мы увидим, насколько Тургенев его заслужил; начнем с того, что без всяких преувеличений объясним, как занял он это положение.

Россия внушает Европе и всему миру постоянный интерес, но интерес этот относится не к нации, а к большой силе. Все усердно стараются решить, какое положение займет русское правительство при данных обстоятельствах, не думая о том, что позиция эта часто предопределяется теми интересами и тенденциями, которые в России, как и везде, проявляет общественное мнение. Нет! все, что касается русской национальности, принято игнорировать; никто не хочет отнестись критически к ложным представлениям, созданным и распространенным односторонними польскими патриотами, и если иногда кем-нибудь проявляется видимый интерес ко внутреннему развитию России и ее литературе, то это является лишь предложением для упрямой критики, для последовательной ненависти и беспощадной войны. Имя Тургенева стало впервые известным во Франции во время гигантского севастопольского конфликта, когда переводчик «Записок охотника», который знал русский язык весьма приблизительно и путал арапник с арапом, издал этот замечательный сборник под поэтическим названием «Записки русского боярина»². Сквозь вольные и невольные ошибки перевода публика все-таки разглядела и оценила несомненный талант автора. Сначала его читали, так как надеялись у него найти, — доверясь некоторым объявлениям, — «разоблачение русских тайн» — тех ужасов, которые творились в этой варварской стране, безумной до такой степени, что она решилась противостоять соединенным силам Англии и Франции. Затем в Тургеневе нашли другое — поразительную правдивость в изображении нравов народа некультурного, но полного нравственной силы и природного ума, увидели воспроизведение картины злоупотреблений крепостного права во всей их безобразной наготе, увидели и близкую возможность освобождения.

Книга эта, которая должна была по расчетам сыграть на руку кампании, поднятой против России, вместо этого заставляла любить эту страну, освещая ее полным светом, обнаруживая то, что до сих пор было неизвестно — русский народ, т. е. существо нации, до тех пор известной лишь поверхностно. Г. Тургенев оказал этим большую услугу своему отечеству; с тех пор он продолжал ему оказывать еще большие услуги, прославляя его рядом произведений, перевод которых пожелали иметь все великие европейские литературы. Три года тому назад г. Тургенев издал собрание своих сочинений под скромным названием «Повести и рассказы». Наиболее ранние произведения, вошедшие в эти три тома, относятся к 1844 г.; значит, на то, чтобы приобрести европейскую известность, ему не понадобилось 30-ти лет. Это тем более замечательно, что автор «Записок охотника» начал не блестяще. Первые опыты г. Тургенева носят печать своеобразного дарования, мысли воспитанной на хороших образцах; читатель постепенно поддается обаянию стиля одновременно строгого и надменного, скупой и четкой обрисовки образов. Ничто неожиданное не поражает его. Это не шумно низвергающийся горный поток, а одна из полноводных русских рек, которые мирно вытекают из окруженного лесом озера. За некоторое время до того

мне случилось встретить г. Тургенева в Париже³. Это был высокий элегантный молодой человек, сильного сложения с характерным лицом, темноволосый, с задумчивым взглядом и иронической улыбкой.

То общество, в котором мы с ним впервые встретились, тоже было не совсем обычным. Собралось оно в студенческой комнате, после одной из тех вдохновенных, хотя и несколько причудливых лекций, которыми Мицкевич в ту пору волновал французскую и иностранную молодежь⁴. Сборище это состояло в большинстве своем из русских; все они (по крайней мере те, которые находились в Париже) были в ту пору славянофилами или западниками; славянофилы путешествовали меньше, потому на нашем сборище оказались одни западники. Они, в свою очередь, делились на гегельянцев и социалистов, из которых первые были более положительными и лучше разбирались в действительности, вторые полны великодушных утопий и пламенных, но несколько неопределенных, может быть, мечтаний. Между г. Тургеневым и двумя его соотечественниками разгорелся спор о том, может ли русский при существовавших тогда обстоятельствах быть полезным своему отечеству, оставаясь за границей. Г. Тургенев в ту пору был, сколько мне помнится, гегельянцем, он старался убедить своих друзей в том, что человек всегда работает плодотворнее на родной почве, а не вдали от нее. Возражения его противников тоже не были лишены силы, и спор закончился лучше, чем многие другие, потому что сущность его была сформулирована одним из собеседников, который, обращаясь к г. Тургеневу, сказал: «Ну, хорошо! У вас есть воля и талант, возвращайтесь на родину, работайте, вызовите из этой нездоровой действительности тот идеал, которого мы ждем и жаждем, покажите нам глубины русской души, откройте нам тот национальный гений, который до сих пор, повидимому, употреблял все силы свои на то, чтобы подавлять все живое, убивать всякую свободу! Мы тем временем будем работать здесь, в Европе, мы выясним все основы западной цивилизации, мы примем ее окончательные выводы, ее лучшие и необходимые идеи и передадим их России, как только она будет в состоянии их принять». Не наше дело судить о том, насколько произнесший эти слова сдержал свое обещание; но мы можем с уверенностью сказать, что г. Тургенев своей неустанной и живой деятельностью дал больше, чем можно было предполагать. Чтобы судить о значении литературных трудов г. Тургенева, надо вспомнить о той эпохе, в которую он начинал писать. Это было во время того кризиса во внутреннем развитии России, который начался после 1815 г., достиг своей высшей точки к 1850 г. и окончился только в 1856 г., когда император Александр объявил о своем решении освободить крестьян⁵. Этот кризис был жесток, и от него произошли некоторые отклонения в национальном характере, следствие которых Россия будет ощущать еще долго. После революции, произведенной Петром Великим, созданная им империя все время продолжала идти стезей проложенной грозным императором; эта стезя была стезей цивилизации.

Нигде, быть может, цивилизация не внушает такой глубокой и безрассудной веры, как в России. В основе движения, душой и орудием которого был Петр Великий, лежало два убеждения: цивилизация и сила национального духа. Импульс, данный этими двумя убеждениями, действовал на протяжении всего XVIII века и первых лет XIX, но в 1815 г., после укрепления внешнего политического могущества, Россия почувствовала, что для нее низительны неумение или невозможность создать внутри себя внутренних прогресс, достойный ее внешнего влияния. С этого времени наступил застой в развитии национального духа,

наступили всеобщие колебания. Положение это лишь ухудшилось в 1825 и 1830 годах. Окончательный разрыв с Польшей, враждебность Европы, суровость режима, установленного императором Николаем I внутри страны, — все это ввергло русскую молодежь и вместе с ней и русскую литературу в крайности разочарования, байронизма, скептицизма, цинизма, действительного или аффектированного. Лучшим выражением этого печального нравственного состояния, этого крушения отвлеченных идей цивилизации являются сочинения Лермонтова, талантливого поэта с нешироким умом, смещающим в бессознательном подражании аристократические притязания Байрона с революционным пафосом «Ямбов» Барбье. Роман его «Герой нашего времени», неоднократно переведенный на французский язык, дает нам тип одного из таких русских, которые в течение многих лет заполняли страницы романов, изданных в Петербурге и Москве.

В ту же эпоху выступил Гоголь, по иному мощное дарование, единственный быть может из русских писателей владевший божественным даром создания образов-типов. Когда он появился, русская литература шла по дурному пути, и великолепные произведения Гоголя в то время не нашли правильной оценки. Типы, которые он сумел найти среди отечественных характеров, пугали одних, как симптом морального разложения, и радовали других, которые использовали их для доказательства того, что надо еще сильнее ненавидеть порядок вещей, способный породить таких чудовищ. Это было почти то же, что произошло во Франции с романом Бальзака; но французская цивилизация гораздо сложнее и укоренилась гораздо глубже, чем русская; софизмами ее надолго с прямого пути не свернешь. Что же касается России, то давно пора уже понять, что появление такого творца и поэта, как Гоголь, каким бы ни было содержание его творчества, никогда не могло быть признаком национального упадка и что, напротив, оно указывало на поступательное движение национального духа.

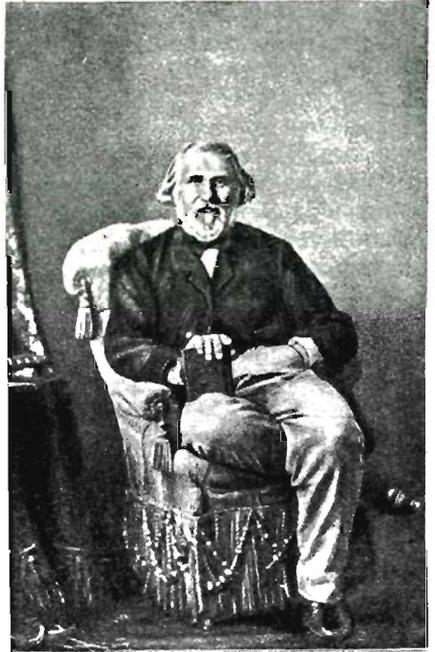
Как бы то ни было, г. Тургенев в начале своей деятельности нашел русскую литературу в печальном состоянии; естественно, что он испытал на себе и последствия этого — первые его рассказы носят следы байронических влияний. Вместе с тем влияния эти уже смягчены известной высотой философских взглядов и редкой наблюдательностью. Вскоре молодой писатель нашел основательную опору на родной почве. Страсть к ружейной охоте заставила его непосредственно соприкоснуться с крестьянами, которые помогали ему иногда в поисках дичи и у которых он останавливался, когда заходил слишком далеко от дома. Как только эти отношения установились, ученик Гегеля вскоре полюбил превосходные качества этого народа, который вызывает восхищение даже в узнавших его иностранцах. Тургенев — первый русский писатель, который стал писать о крестьянах, который сумел их представить типическим образом, в точном изображении их нравов и положения, не имея иного пристрастия, кроме любви к справедливости и свободе. Рассказы его написаны не против помещиков и не в их пользу, и, если из них явствует необходимость освобождения, то это не по вине автора. Закалив свое дарование на этих набросках, в равной мере замечательных и совершенством формы, и глубиной содержания, где артистически изученный пейзаж обрамляет столь мастерски обрисованные лица, г. Тургенев вернулся к психологическим этюдам, которые, повидимому, занимали его с самого начала.

В серии романов и новелл он широкими мазками набросал разные стороны русского характера. Французские читатели знакомы с некоторыми из этих произведений по «Revue des Deux Mondes», который напечатал их в переводе. Г. Тургенев до сих пор не был особенно плодови-

И. С. ТУРГЕНЕВ

Фотография, 1862 г.

Литературный музей, Москва

тым; романы его не длинные, и он не печатал их более, чем один или два в год. Это объясняется тем, что он много работает, и тем, что он принадлежит к современным характерам, в которых познание, работа и вдохновение вечно ищут равновесия и часто его находят.

Это умение соединить силу мысли с порывами вдохновения и сделать из упорной работы смысл всей жизни дало г. Тургеневу возможность вывести русскую литературу из того состояния крайнего возбуждения и смятения, в котором она находилась после смерти Пушкина. Г. Тургенев связал цепь национальной традиции; через переходной период он протягивает руку тому поэту, которого мы только что назвали, так же как тот в свою очередь протягивал ее Карамзину, который через Новикова получил непосредственно от Ломоносова бремя современной русской цивилизации. Национальный гений снова обрел себя, отчаяние и колебания исчезли, и в это великое достижение г. Тургенев имеет честь внести свою лепту.

Как он этого достиг? Способ его — необычный способ. Ученый, эрудит, даже проникнутый принципами и методами германской философии, он в начале своего творческого пути разрешал своему вдохновению создавать мысли, образы и типы, тщательно проверенные и приведенные к законам современной эстетики; все должно было приноситься в жертву объективности, автор никогда не должен был проглядывать в своих произведениях. Это были великолепные правила, будто бы открытые в произведениях Шекспира и Гете. Ныне вера в эти правила сильно поколебалась; но г. Тургенев был прав, подчиняясь им в первых своих произведениях; это было суровой и хорошей школой для его мужественного таланта. Если бы он с самого начала стал злоупотреблять лиризмом, как все молодые, и не только молодые писатели, он бы скоро исчерпал драгоценный дар энтузиазма, тогда как сдерживая и покоряя его строгой дисциплиной, он обеспечил себе возможность развернуть его во всем блеске, как это и видно по его более поздним произведениям.

Чрезвычайно любопытно по серии романов Тургенева проследить развитие писательской личности, освобождающейся от тесных пут объ-

ективности. Все сильнее чувствуется дыхание жизни, которое автор сообщает непосредственно своим героям, и все яснее видна индивидуальная оригинальность, которая лишь одна делает произведения искусства бессмертными. Г. Тургенев начал набросками верными, но несколько холодными в «Записках охотника»; волнуемый и серьезностью темы, и очарованием выбранных им моделей, молодой автор отдается иногда лирическим порывам, особенно прекрасным потому, что они никогда не запятнаны преувеличением. Любовь к родине, — эта страсть характеров великодушных, — конечно, всегда была присуща г. Тургеневу; но, подчиняясь правилам германской эстетики, он тщательно прятал это чувство, так же как и многие другие. Быть народным? неприлично, *fi donc!* патриотом? еще хуже! Это вульгарно до последней степени: нельзя было также показаться гуманным или филантропом — это было отвратительно до ужаса; надо было оставаться объективным, как Шекспир и как Гете.

Г. Тургенев удовлетворял всем этим требованиям; он по мере сил прятал свой патриотизм от читательского глаза, но этот жар и пламя в «Записках охотника» ему удается скрыть не всегда. Теперь, когда талант его достиг полной зрелости и он сознает свою силу, еще молодой, но уже прославленный автор «Дворянского гнезда» (перевод этого романа был напечатан в *la Revue contemporaine* ⁶⁾), умея владеть своими чувствами, уже не держит их в тени и отдает им в своих произведениях то место, которое им принадлежит. Он не стал проповедывать социальных и экономических теорий, не стал писать тенденциозных романов; вдохновение его рисует жизнь такой, как она есть, и в его романах появляются живые люди, отражающие страсти и интересы той среды, в которой они живут, между тем как автор, подчиняя их единому замыслу произведения, вместе с тем ни в чем не умаляет ни многообразия черт их характеров, ни сложности их взаимоотношений.

Чтобы достичь такой мощи в воспроизведении жизни, надо быть большим мастером, и г. Тургенев бесспорно является таковым; он только что доказал это самым разительным образом.

После успеха «Дворянского гнезда» казалось бы, что автору остается лишь опочить на лаврах; но избранным умам и великодушным сердцам успех служит лишь ободрением к началу новых трудов, к достижению новых триумфов. Так поступил и г. Тургенев. В этом году он одержал две новые победы; дважды ему удалось привлечь общественное внимание созданием шедевров, которые изумили даже вполне в нем уверенных друзей его. На литературном вечере в Петербурге, устроенном в пользу только что организованного литературного общества, г. Тургенев прочел философскую работу, посвященную сравнению двух типов — Гамлета и Дон-Кихота⁷.

В одновременном появлении этих двух типов в начале новой эры европейского общества русский критик видит ценные указания; в этих двух характерах, дополняющих друг друга в своей контрастности, он видит два полюса морального мира человека — человека веры и человека сомнения, скептика и верующего. Между этими двумя полюсами остается широкая арена для сложной игры современной интеллектуальной активности нового общества. Если принцип анализа в Гамлете доходит до трагизма и если принцип веры в Дон-Кихоте приближается к комизму, то промежуточные пространства открывают широкое поприще сложной игре современного сознания. Обе тенденции заложены в человеческой природе, оба типа представляют из себя двойной идеал современного человека, они в равной мере необходимы для воплощения идей, которые зарождаются сейчас и зарождались после возрождения литературы. Дон-Кихот открывает или придумывает миры, Гамлет их

изучает, исследует и делает их реальностью, частью общего человеческого достояния. Критика редко поднималась на такую высоту; прекрасные замечания Гете о Гамлете и великолепная страница Байрона о Дон-Кихоте не только сплавлены воедино в этом замечательном наброске, но еще освещены внимательным изучением и лихорадочной энергией, основными свойствами современной эпохи.

Овации, устроенные г. Тургеневу по этому случаю, должны были ему доказать, что русской публике доступны все вершины, если она привлечена на них уважением к любимому слову. Эти овации повторились и в Москве, когда прославленный писатель прочел там свою прекрасную работу на вечере, устроенном с той же целью.

Г. Тургенев, таким образом, лишний раз доказал, что лучшими критиками все-таки являются поэты, если им только придет охота заняться этим делом. Но этой славы ему было мало: шумный успех его еще не достиг последних пределов, как он уже самым ярким образом показал, что великий критик скорей, чем кто-либо другой, является превосходным поэтом.

Роман, который он напечатал в «Русском Вестнике» под названием «Накануне», является последним словом его второй манеры письма. Четкость очертаний, которая восхищала в первых его произведениях, стала еще совершенней, рисунок стал более уверенным, чем раньше, яркость красок усилилась, композиция более умелая, чем раньше, поражает все той же благородной простотой, а типы достигают жизненности, невиданной в прежних романах г. Тургенева (за исключением действующих лиц «Дворянского гнезда»), не теряя ничего в своей объективности. Это — внешние, абстрактные качества нового произведения молодого романиста; но главным его очарованием и главным его достоинством является создание такого женского характера, какого не дали читателю ни одна русская поэма, ни один роман. До сих пор тип русской женщины был не по плечу русским поэтам; они делали лишь наброски, как Пушкин в своей Татьяне, в которой мы находим лишь две случайные черты, но неполный характер, или китайские тени, как Лермонтов, или силуэты, как Гоголь. Это было естественно! Русская женщина, как и русский мужчина, впитала в себя те разнороднейшие элементы цивилизаций, под влиянием которых последовательно находилась ее страна; но сверх этого она по физиологическим условиям своей организации сохранила нетронутую печать первоначальной народной сущности. Эти узоры цивилизации на фоне древней сущности были слишком сложны, чтобы мысль могла из них создать какое-нибудь единство, чтобы искусство осмелелось ими завладеть и создать из них литературный тип. Быть может также было нужно, чтобы русская женщина осознала себя сама? Исполнилось ли это? Приходится верить, потому что в последнем романе г. Тургенева мы имеем женский характер, законченный, живой, типический и вполне русский. Глубоким смыслом романа является; по существу, психологическое развитие этого характера, но так как этот характер живой, то он все время остается естественно связанным с той средой, которой он создан. Это — молодая девушка, с детства обреченная на нравственное одиночество, чуждая матери и отцу; она воспитывает себя сама, она развивает свой ум и свое сердце и, когда она чувствует необходимость дополнить жизнь свою любовью, она, после некоторых колебаний, выбирает единственного человека, который ей кажется человеком, — болгарина, решившего отдать жизнь за освобождение своей родины.

То, что мы сейчас сказали, даже не является скелетом этого прекрасного романа, к которому мы хотим привлечь внимание наших читателей. Основой его является гармоническое сочетание строго логи-

ческого анализа с напряженным чувством. Это — правдивость ума, которая освещает красоту души. Последней и важнейшей услугой, оказанной г. Тургеневым своей родине, является это указание русским мужчинам на то, чего от них требуют русские женщины. Исполняются пророческие слова Гете!

Вечная женственность
Сразу бросается в глаза

Г. Тургенев сейчас в том возрасте, когда Гете едва набрасывал первую часть «Фауста» и задумывал «Вильгельма Мейстера»; прославленному русскому писателю предстоит еще долгий путь; пусть же он не сходит с того пути, на котором он стоит: разум и поэзия присудят ему свои пальмовые венки, а родина запишет в своих анналах имя человека, возвеличившего ее в глазах человечества.

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН

Этот писатель пользуется в России и за границей большою известностью как публицист, но литературный талант его, по нашему мнению, еще недостаточно оценен. Политическое поприще г. Герцена еще далеко не окончено, поэтому окончательная оценка его была бы в настоящее время и необоснованна и несвоевременна; но как писатель он, повидимому, уже полностью высказался, и в связи с изданием французского перевода его воспоминаний* было бы интересно, думается нам, присмотреться к особенностям его таланта и познакомиться с литературными предшественниками этого писателя, сочинения которого должны все более и более привлекать внимание европейского общества.

В предыдущей статье мы отметили, что одной из отличительных особенностей русской литературы является любовь к цивилизации (страсть абстрактная в отношении объекта, но отнюдь не в отношении своих источников); чувство это проявляется различно, но неизменно сохраняет свои прогрессивные тенденции и свою напряженность. Стремление к цивилизации, восторг перед идеями и установлениями, которые должны осуществить эту цивилизацию на русской почве, порою принимали нелепые формы; отрицать этого нельзя. Как дети, подражающие «большим», русские иной раз вызывали улыбку своим неловким и упрямым подражанием. Началось с того, что, приняв из рук Петра Великого новый совершенно законченный и установившийся порядок вещей, Россия напялила на себя европейский мундир, не задумываясь над тем, впору ли он ей; когда же, несколько позднее, уже сбрав бороду, надев парик и галстук, русский заметил, что ему еще много недостает, чтобы сравняться с иностранцами, которыми окружил себя царь, — он решил, что для полного уничтожения различия нужно овладеть языком, на котором говорят эти иностранцы. Так началось изучение немецкого, потом итальянского и, наконец, французского языка, который с тех пор остался языком русского образованного общества. В русской школе преподавание новых языков опередило преподавание наук и, в то время как в XVIII веке в гимназиях изучение математики ограничивалось элементами счета, на изучение немецкого и французского языка полагалось двадцать часов в неделю.

Это обстоятельство разъясняет одну из особенностей современной русской цивилизации, оно дает ключ к пониманию свойственной русским способности к восприятию всех новейших идей, всех проявлений действительного и мнимого прогресса, и в то же время к пониманию

* «La Révolution et le Monde Russe» éd. Dentu.

неспособности их воплощать эти мысли, осуществлять этот прогресс у себя на родине.

Увлечения, внушенные поверхностным чтением иностранных книг, не замедлили вызвать в России реакцию, и со времен Фонвизина и Новикова национальный дух не перестает возражать против засилья многочисленных наносных и изменчивых влияний. Эти два течения так и укоренились и живут уже несколько поколений; до сего времени одно из них все еще слишком отвлеченно, чтобы дать на практике дей-

ГЕРЦЕН

Фотография, 1860-е гг.

Литературный музей, Москва

ствительные и длительные результаты; другое же проявило себя как нечто чисто отрицательное, консервативное и, следовательно, неспособное пробудить мысль к самостоятельной деятельности.

А тем временем народ жил своею жизнью, хотя и бессознательной, но полной, и некоторые избранные натуры, принадлежащие к якобы цивилизованным классам, имели возможность погрузиться и набраться сил в этом источнике свежести и вдохновения: так зародилась в России самобытная литература, несмотря на полное отсутствие оригинальности в умственной жизни русского общества.

Говоря об Иване Тургеневе, мы отметили кризис в жизни России,

обнаружившийся после 1812 г., и на последствия препятствий, которые встретил этот кризис в своем естественном развитии.

После 1825 г. и особенно после 1830 г. Россия приняла совершенно новый, почти зловещий облик, и цивилизация стала там официально считаться лишь средством господства или способом приумножения материальной мощи государства. Не пытаясь отыскать истока народной жизни, в России воспользовались понятием народности для установления и укрепления системы слепого и мелочного консерватизма. Молодежь воспитывали в рабелепном уважении к изобретенной г. Уваровым формуле: православие, самодержавие и народность, причем каждому из этих понятий придавалось самое узкое и в то же время самое казуистическое толкование, так что возвышенное слово «народность» стало означать «защиту крепостного права — приверженность квасу!»

В те же годы г. Герцен поступил на естественно-научный факультет Московского университета. Почитание цивилизации, привязанность к истинно-народным традициям и современные свободолобивые идеи нашли себе в этом учреждении последнее пристанище. Пишущий эти строки сидел на студенческой скамье приблизительно в то же время и жалеет, что не обладает описательным дарованием г. Герцена, чтобы дать живую картину того особого оживления, которое царило тогда среди юных студентов Московского университета и источники которого были весьма разнообразны.

Все, начиная с нашей одежды, говорило о странном смещении: зимою мы носили черные бархатные береты à la Карл Занд и теплые платки трех французских цветов. На сходках мы декламировали запрещенные стихи Рылеева, Пушкина и распевали наполеоновские песенки Беранже вперемежку с антифранцузскими песнями Аридта, Уланда и Кернера. Книги, которые мы читали, были еще того разнообразнее; мы с одинаковым пылом разыскивали редкие еще в то время книги о французской революции и натурфилософские сочинения Шеллинга и Окена. Все, начиная с мистических измышлений Якоба Беме и кончая «Ямбами» г. Барбье и «Шагреновой кожей» Бальзака, все волновало, захватывало и приводило нас в восторг, подчас несколько однообразный и бесплодный, но зато всегда искренний. Прибавьте сюда еще общий фон русской жизни и то обстоятельство, что большинство из нас, благодаря родительскому состоянию, было обеспечено от всяких забот о будущем и училось лишь из любви к науке, без какой-либо определенной цели. Проведя полдня среди отвлеченностей науки и поэтических порывов дружбы, каждый из нас приобщался дома к реальной родной почве, но не становился сильнее от этого, ибо окружала нас не народная жизнь, а только искусственное и большею частью паразитическое существование привилегированных классов. Крепостное право придает в России этому существованию нечто дикарское, понять которое невозможно, не видав его. Г. Герцен прекрасно описал эту внутреннюю, домашнюю русскую жизнь, самым причудливым образом соединяющую в себе старинное благочестие с беспутными нравами XVIII века и с крайностями, основанными на бесправии прислуги.

Однако, живя среди абстракций и варварства, мыслящее меньшинство русской молодежи, воодушевленное любовью к родине и свободе, с неутомимым рвением искало выхода, который примирил бы ее с народом.

Разочарования 1825 и 1830 годов послужили нам полезным уроком, после которого мы стали стремиться к разрешению больших национальных вопросов прежде всего при помощи науки. Приблизительно в то время, о котором идет речь, т. е. после трагического разрешения конфликта, вызванного польским восстанием (роковая эпоха, ознаменовавшаяся временным перерывом, как во внутреннем развитии России,

так и в развитии ее внешней мощи), трое молодых людей, отдававших дань уважения и восторга благородным побуждениям, принялись за изучение польского языка.

Начался отход от абстракции, варварство же мы победили своей любовью к народу. Принимая все это во внимание, легко будет понять, какое впечатление должны были произвести в России занесенные туда сенсимонистские сочинения. Г. Герцен, которому в то время еще не было и двадцати лет, одним из первых испытал на себе влияние этой новой доктрины или, лучше сказать, методы. Политическая экономия никогда не находила в России многочисленных сторонников. Эта наука об отвлеченных взаимоотношениях капитала и труда, буржуа и рабочего не могла укорениться в стране, где не было ни пролетариата, ни буржуазии; но пламенная любовь к народу, вдохновлявшая Сен-Симона, не могла не захватить русскую молодежь, у которой именно это чувство господствовало над всеми остальными. Как мы уже говорили, г. Герцен одним из первых поддался этому благородному увлечению, и это-то и послужило основанием или, вернее, поводом к длительной и жестокой ссылке его на крайний север. В полярных равнинах он значительно созрел и этим он отчасти обязан изучению гегелевой философии. Россия, последнее прибывшая к современной цивилизации и брошенная несколько случайно в водоворот европейской мысли, не могла не развернуть свиток до самого конца, не дойти до самых крайних пределов в развитии тех принципов, которые она приняла на веру. Гегель подвел или, по крайней мере, хотел подвести итоги философскому движению, начатому Беконем и Декартом. Пришедшие вслед за ним Сен-Симон и социалисты разрабатывают теоретические основания социального развития, которое началось открытием Нового Света, продолжается ныне в форме учреждения банков, выпуска бумажных денег, постройки больших заводов и паровых машин, и приближается к своему расцвету в связи с развитием сети железных дорог и электрического телеграфа. Только гегелева философия и социализм могли увести Россию от бесплодного подражательства, которым она занималась, и показать ей путь, на котором она может достичь самобытности мысли. Г. Герцену принадлежит высокая честь быть одним из пионеров, открывших этот путь.

Поэтому-то г. Герцен вскоре, и еще до того как прославиться в качестве писателя, приобрел решающее влияние на литераторов и на всю образованную молодежь. В ту эпоху идейное влияние в России не всегда соответствовало официальному, казенному положению тех лиц, которые пользовались этим влиянием. Такими авторитетами, почти неоспоримо господствовавшими в различных кружках, где создавалась боевая литература, являлись в Петербурге и Москве гг. Чаадаев, Аксаков, Бакунин и Герцен. Ни один из них не слыл за крупного писателя, ни один не занимал выдающегося места в политическом мире и, тем не менее, образованная часть русского общества подвергалась их влиянию и не старалась от него уклониться.

Г. Аксакову, в то время уже стареющему, суждено было на склоне лет проявить себя одним из крупнейших и, пожалуй, наиболее самобытным русским писателем. Г. Чаадаев, известный широкой публике лишь как автор письма в несколько страниц, напечатанного в 1836 г. в московском журнале «Телескоп», останется тем не менее в истории умственного развития России как человек, поставивший новые вехи на пути прогресса. Из всех русских он был наиболее смелым и наиболее непримиримым отрицателем и имел редкостное мужество жить сообразно своему образу мыслей. Г. Бакунин стал известен благодаря участию в германских событиях 1849 г.; им написано только несколько газетных

статей и две-три брошюры на немецком языке, его литературный багаж не велик, но к нему надо прибавить, с одной стороны — героизм, а с другой — первоклассный ум, отличающийся мощной, несравненной диалектикой. Г. Прудон, также считающийся могучим диалектиком, вероятно помнит свои споры с Бакуниным относительно применения гегелевой методы к экономической науке; из этих споров г. Прудон не всегда выходил победителем. Что до г. Герцена, то репутация и авторитет, завоеванные им в Европе, в среде независимых умов, освобождает нас от необходимости разъяснять и оправдывать влияние, которым он с молодых лет пользуется в России.

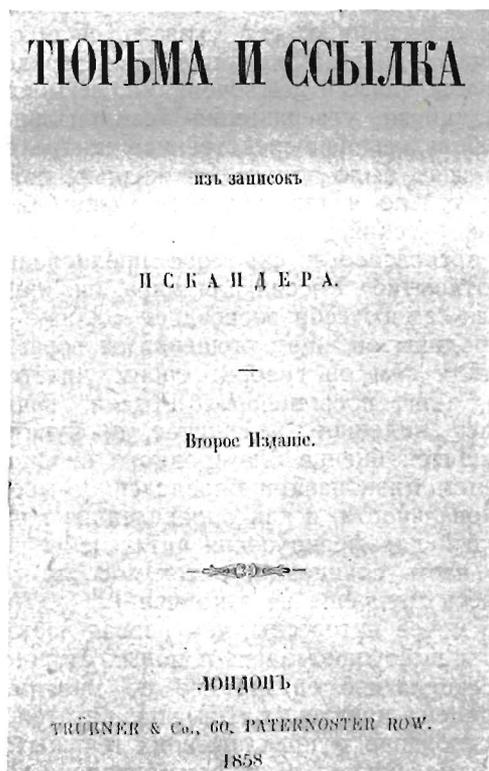
Два человека, оставившие чрезвычайно яркий след своею полезной деятельностью в этот грустный период умственного развития России: Белинский и Грановский (оба умершие преждевременно) в значительной степени обязаны своим развитием и даже направлением своих литературных трудов двойному или последовательному влиянию гг. Бакунина и Герцена. Белинский лет десять представлял в русской критике искренность, честь, гуманные чувства и либеральные убеждения. Он не был ученым, даже не обладал безошибочным вкусом; но его влияние было благотворно, ибо поддерживало в широких слоях публики и в молодежи те чувства, без которых невозможно приобщение к цивилизации. Грановский, являясь профессором, еще непосредственнее влиял на учащуюся молодежь. Он тоже не был ни ученым, ни самобытным мыслителем, но он пронес в сохранности сквозь мрачные годы цивилизующий светоч, зажегшийся в день основания Московского университета. Мы уже говорили, что этими двумя деятелями Россия обязана работе гг. Бакунина и Герцена, тому движению, которое развертывалось вокруг них, в то время как наша родина была приведена в состояние полного умственного застоя.

Страстность характера, непринужденность в высказываниях, твердость убеждений создали г. Герцену многочисленных врагов, ибо в обществе все эти качества считались чем-то порочным и опасным; г. Герцен был снова подвергнут ссылке. Страдания и тревожения падали на благотворную почву, и богатая жатва, которую позднее должна была принести эта столь глубоко вспаханная душа, уже всходила в бороздах, проложенных многочисленными испытаниями частной и общественной жизни. Едва освободившись из ссылки и от должности, навязанной ему, г. Герцен решил отправиться за границу, чтобы изучить *de visu** социальное положение западной Европы. Еще до отъезда за границу он прославился довольно большим количеством как научных, так и художественных сочинений, среди которых главнейшие: «Письма об изучении природы» и роман, озаглавленный: «Кто виноват?» (Читатели имели возможность ознакомиться с несколькими отрывками из него в этом журнале). Г. Герцен, строго относившийся к себе, стал одним из любимейших писателей молодежи, его сочинений добивались даже наиболее влиятельные журналы, каждое из них являлось событием. Отъезд его из России не только вызвал сожаления многочисленных друзей и всех интересующихся литературой, но открыл новые перспективы для всех тех, кто привык испытывать на себе его влияние; на будущие его работы, отныне освобожденные от всяких материальных препон, возлагались большие надежды. Здесь не место рассматривать вопрос о том, в какой степени г. Герцен оправдал эти чаяния в первые годы своего пребывания за границей; вопрос этот относится к области чисто политической, мы же не хотим выходить за пределы литературы.

В 1850 г. мы застаем русского литератора в качестве французского

* собственными глазами.

и немецкого писателя; за короткий промежуток времени он издает по-немецки: «Письма из Франции и Италии» и любопытную книгу под названием: «С того берега», — и по-французски «О развитии революционных идей в России». В сочинениях этих, наряду с удачными частями, подаются и более слабые места: «Письма» содержат несколько восхитительных страниц о прекрасных днях, когда Италия впервые попыталась вернуть себе свободу и независимость и объединиться, но тут заметен также след некоторых предупреждений, которые можно бы назвать легкомыслием. «Революционные идеи в России» являются очерком моральной и интеллектуальной истории России, очерком, разумеется, неполным, но отмеченным превосходным умом и правильной оценкой основ русской жизни. Что же

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ 2-го ИЗДАНИЯ КНИГИ
ГЕРЦЕНА «ТЮРЬМА И ССЫЛКА»

до странной, красноречивой, страстной, пылкой книги, написанной в пору страданий, причиненных чувствительной душе крушением самых дорогих ей надежд, гибелью самых сокровенных ее верований, — то книга эта, думается нам, останется в мировой литературе как памятник мрачной и грустной эпохи, которая толкала даже благороднейшие умы, если не на крайности вообще, то хотя бы на крайние умозаключения. Это прославление человеческой личности, рассматриваемой как последний уцелевший обломок рушащегося нравственного мира, как единственная ценность, достойная спасения во время всемирного катаклизма, как единственное убежище и единственная цель: *omnia mea pesunt porto**. В напряженности мысли и даже в неровностях стиля здесь чувствуется нечто болезненное, свидетельствующее о кризисе, но

* все мое достояние находится на мне.

кризисе в могучем организме, где неизбежно должно победить здоровое начало.

Ему и суждено было вскоре победить и явить нам талант г. Герцена во всем блеске зрелости. «Былое и думы», начатые в 1852 г., являются, по нашему убеждению, лучшим произведением знаменитого писателя (первая часть этой книги была сначала издана под названием: «Тюрьма и ссылка») ¹⁰. Шедевром не может быть произведение чисто субъективное, хотя личность автора и должна найти в нем живое и неизгладимое отражение, и «Былое и думы» г. Герцена вполне отвечают этим условиям. Выше мы объяснили отношение образованных русских к иностранным литераторам и к западной цивилизации вообще. Ученики, то покорные, то бунтующие, но так или иначе — всегда ученики, — вот чем являлись до сего времени наши соотечественники. Всецело поглощенные Европой и осознующие, так сказать, свое собственное существование лишь в связи, во взаимоотношениях с Западом, и славянофилы, и западники, за весьма малыми исключениями, не могли достигнуть действительного, подлинного утверждения национальной самобытности.

Для этого требовалось непосредственное живое соприкосновение с западной Европой: надо было пожить ее жизнью, полной деятельности, волнений, перемен; только в таком случае можно было почувствовать себя свободным как русский, как человек, и заговорить в качестве такового. Прочтите прекрасное и скромное предисловие г. Герцена; он не притязает на «открытие» России для мира, он пишет даже не для иностранцев; он для самого себя воссоздает дорогие ему воспоминания, в образе далекой родины он ищет утешения от горестей изгнания и отрешенности. А между тем он говорит своим читателям больше, чем целые библиотеки книг, посвященных России, начиная с XIII в; он просто рассказывает виденное, пережитое, прочувствованное и в его повествовании слышится биение благородного сердца того, кто завоевал себе под солнцем цивилизации определенное место, и как человек определенной национальности, и как определенная личность. Том воспоминаний, выпущенный для французских читателей г-ном Делаво, содержит лишь первую часть сочинения; с тех пор автор написал еще несколько глав, но весь труд еще не закончен ¹¹.

Новые главы не менее интересны, чем первая часть; те же личные и национальные черты выступают здесь с новых сторон. Рассказ о заграничной жизни г. Герцена и о связях его со многими замечательными людьми нашего времени привлекут внимание читателей, несомненно, не меньше, чем повествование о приключениях и испытаниях его молодости; если, говоря о России, он выступает европейцем, то, напротив, он всегда остается верен своей национальности, когда говорит о западной Европе. В этом великая ценность его книги, его стиля и, скажем даже, его личности; это-то и делает его в истории умственного развития России выразителем существенного перелома, зачинателем новой эпохи.

В среде русских писателей, стяжавших блистательный успех за последнее время, г. Герцен принадлежит к группе наиболее изысканных (au groupe le plus littéraire): он, г. Иван Тургенев и г. С. Т. Аксаков лучше всех пишут русской прозой; они выработали вполне самостоятельный стиль. Г. Тургенев и [С. Т.] Аксаков значительнее как художники, зато стиль г. Герцена более разнообразен. В его воспоминаниях встречаются исторические страницы, которые по благородству своему и простоте не уступают лучшим страницам Маколея; тут попадаются и рассказы о самом себе, взволнованные и волнующие, как самые страстные излияния Жан-Жака Руссо; портреты столь же живые как портреты Теккерея или Луи Блана; полемика, изощренная как у Поля-Луи Курье и Берне; фантазия не менее богатая, чем у Генриха Гейне, — и

ко всему этому присущая автору свежесть чувств, цельность верований, мощность личности. Если нам удалось набросать облик русского общества той эпохи, когда г. Герцен начинал свое поприще, то читателям нашим легко будет уяснить себе достоинства и недостатки, которыми должен отличаться этот писатель.

Разнообразие познаний, острый интерес ко многим сторонам жизни, почти женская впечатлительность — таковы черты, присущие г. Герцену, как и его современникам и соотечественникам; порою, но редко, сюда примешиваются небрежность и дилетантизм обеспеченного человека. Что же до частных и личных свойств этого писателя, — то мы отчасти обрисовали их выше; для завершения портрета скажем, что преобладающим началом в нем является живость чувств и вера в себя. Это последнее свойство, без коего не может быть ни великих писателей, ни выдающихся политических деятелей, всегда сказывается у г. Герцена весьма простодушно и совершенно чистосердечно; отчасти в ней и заключается привлекательность «Воспоминаний», о которых шла речь.

Чтобы занять в русской и мировой литературе подобающее ему место, г. Герцену теперь остается только выпустить полное издание своих воспоминаний, которые долго будут жить как национальный памятник и литературный шедевр.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая часть этой статьи, посвященной Тургеневу, была напечатана за подписью: S. S. D. R. в № 13 «La Gazette du Nord» от 31 марта 1860 г.; вторая же часть была напечатана за подписью Сазонова в № 21 той же газеты от 26 мая 1860 г.

² Французский перевод «Записок охотника», сделанный Э. Шаррьером, был издан в 1854 г. в Париже под названием «Mémoires d'un seigneur russe».

³ Описываемый Сазоновым эпизод относится к 1845 г., когда Тургенев прожил в Париже с весны по ноябрь. Из русских знакомых Тургенева там в это время находились Бакунин, Боткин и Сатин.

⁴ Имеется в виду курс лекций по славянским литературам, который Мицкевич читал в Collège de France. Находясь в то время под влиянием польского мистика Товянского, Мицкевич выступал на своих лекциях с проповедью обновленного христианства и польского мессианизма; поляки — избранный народ, на долю которого выпадет реформирование христианства и создание новой религии. Несколькоми годами позже произошла встреча с Мицкевичем Герцена, описанная им в «Былом и думах» (часть V, глава XXXVI). «Несмотря на свою основную мысль о братственном союзе всех славянских народов, — мысль, которую он один из первых стал развивать, в нем оставалось что-то неприязненное к России», — писал здесь Герцен. — «Да и как могло быть иначе после всех ужасов, сделанных царем и царскими сатрапами; притом мы говорили во время пушного разгара николаевского террора. Первое, что меня как-то неприятно удивило, было обращение с ним поляков его партии: они подходили к нему, как монахи к игумену: уничтожаясь, благоговей, иные целовали его в плечо. Должно быть, он привык к этим знакам подчиненной любви, потому что принимал их с большим laisseraller».

⁵ Имеется в виду речь, произнесенная Александром II в 1856 г. в Москве представителям дворянства, собравшимся на коронацию; в этой речи Александр II заявил, что необходимо приступить к отмене крепостного права «сверху» для того, чтобы оно не было отменено «снизу».

⁶ Французский перевод «Дворянского гнезда», сделанный Делаво, печатался в «Revue contemporaine» в 1859 г.

⁷ «Гамлет и Дон-Кихот» был прочитан Тургеневым на вечере, организованном 10 января 1860 г. в пользу Общества вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым.

⁸ Эта книга вышла в Париже в 1860 г. и заключала в себе перевод семи первых глав первой части «Былого и дум» Герцена.

⁹ Отырвки из «Кто виноват?» печатались в №№ 3—6 и 8 «La Gazette du Nord», 1859 под названием: «Qu'en dites-vous? Roman russe en deux parties par Vladimir Beltoff».

¹⁰ Книга «Тюрьма и ссылка» была издана в Лондоне в 1854 г.; она включала в себе главы VIII—XVIII первой части «Былого и дум».

¹¹ Делаво перевел и издал в 1861 г. в Париже книгу Герцена «Тюрьма и ссылка».

II. ПРАВДА ОБ ИМПЕРАТОРЕ НИКОЛАЕ I.

ИНТИМНАЯ ИСТОРИЯ ЕГО ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНИЯ, НАПИСАННАЯ РУССКИМ*

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО НИКОЛАЯ

ПАВЕЛ I.—СОМНИТЕЛЬНОСТЬ ЕГО ГЕНЕАЛОГИИ.—ЧЛЕНЫ СЕМЬИ ГОЛЬШТЕЙН-ГОТТОРПОВ СВЯЗАНЫ ДРУГ С ДРУГОМ ТОЛЬКО ОБЩИМ ИМЕНЕМ.—ВОСПИТАНИЕ АЛЕКСАНДРА.—ВОСПИТАНИЕ НИКОЛАЯ.—«ЭТО НЕ БАРИН, ЭТО — ГРЕНАДЕР».—НИКОЛАЙ, ШТОРХ И Ж. Б. СЭЙ.—КОНСТАНТИН, ЕГО ЖЕНА И БАРАБАН.—ЗАБАВЫ МОГУЩЕСТВА И ДЕСПОТИЗМА

Есть в истории личности, самая трагическая смерть которых не способна стереть в них смешного: таков был император Павел I.

Происхождение его весьма спорно. Всегда существовало сомнение в том, что он является сыном Петра III; предполагали даже, будто Екатерина не была его действительной матерью и что она только усыновила найденщица, вместо нектои явившейся дочери.

Причудливая фигура Павла, его вздернутый нос, рыжие волосы достаточно оправдывали эти предположения, подчеркивая финское и плебейское происхождение, которое ему приписывалось. В русской императорской семье (под семьей мы разумеем здесь только общее имя, а не кровное родство) очень часто вступают в жизнь черным ходом, чтобы таким же образом оттуда и уйти.

Итак, мы не станем больше заниматься генеалогией Павла I, ограничившись указанием, что сам он весьма добросовестно считал себя сыном своего мнимого отца; именно это и побудило его оставаться враждебным матери во все время ее жизни и попытаться предпринять после смерти Екатерины смехотворную реабилитацию Петра III: Павел повелел вырыть его из могилы и затем вновь похоронил. Екатерина же, прекрасно зная, как ей в данном случае себя вести, сначала совершенно пренебрегла воспитанием сына, а затем — тотчас же, лишь только это стало возможным — женила его, чтобы он имел детей.

С момента рождения у Павла первенца императрица безраздельно овладела внуком и воспрепятствовала всякому вмешательству отца в дело его воспитания.

Воспитание это, воспетое русскими поэтами, вызывавшее восхищение философов, для нас представляет интерес только как противоположность другому, подробности которого представлены будут ниже.

В конце жизни Екатерины, Павел I, сильнее чем когда-либо рассорившийся с матерью, проводил время в Гатчине или в Ораниенбауме за игрой в солдаты. В качестве единственного утешения ему оставили батальон grenадеров; Павел предписал им носить тот странный головной убор, украшенный треугольными кожаными бляхами, из какого с тех пор сделали на всех изображениях битв типичную принадлежность русского солдата, потому что сыновья Павла, из уважения к памяти отца, сохранили его для одного из полков своей гвардии.

Павел знал, что мать думает принудить его к отречению от престола в пользу старшего сына; он ненавидел поэтому Александра и не слишком любил своего второго сына.

Константин, бывший всего двумя или тремя годами младше брата, воспитывался приблизительно в одних с ним условиях и испытывал на себе те же воздействия.

Павел перенес всю свою привязанность на двух младших сыновей, Николая и Михаила, появившихся с годичным промежутком один за другим пятнадцатью годами позднее старших братьев, и часто говорил: «старшие сыновья у меня — баре, Николай и Михаил, это — мои grenадеры».

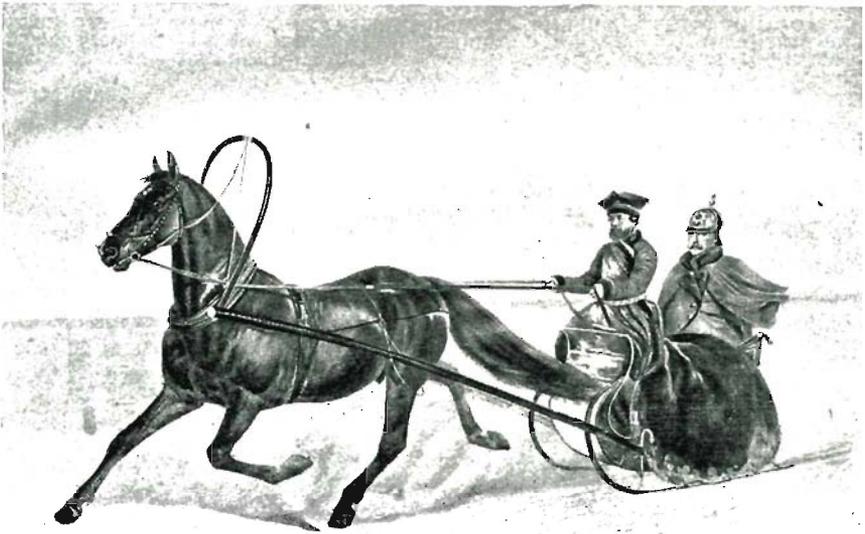
* Перевод с французского под ред. П. П. Щеголева.

деры». Мы еще увидим, насколько подобный прогноз оправдался для Николая, который так и не смог стать дворянином, даже оказавшись императором.

Когда Павел умер — так, как об этом повествует история, — воспитание его сыновей перешло к их матери, императрице Марии, принцессе Вюртембергской, доброй женщине швабского типа, большой, пухлой и белой, которую Екатерина нарочно избрала — с тем, чтобы невестка никогда не смогла перечить ее замыслам, и которая гораздо больше занималась кормлением своих детей, чем их воспитанием.

Было так мало вероятно, чтобы они когда-либо вступили на престол.

Александр, едва женившийся, показал себя во всем блеске молодости и красоты; Константин, следующий за ним брат, также только что женился на молодой принцессе Кобургской; все обещало этим двум

НИКОЛАЙ I

Литография с рисунка Н. Сверчкова
Исторический музей, Москва

великим князьям долгую жизнь и многочисленное потомство и все тем самым ставило в приниженное положение их младших братьев.

Последние, в лучшем случае, могли стать выдающимися генералами. Поэтому едва ли не полезнее всего было им — для обеспечения будущности — обучаться в качестве верных подданных и хороших солдат. Именно таким образом направлялось воспитание молодых великих князей. Среди их наставников был однако и человек высоких достоинств — профессор Шторх, ученый и остроумный экономист, с честью выдержавший ряд споров с Ж. Б. Сэем, уважение которого он сумел завоевать².

Политическая экономия — наука, в которой Николай наиболее неведущ, а этим сказано совсем не мало. В финансах, в промышленности, в торговле, одинаково, он во всю жизнь только и признавал что прямую и непосредственную выгоду казны или удовлетворение, доставляемое национальному тщеславию. Здесь, как и повсюду, все более и более оправдывались слова его отца: «Это — не барин, это — гренадер».

Что же касается военных упражнений, то в них Николай отличался с детства и увлекался ими не меньше своего брата Константина, у которого мания солдатчины простиралась так далеко, что он приказывал будить себя каждое утро в пять часов барабаном, специально для этой цели помещенным в его передней. Обычай не был нарушен даже в первый день женитьбы; когда же великий князь увидел свою молодую жену во власти нервного припадка после столь неожиданного пробуждения, он обозвал ее дурехой и ругаясь отправился проверять посты.

Николай, у которого жены еще не было, коротал свое время, разъезжая по кордегардиям и стараясь поймать врасплох солдат и офицеров. Если он находил что-нибудь не в порядке, то солдат карал собственной царственной рукой, а об офицерах не упускал случая доложить кому следует.

ГЛАВА II

СТРАНСТВОВАНИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ.— ПРЕБЫВАНИЕ НИКОЛАЯ В ПАРИЖЕ.— ЕГО СВИДАНИЕ С Г-М ДЕ-ТАЛЕЙРАНОМ.— ПАДЕНИЕ С ЛОШАДИ НА РАВНИНЕ ВЕРТЮ.— ПАДАЮТ ЛИШЬ В ТУ СТОРОНУ, К КОТОРОЙ СКЛОНЯЮТСЯ.— ПРИЕМ В ЛОНДОНЕ.— НИКОЛАЙ — ДОКТОР ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Среди подобного рода забав, потворствующих деспотизму, проходят детство и ранняя молодость Николая. Наступил 1812 год; Александр из осторожности оставался вдали от войска; братья последовали его примеру. Они вышли из-под материнского крылышка лишь тогда, когда все умиротворилось, в 1815 году. Проследовав по Германии, где они были встречены более или менее искренним восторгом немецких дворов, они прибыли в Париж.

Обычно ничего не знают о пребывании Николая в столице мира и он сам никогда об этом не говорил: причина этого та, что поездка не была для него счастливой и в глубине его души она оставила горький осадок.

В Париже с ним произошли разного рода злосчастные случаи.

Когда брат представил его г-ну де-Талейрану, то коварный дипломат спросил Николая, как ему нравится Париж.

— Здесь очень красиво, monsieur, — сказал Николай, — но я предпочел бы вернуться в Петербург.

— Почему же, ваше высочество? — спросил князь.

— Чтобы снова увидеть свою мать, и потом здесь при мне нет моих кадетов (он имел в виду кадетский корпус, главой которого он был).

— Ваше высочество, вы лишены общества младших, но можете быть утешены присутствием старшего*.

Николай широко раскрыл глаза, не понимая шутки г-на де-Талейрана, и все присутствующие разразились единодушным взрывом смеха, чему Александр сам подал пример.

— Николай еще не отвык от родных обычаев, — сказал император, — но мы приобщим к цивилизации этого дикаря.

Однако, казалось, что Талейран не разделяет подобного мнения относительно способностей великого князя воспринять плоды цивилизации.

Другой раз, увидев Николая на каком-то народном празднестве в сопровождении его брата Михаила, который держался на заднем плане, несмотря на то, что был умнее Николая, некий г. де-М. сказал экс-епископу Отенскому.

— Вот молодые орлы Восточной империи.

* Непереводаемая игра слов. На франц. языке слово cadet — кадет и cadet — младший пишутся и произносятся одинаково. — Ред.

— Скажите лучше, орлята с птичьего двора, — ответил экс-епископ*.

Злополучное пребывание Николая в Париже окончилось падением с лошади перед лицом всего генерального штаба союзных войск, во время знаменитого смотра в Вергю³. Николаю так и не удалось научиться хорошо ездить верхом; в молодости же он еще хуже владел этим искусством. Взобравшись на чистокровную английскую лошадь, которую ему подарил герцог Веллингтон, он не замедлил с нее свалиться. Для г-на де-М. падение послужило поводом сказать:

— Пускай бы он только всегда падал на полях добродетели** и никогда б не упал в омут порока!

Увы! Увы! добродетельное пожелание, высказанное другом Талейрана, не было исполнено; падают лишь в ту сторону, к которой склоняются!

Все эти маленькие неудачи произвели очень малое впечатление и сохранились только в памяти нескольких близких очевидцев. Николай был еще слишком незаметной фигурой, чтобы привлекать к себе внимание. Между тем, его уже начинали выдвигать в первые ряды.

Александр, женатый уже пятнадцать лет, не имел детей, а Константин, повторяя без конца сцену с барабаном, обратил свою жену в бегство.

В Париже Николая показывали, в Лондоне выставляли, но здесь не было ни Талейрана, ни г-на де-М... чтобы над ним посмеяться, поэтому все прошло весьма благопристойно. Николай принимал участие во всех церемониях; был на всех праздниках и банкетах, устроенных Англией, признательной союзным властелинам и их генералам, и одновременно с князем Блюхером и графом Платовым, казачьим атаманом, получил в Оксфорде диплом доктора гражданского права.

ГЛАВА III

НИКОЛАЙ ГОТОВИТСЯ К ЦАРСТВОВАНИЮ. — ЧЕСТОЛЮБИВЫЕ МЫСЛИ. — ПЕРЕГОВОРЫ. — ЖЕНИТЬБА. — НИКОЛАЙ ПАЛКИН И ПРУССКИЙ ДВОР ВО ВРЕМЯ ЦАРСТВОВАНИЯ КОРОЛЕВЫ ЛУИЗЫ. — ПЕРЕМЕНА ШКУРЫ. — ОН ВСЕ-ТАКИ ОСТАЛСЯ ГРЕНАДЕРОМ! — ЖУКОВСКИЙ И ШЛЕГЕЛЬ. — НИКОЛАЙ И РУССКАЯ ГРАММАТИКА. — ОРФОГРАФИЯ, УПОРЯДОЧЕННАЯ ОСОБИМИ УКАЗАМИ

Возвратившись в С.-Петербург, к своим любимым кадетам, Николай снова зажил жизнью унтер-офицера. Но он стал призадумываться, и постепенно честолюбие овладело им. У Александра попрежнему не было детей; Константин, назначенный наместником Польши, сблизился с женщиной, чья любовь должна была лишить его всякой возможности вступить в новый царственный брак, и в неясном будущем Николай видел реющую над собой корону.

Относительно его женитьбы начались переговоры с прусским двором, и вскоре, получив от Константина формальное обещание отказаться от своих прав на престол, король Прусский доверил молодую дочь великому князю.

Это случилось в 1817 году; с этих пор начался новый период в жизни Николая. До тех пор он посвящал себя исключительно военному делу в той части, которая наиболее казенна и наименее одухотворена; жесткий в выправке, ограниченный в мыслях, краткий и сухой в разговоре, он заслужил того, что его брат Михаил, славный и веселый малый, наделил его прозвищем Николая Палкина. Теперь, сделавшись супругом молодой принцессы, воспитанной в чопорном и педантичном кругу своего двора, возле матери, которую немецкие поэты воспевали

* В подлиннике непереводаемая игра слов. — Ред.

** В подлиннике игра слов vertu — на французском означает добродетель. — Ред.

как музу своей родины, ему пришлось изменить тон, изменить манеры, переменить, так сказать, шкуру.

Ему не удалось сделать это сразу — в действительности он никогда этого и не достиг; лицемерие, являющееся отличительной чертой его характера, способствовало тому, что мир поверил в его превращение, несмотря на то, что он всегда по существу оставался гренадером, как окрестил его отец.

Перемены в Николае прошли через весьма своеобразные фазы. Принцесса, его жена, непременно должна была выучиться русскому языку; в качестве наставника ей дали г-на Жуковского, одного из наиболее утонченных писателей, какими тогда располагала Россия. Жуковский прилагал все мыслимые усилия, чтобы приобщить будущую императрицу к трудностям русского языка; принцесса не очень в нем разбиралась, несмотря на то, что была покорной и старательной ученицей, и, кроме того, усилия учителя иногда уничтожались объяснениями и советами мужа.

В русском алфавите есть две буквы, совершенно совпадающие по звуку, что дает возможность обозначить этимологическое различие слов. Установлено, что эти две буквы сильно усложняют русскую орфографию, поэтому многие русские ошибаются в правильном их употреблении, и естественно, что иностранцам употребление их представляется еще более трудным.

Принцесса Александра часто мучалась над ними и от времени до времени жаловалась мужу, рассказывая, какие терзания причиняют ей эти две проклятые буквы и какие нарекания они навлекают на нее со стороны ее учителя.

— Жуковский педант, — однажды сказал Николай, — не огорчайтесь, душенька дорогая, лишите то и другое «е» по своему усмотрению, я всегда так поступаю и прекрасно себя чувствую.

Он был правдив!

Жуковский объяснил принцессе, что законы этимологии требуют обоснованного употребления этих двух букв, и принцесса, которая слыхала рассуждения обоих Шлегелей о филологии в салоне своей матери, поняла слова профессора и повторила их мужу.

— А-а! вот как, — сказал он, — ну ладно пусть только стану я когда-нибудь императором, и я тотчас же велю особым указом изъять одну из этих букв, тогда мы посмотрим, что скажет госпожа этимология.

Правдивость этого анекдота доказана подлинными действиями — нарушение орфографических правил, произведенным по приказу Николая, когда он стал императором. Но мы еще поговорим об этом позднее.

ГЛАВА IV НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНИЯ

АЛЕКСАНДР СТАРЕЕТ. — ПРИПАДКИ И ВИДЕНИЯ. — ПЕТЕРБУРГ НА МИЛОСТИ БОГА И АРАКЧЕЕВА. — НИКОЛАЙ — КОМАНДИР БРИГАДЫ. — СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА. — КОНСТАНТИН И НИКОЛАЙ РАЗЫГРЫВАЮТ КОМЕДИЮ. — ЗАГОВОР. — ИНТРИГИ, ПРЕДАТЕЛЬСТВА, СРАЖЕНИЕ. — ОСТОРОЖНОСТЬ НИКОЛАЯ. — ОРЛОВ И БЕНКЕНДОРФ. — НАКОНЕЦ-ТО ОН ЦАРСТВУЕТ!

В то время как молодой великий князь предавался радостям семейной жизни в обществе жены, читал вместе с нею первые романы Поль-де-Кока, не перестававшие служить им утехой, Александр, с приближением старости, впадал в черную меланхолию. Снедаемый то мрачными видениями, то порывами мистического экстаза, он предоставил управление государством, — государством, которому было дано столько блестящих обещаний в начале царствования, — нелепому и жестокому Аракчееву.

Все классы общества страдали и жаловались; дворянство, ожидавшее некоторых вольностей в награду за преданность, которую оно проявило в 1812 году; армия, принесшая из-за рубежа зародыши либеральных идей; буржуазия, не видевшая себе будущего; народ, положение которого стало еще более тяжелым благодаря устройству военных поселений; само духовенство даже, преследуемое в лице своих наиболее выдающихся представителей из-за подозрений, которые явились у правительства относительно истинных целей библейских обществ.

Все эти элементы могли объединиться в общем стремлении и произвести взрыв, которого Александр страшился, не делая, однако, ничего для его предупреждения, — разве только одобряя грубо притеснительные меры своего любимца.

В стране действительно шла скрытая работа, представлявшая собой попытку сплотить во едино всех недовольных. Александр получил о ней смутные сведения и вскоре покинул Петербург, оставляя столицу и управление на милость бога и Аракчеева.

Николай в глазах царя ничего не стоил; Александр ни разу и не подумал посвятить его в тайны государственного правления; функции великого князя ограничивались командованием гвардейской бригадой, и царский любимец обращался с ним как с подчиненным. Мы еще увидим, насколько он заслуживал подобного обращения.

Александр умирает на юге России; в то самое время, когда к Николаю приходит известие о его смерти, ему сообщают также о существовании грозного заговора в императорской гвардии; страх обуревает Николая. Эта третья основная черта его характера вырисовывается тут со всей отчетливостью.

Николай прекрасно знал, что Константин отказался от своих прав на престол в его пользу; ему известно было, что это отречение согласовано с королем Пруссии и обеспечено его поддержкой; более того, он знал, что подлинник самого акта отречения в двух экземплярах помещен на хранение в синоде и сенате. Ему, таким образом, оставалось только провозгласить себя императором, это было право его как честолюбца, долг его как великого князя.

Страх пересилил честолюбие, Николай трепетал при мысли о том, что ему придется столкнуться со взрывом военного заговора; под предлогом смирения и почтения к старшему брату, он объявил императором Константина и принес ему присягу на верность в надежде, — вскоре обманутой, — что именно Константин возьмет на себя тягость усмирения готовящегося восстания.

Константин также знал о существовании заговора; он был немногим храбрее своего брата и вдобавок очень дорожил безответственным и весьма удобным положением наместника; поэтому он поспешил, с еще большим смирением, чем его брат, вновь подтвердить свое отречение от престола и, с своей стороны, присягнуть Николаю.

Это взаимное отречение, которым восторгалось столько простаков, в действительности было ничем иным, как игрой двух трусов, бросающих друг в друга мяч, поочередно избегая опасной позиции, под предлогом братской любви и смирения.

Недостойной игре суждено было завершиться кровопролитием. В то время как Россия и Европа с волнением ожидали конца этой борьбы между двумя коронованными воплощениями скромности, Николай готовился к другой борьбе, гораздо более серьезной. Даром времени он не терял; вместо смутных сведений у него в распоряжении были теперь достоверные и подробные данные о силах и намерениях заговорщиков.

Предатель, — англичанин на русской службе, по имени Шервуд, —

примкнул к заговору с тем, чтобы его раскрыть; может быть, вместе с ним действовали и другие предатели — история заговора еще ведь не написана. Как бы то ни было, но вот что узнал Николай: около ста офицеров различных полков гвардии составляли ядро заговора, к ним примыкал ряд высших государственных чиновников, а поэты и журналисты служили всему делу возбуждающей революционной стихией.

Множество солдат было охвачено далеко протянувшейся рукой заговора, иные не нуждались даже в специальном обращении, так как сами из последних походов, благодаря продолжительному пребыванию во Франции, принесли идеи свободы, несовместимые с господством палки.

Можно было думать, что заговорщики окажутся в состоянии, пользуясь непосредственным личным влиянием, увлечь за собой четыре или пять полков, что пример этих частей произведет живое воздействие на других и что таким образом половина или даже две трети С.-Петербургского гарнизона выступят по первому призыву вожаков.

Известно было, что эти последние имели выдающихся представителей в сенате и во всех важных органах государственного управления; больше того, — что они насчитывали внушительное число сторонников в частях войск, расположенных на юге, — во 2-й армии.

Таковы были сведения, доставленные Николаю. Что касается его самого, то он мог с некоторой уверенностью опереться единственно на ту бригаду, которой командовал; все остальное от него ускользало — не столько из-за политической вражды, сколько по личной неприязни, у многих доходившей до презрения.

Крупных военных сил Николай таким образом в своем распоряжении не имел; зато у него были власть, деньги, преданность нескольких искусных в интриге и жадных к добыче людей, среди которых на первом месте стояли Орлов и Бенкендорф.

С помощью этих лиц Николаю, постоянно трепетавшему, часами распростертому перед иконами, удалось расстроить восстание, прежде чем оно успело вспыхнуть; когда же вспышка все-таки произошла, недостаток мужества едва не лишил его победы.

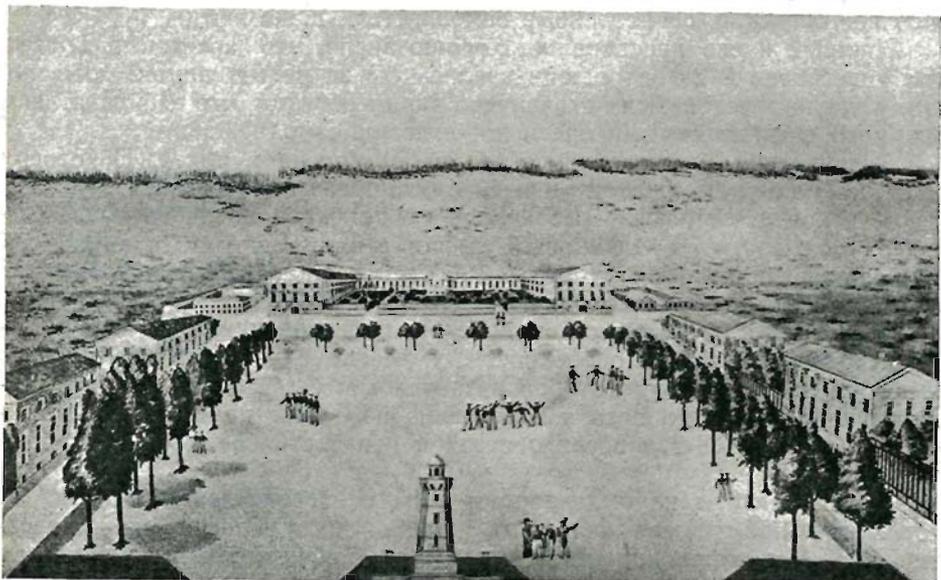
По получении отрицательного ответа от Константина следовало не медля провозгласить Николая. Известно было, что заговорщики, пользуясь удобной обстановкой, собираются выступить открыто. С церемонией торопились. Бенкендорф и Орлов показали себя на редкость неутомимыми: они уговаривали солдат, вели переговоры с офицерами, суля золотые горы со стороны Николая, и достигли наконец того, что привели к присяге ряд полков, которые сначала как будто не были расположены присягать. Но присяга являлась только первым шагом: все знали, что заговорщики ни в коем случае не уступят без боя, и нужно было, следовательно, противопоставить им надежные силы. Это, однако, оказывалось уже делом более трудным.

Николай, с самого утра погруженный в полное уныние, то взывал к святым угодникам, то плача вместе с женой, которую ежеминутно одолевали страшнейшие нервные припадки, хотел, казалось, выждать нападения заговорщиков в своем дворце или даже в крепости. Орлов и Бенкендорф увлекли его за собой, посадили на коня и явились с ним на площадь, где восставшие стояли, выстроившись в ряды с одной стороны, тогда как другую занимали два полка, приведенные своими полковниками и державшиеся пока безучастно.

Только что стреляли в великого князя Михаила, и покушение это не произвело большого впечатления на собравшиеся войска. Генерал Милорадович, пользовавшийся редкой популярностью среди солдат, уговаривал восставших, призывая их разойтись и обещая, что все их требо-

вания будут удовлетворены. Он ни в малейшей мере не думал затевать боя, как вдруг его сразил злосчастный выстрел из пистолета. Это убийство, по всей вероятности невольное, привело в расстройство сначала ряды самих же восставших и дало затем приверженцам Николая удобный предлог обстрелять противника из пушек. Восставшие пушек не имели, так как артиллерия не была на их стороне, они поэтому оказались вынужденными уступить и кончили тем, что рассыпались в величайшем беспорядке.

В течение всего этого времени Николай держался на коне посреди сопровождавшей его свиты бледный и безмолвный, не двигаясь — до

ОБЩИЙ ВИД ВОЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Фотогипия

Исторический музей, Москва

тех пор, пока после пушечной пальбы, рассеявшей восставших и продрывившей стены сената, перед ним не оказалось уже никаких врагов. Тут ему стало понятным, что царствование его действительно начинается. Со слезами на глазах обнял он Орлова и сказал: «Пойдем возблагодарим Николая угодника за покровительство, которым он нас не оставил».

ГЛАВА V

КОРОНОВАНИЕ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЛОЖЬ.—ПРОЦЕСС И ПЫТКИ.—ПОСТОЯННАЯ ОСТОРОЖНОСТЬ.—ПРИГОВОРЫ.—ТЕХ, КОГО ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЧЕТВЕРТОВАТЬ, ТОЛЬКО ПОВЕСИЛИ—НИКОЛАЙ В ПОГОНЕ ЗА ПОПУЛЯРНОСТЬЮ, КОТОРАЯ ОТ НЕГО УСКОЛЬЗАЕТ.—ОТСТАВКА АРАКЧЕЕВА.—КНЯГИНЯ ВОЛКОНСКАЯ И МОСКВИЧИ

Николай царствует; ложь и лицемерие будут царствовать вместе с ним.

И прежде всего нельзя представить себе ничего более забавного и более невероятного, чем официальный отчет о заговоре, опубликованный Санкт-Петербургской газетой⁴.

Вот что там можно прочесть:

«Горсть непокорных солдат одной из рот Московского полка, завлеченная своим начальником, собралась на Сенатской площади, испуская

ГЛАВА VI

ВОЙНА С ПЕРСИЕЙ

НИКОЛАЙ, НЕСМОТря НА СВОЮ ОСТОРОЖНОСТЬ, ПРИНУЖДЕН ВОЕВАТЬ.— ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЦАРЯ.— ЕРМОЛОВ И КАВКАЗ.— ЗАВИСТЬ НИКОЛАЯ.— ПАСКЕВИЧ, КНЯЗЬ ВАРШАВСКИЙ, БОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЙ КАК ЛЮБИТЕЛЬ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ, ЧЕМ КАК ПОЛКОВОДЕЦ.— КНЯЗЬ ВАРШАВСКИЙ, ПОЛУЧИВШИЙ НАГРАДЫ ЗА ТАЛАНТ И ПОБЕДЫ ТОЛЯ

В конце 1826 года Николай удалился из Москвы с бешенством в сердце: он понимал, что не имел успеха ни у одного из классов русского общества; ему снова пришлось обратиться исключительно к поддержке армии; чтобы иметь подобную поддержку, он должен был заставить войну; поэтому он воспользовался первыми же поводами, чтобы открыть враждебные действия против Персии.

Эта война, которая была для него необходимостью, представляет ту любопытную особенность, что самое начало ее вскрывает перед нами новую и характерную сторону в натуре Николая: это ненависть ко всякому превосходству.

Действительно, война с Персией предшествовала отставке генерала Ермолова. Этот выдающийся человек, самый замечательный (бесспорно) среди всех генералов, командовавших русской армией в течение этого века, был не только военным, но также и дипломатом с несомненным дарованием и администратором столь же искусным, как и энергичным.

Он заключил с Персией договор, один из наиболее выгодных, он усмирил кавказских горцев, он сумел один с небольшим отрядом пройти по местностям, недоступным и поныне самой многочисленной русской армии. Больше того, он так управлял богатым Закавказьем, что ему удалось быстро использовать драгоценные ресурсы края, не оскорбив национального чувства местных жителей. Он сформировал небольшой отряд (около тридцати тысяч человек), прекрасно обученный и дисциплинированный, с офицерами, в равной мере образованными и отважными, которых солдаты любили и которые, в свою очередь, были привязаны к начальнику узами восхищения и благодарности.

В царствование Александра Ермолов, из ряда вон выделяющийся талант и независимый нрав которого стесняли Аракчеева, принял без особого удовольствия, но впрочем и без отвращения, поручение усмирить Кавказ и преобразовать Закавказский край. Мы видели, в какой степени он этого достиг.

После вступления Николая на престол, Ермолов не спешил ни просить нового императора разрешить ему засвидетельствовать свою преданность, ни поздравить его по случаю победы, которую тот только что одержал над мятежниками, — и это начинало беспокоить Николая; но так как высокомерный характер генерала был известен так же хорошо, как преданность ему его войска, Николай не посмел открыто выразить свое неудовольствие и стал ждать подходящего случая.

Случай, которого он ждал и искал, скоро представился. Начиная с первых столкновений с Персией, генерал Паскевич, более известный своею любовью к изящным искусствам, чем военными способностями, был отправлен на Кавказ с поручением двусмысленным и неопределенным, которое должно было принудить Ермолова подать в отставку или же стать на почву открытого возмущения против правительства.

Генерал, который с легкостью мог принять последнее решение, перед лицом войны с чужеземцами, не задумываясь, подчинился, чтобы встать на защиту чести и интересов страны.

С тех пор этот необыкновенный человек всегда жил в совершеннейшем уединении, нисколько не утрачивая своей популярности, безусловно заслуженной, и Николай, избавившись от него, в течение всего

своего царствования остерегался назначать на какие бы то ни было должности людей высокого ума.

Генерал Толь, которому русская армия была обязана всеми достигнутыми успехами, будь то в войне против турок или против поляков, умер главноуправляющим путями сообщения, тогда как Паскевич (признанная посредственность) получил титул фельдмаршала и князя Варшавского.

Если Николай принужден был терпеть и терпит еще в своем министерстве несколько талантливых людей, так это потому, что они ему совершенно необходимы и что они, кроме того, искупают этот недостаток беспредельной угодливостью.

ГЛАВА VII

ВОССТАНИЕ И РАСПРАВА

МИР. ПРИНУЖДАЮЩИЙ К ВОЙНЕ.—ПРОИСХОЖДЕНИЕ СМУТ НА КАВКАЗЕ.—ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ.—НИ ХЛЕБОПАШЦЫ, НИ СОЛДАТЫ.—ЛИЦЕМЕРИЕ И ВЕРОЛОМСТВО.—ОПЯТЬ ОРЛОВ.—ОПЯТЬ ПРИГОВОРЫ И КАЗНИ.—НЕЛЮБОВЬ К НИКОЛАЮ РАСТЕТ И СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ ЕДИНОДУШНОЙ

Персидская война была закончена крайне неудачно. Мирный договор, не обеспечивая России никаких положительных преимуществ, принес ей новую территорию, бесполезную и опасную, ибо в данном случае расширение границ неизбежно приводило к столкновениям с кавказскими горцами и действительно вызвало несчастную войну, до настоящего момента еще не оконченную, но уже стоившую России столько храбрецов. После Персидской войны почти немедленно вспыхнула война с Турцией.

Но в промежутке между двумя войнами произошло ужасное восстание военных поселений. Это варварское учреждение, введенное Аракчеевым, принесло наконец свои горькие плоды. Солдаты-хлебопашцы, которые благодаря изъятию навязанного им устройства не могли быть ни хлебопашцами, ни солдатами, после тщетных надежд на освобождение, связанных с заговором 1825 года, где некоторые из них принимали участие, после напрасного расчета на облегчение своей участи вслед за отставкой Аракчеева, решились наконец прибегнуть к оружию. Они восстали, жестоко расправились со своими офицерами, которых считали орудием в руках временщика, которым приписывали всю тягость своего положения, и стали ждать решения государя — носителя высшей справедливости.

Здесь, как и всегда, Николаю нехватило одновременно ни благоразумия, ни мужества, ни прямоты. Он послал вперед Орлова, который, действуя поочередно то мерами насилия, то средствами убеждения, почти привел восставших к повиновению; самому императору по приезде оставалось только довершить дело, следуя уже установленному пути.

Николай говорил несчастным солдатам: «Вы мне дети, и я буду отечески вас опекать, но вам напрасно захотелось самим добиваться справедливости; начните с подчинения законным властям, власти будут по настоящему справедливы ко всем».

Несчастные покорились; они верили слову государя, да к тому же были оцеплены верными престолу войсками, вызванными из Петербурга, — войсками, которые, не понимая исключительного положения восставших, принимали их за каких-то чудовищ, ибо те убили своих офицеров.

Людей, добровольно покорившихся властям, разгромили с неслыханной жестокостью. Множество их на месте прошло сквозь строй;

другие были преданы суду специально учрежденной комиссии, подверглись сначала всякого рода пыткам во время следствия и оказались затем приговоренными к наказанию палками или к каторжным работам в крепости; лишь наименее опасные получили милость быть сосланными в Сибирь.

Подобно тому, как жестокий приговор деятелям заговора 1825 года отвратил от Николая сердца дворянства, разгром восставших солдат лишил его народных симпатий; отныне русский император выступает одиноко, не опираясь больше в своей стране ни на какое сочувствие, ни на чьи интересы, — за исключением интересов тех, которые, будучи ему всецело преданными, сами совершенно оторвались от народных масс.

ГЛАВА VIII

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА. ГОЛУБЫЕ МУНДИРЫ

БЕЗ ПОЛЗЫ И БЕЗ СЛАВЫ.— ШЕСТЬ ОРУДИЙ, ЗАХВАЧЕННЫХ ТУРКАМИ ПОД НОСОМ У НИКОЛАЯ. — ИМПЕРАТОР ЧУТЬ НЕ ТОНЕТ ПОД ВАРНОЙ. — ЕЩЕ ОДИН НЕУДАЧНЫЙ МИР. — КОРПУС ГОЛУБЫХ МУНДИРОВ.—ОФИЦИАЛЬНО СУЩЕСТВУЮЩАЯ ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ.— НИКОЛАЙ, ПОЛЬСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И КОСТИН

Война с Турцией, предпринятая без достаточной подготовки, война, где было бесполезно и бесславно принесено в жертву столько людей, еще раз обнаружила неспособность императора Николая к военной и политической деятельности.

Под Шумлой, в 1828 году, когда Николай лично руководил блокадой местности, турки сумели отбить у русских шесть орудий, расположенных почти рядом с царской палаткой.

Под Варной, в 1829 году, император показал себя еще большим невеждой в военном деле, предписав флоту действовать вопреки всем известным правилам и рискуя сам, вместе с тем судном, на котором находился, пойти ко дну под огнем крепостных батарей.

Эта война, подобно Персидской, окончилась также весьма необдуманным по своим условиям миром.

Россия приобретала господство на Нижнем Дунае, — господство, не сулившее ей никакой прямой выгоды, но приводившее к враждебному соприкосновению с могущественными торговыми державами, в частности с Австрией; с другой стороны, русские завладели Анапой и некоторым пространством на восточном берегу Черного моря. Теперь они могли с разных сторон обступить черкесов, но зато обрекали их на постоянную враждебность к покорителям.

Эти приобретения, очень небольшие, единственные, которых добился Николай за все свое 29-летнее царствование, не принесли, таким образом, России ничего, кроме непрерывной войны на протяжении 25 лет, — войны, где в борьбе с непреодолимыми препятствиями бесплодно расточались усилия и кровь лучших русских солдат.

Николай, однако, не взирая на все подобные неудачи и растущее недовольство, входил во вкус царствования; он вскоре засвидетельствовал это, учредив новый корпус жандармов — одно из наиболее верных и самых ужасных средств господства, которые когда-либо были изобретены. Это — наблюдательная полиция, сформированная в полки, носящая свою особую форму; это — доверенные агенты правительства, помещенные открыто при других чиновниках и повсюду среди граждан со специальной прямо признанной обязанностью вести за ними наблюдение и давать центральной власти отчет обо всех их действиях. Одним словом, это — *pes plus ultra* самого бесстыдного деспотизма, тайная полиция, ставшая явной, официальной.

Таково самое характерное учреждение николаевского царствования. Заведывание полицией поручено особому отделению собственной его величества канцелярии; оно всегда доверялось одному из самых близких любимцев императора. После Бенкендорфа никто иной, как Орлов стал шефом корпуса жандармов, — голубых мундиров, как их называют в России, где всякий, кто имеет отношение к полиции или в этом только заподозрен, обозначается подобным цветом, потому что официальные жандармы носят светлоголубую форму.

Чтобы сделать понятным чудовищное лицемерие, неизменно при-сущее Николаю, лучше всего было бы привести здесь самый указ об учреждении корпуса жандармов.

В нем только и речи, что об общественном благе, о надлежащем отправлении правосудия, о притеснении слабого, теперь уже невозможном, и т. д. и т. д.; как будто бы в действительности все эти цели не могли быть достигнуты скорее — введением действительной гласности, чем при помощи всех мыслимых видов полиции.

Но русский император неизменно придерживался системы обмана и лицемерия, принятой с самого начала царствования; вскоре он представил тому новое доказательство, отправившись короноваться в Варшаву, на правах конституционного короля Польши.

Принося присягу польской конституции, которую позднее ему благорассудилось спрятать в шкапулку у подножья собственного портрета в Московском историческом музее, Николай уж конечно не имел никакого намерения сдерживать данные обязательства; но в тот момент нужно было одурачить Польшу и всю Европу; поэтому он благопристойным образом разыграл роль конституционного монарха — роль, которую позднее имел наглость отвергать в беседах с Кюстином.

ГЛАВА IX

1830 ГОД

НИКОЛАЙ ПРЕДПРИНИМАЕТ НОВЫЕ И БЕСПОДЕЗНЫЕ ШАГИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ПОПУЛЯРНОСТИ.— ЦЕНЗУРНЫЙ УСТАВ, ПРЕВРАЩАЮЩИЙСЯ ПОЗДНЕЕ В ЗАПАДНЮ.— ПЕРЕВОРОТ ВО ФРАНЦИИ И В ХАРАКТЕРЕ ЦАРЯ.— ОН, НАКОНЕЦ, НАХОДИТ СВОЙ ПРИНЦИП.— НИКОЛАЙ, ДОН-КИХОТ И ЗАКОННОСТЬ.— ДУЛЬЦИНЕЯ НИКОЛАЯ

Мы приближаемся к 1830 году, который должен вызвать в поведении и в характере Николая новые изменения. Вспомним же события, предшествовавшие этой дате.

После вступления на престол Николай старался приобрести популярность всевозможными способами и среди всех классов. Мы указали приемы, которыми он пользовался, но об одном из них забыли; это цензурный устав, в очень либеральном духе изменявший цензурные ограничения и вместе с тем предоставлявший писателям такие преимущества авторского права, которыми они не пользовались еще в других странах Европы⁵.

Этот цензурный устав, выполняемый с грехом пополам, ввел в России некоторую свободу печати, которая после потрясений 1830 года должна была для Николая стать ничем иным, как способом опознания опасных людей, чтобы подавлять их своей ненавистью и преследованиями.

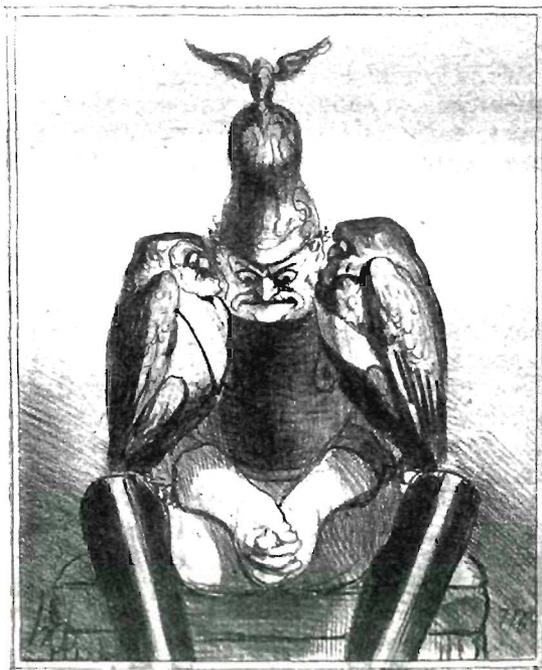
Вся Европа знает, с какой свирепостью он выступал против революции, происшедшей во Франции. Он повсюду искал способов вызвать эмиграцию, подобную той, которая была в 1792 году; но ему пришлось привлечь к своей особе и в свою гвардию лишь нескольких ничтожных авантюристов, и Франция в эту эпоху, как прежде, так и позднее, продолжала идти по своему пути, не заботясь о мнении Николая. Но, если он не должен был и не мог повлиять на судьбу Франции, от этого не

уменьшилось значительное влияние Франции на характер царя, на его стремления и, следовательно, на его судьбу.

С тех пор как Франции было угодно низвергнуть у себя законность, Николай, приведенный в ужас подобным святотатством, превратился в подвижника во имя этой законности. Всем его качествам политика и правителя, перечисленным нами на протяжении рассказа, не хватало принципа, который бы их упорядочил, — Франция дала его Николаю: этот принцип — законность.

С этих пор он во всем и повсюду борется за законность, как Дон-Кихот боролся за свою Дульцинею.

Все, что является древним, для него закономерно, в противовес всему, что является новым, и, как это можно было видеть в недавно опубликован-

КАРИКАТУРА О. ДОМЬЕ НА НИКОЛАЯ I
Музей изобразительных искусств, Москва

ных дипломатических документах, он намеревался защищать турецкую законность от самих же турок, когда они, ломая предрассудки, захотели ввести усовершенствования, создаваемые гением нашего времени.

Эта смешная страсть, которую сначала породил в нем инстинкт страха, становилась в нем все более и более серьезной. Увлеченный с годами религиозными заботами, он вообразил, что действительно наделен миссией свыше, направленной к защите и восстановлению законности в Европе и во всем мире.

Польская революция, которая поставила его на край гибели, и силой оружия и тем сочувствием, которое она нашла в самой России, особенно способствовала его укреплению на путях законности; с тех пор он никогда не изменил этим тенденциям, и все более и более удаляясь от каких бы то ни было общенародных стремлений, он посвятил себя защите абстрактного принципа, не имеющего никакого отношения к интересам империи, забывая в интригах во имя законности необходимость заботиться о самой драгоценной части наследия Петра Великого: о просвещении и благосостоянии русского народа.

ГЛАВА X

ВОЛОКИТСТВО И ДИЛЕТАНТСТВО

НИКОЛАЙ ПРИМЕРНЫЙ МУЖ.— ОН ПОДАЕТСЯ ИСКУШЕНИЯМ.— ЖЕНИТЬБЫ АДЪЮТАНТОВ.— МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ДЕТИ.— НИКОЛАЙ — ДИЛЕТАНТ.— «МОИ ДВА ХУДОЖНИКА».— ПРАВОСЛАВНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ В АРХИТЕКТУРЕ, ВЫДУМАННЫЙ ДВУМЯ НЕМЦАМИ.— СФИНКСЫ, АНГЕЛ, ЧЕТЫРЕ ЛОШАДИ

Мы не пишем здесь истории России, мы описываем личность самодержца, который ею управляет; и так как со времени польского восстания выдающиеся события в его царствование становятся редкими, мы будем принуждены говорить больше о человеке, чем о государе.

Николай, в бытность великим князем, постарался создать себе репутацию примерного мужа, репутацию, которую он мало оправдал, когда стал императором.

Окруженный, как все монархи, соблазнами и лестью, он не сумел перед ними устоять, поддался им и вызвал даже большие толки и скандалы, чем это позволяло ему его положение.

Мы бы избавили себя от необходимости касаться столь щекотливого и интимного вопроса, если бы Николай не примешал к этому, как и ко всему другому, самого недостойного лицемерия. Так, например, именно он отменил закон, позволявший отцам признавать незаконных детей, вступая в брак с их матерями. Именно он много раз вмешивался в разстроенные браки, выступая в качестве защитника угнетенных сторон. И, тем не менее, он с ведома и на глазах всего двора женил своих адъютантов на своих же прежних любовницах, а своих незаконных детей, которым давал смешные имена и титулы, воспитывал у высших сановников своего двора.

Наконец, он же за кулисами императорских театров подает пример распушенности в стиле регентства, к тому же весьма дурного вкуса, и на публичных маскарадах не замаскированный компрометирует свое достоинство в обществе самых вульгарных женщин.

Николай слывет обладателем хорошего вкуса в искусстве. В этом тоже видно чистейшее лицемерие. Он слышал, что все великие монархи покровительствовали искусству, и так как он во что бы то ни стало хочет быть великим государем, он тоже, по-своему, покровительствует артистам и искусству, но так как ничего в этом не понимает, то его покровительство оказывается обычно скорее вредным, чем полезным.

Что касается живописи, то он один раз, случайно, призвал Горация Верне, который охотно согласился написать для Николая несколько картин; но сколько других беспаланных и ничего не стоящих французских, немецких, бельгийских живописцев до и после этого выдающегося художника оплатил и оплачивает еще Николай, чтобы они писали портреты с его гренадеров и зарисовывали бы его смотры!

Из русских художников в его царствовании были обнаружены два замечательных человека — Брюлов и Бруни. Первый умер молодым. Его большая картина, «Гибель Помпеи», была выставлена в Париже. Другой живет поныне и работает в настоящее время над украшением Исаакиевского собора. Оба художника отличаются друг от друга и по характеру своего дарования и по манере, примерно, как Энгр отличается от Делакруа; но Николай не понимает этих тонкостей. Он слышал, что оба эти художника были из ряда вон выходящими людьми, и он принял их почтительное превосходство, как совершившийся факт, но не умел их ни выделить, ни отличить друг от друга; когда речь шла о них, он говорил: «Мои два художника».

В один прекрасный день это необычайное смешение окончилось забавным случаем: Бруни, находившийся в Риме, послал в Академию Художеств ряд картин, и императора пригласили их посмотреть. Николай

отправился в Академию и после осмотра одной из картин, которая представляла библейский сюжет, где было изображено несколько ангелов, сказал, обернувшись к Брюлову, случайно присутствовавшему во время царского посещения:

«Это хорошо; да, картина хороша; я ее возьму для моего собора, но Бруни развращается в Италии; у его ангелов нет святости во взоре; ты мне их переделаешь».

Брюлов, смущенный и сконфуженный, никогда не переделал этих лиц, и Николай, к счастью, позабыл о них и думать, но одного этого случая достаточно, чтобы характеризовать его понимание искусства.

В архитектуре Николай делает еще большие успехи, чем в живописи. Если в живописи его больше всего заботит святость, то в архитектуре главной заботой является одновременно и святость и национальность. Надо сказать, что никогда не бывало не только национальной русской архитектуры, но что в России ни разу не появилось даже сколько-нибудь значительного архитектора, а то, что могло придать своеобразие русским церквям, — единственным памятникам, сохранившимся в этой стране на протяжении веков, — это требование культа, условия климата и в большинстве случаев невежество строителей. Соединение этих элементов породило массивные храмы, мрачные и плохо освещенные, которые Николай и Тон, немецкий архитектор, приняли за идеал православной и национальной архитектуры, ими выдуманной. Этот стиль они применили, еще больше его изуродовав, при постройке большой церкви в Москве, в память 1812 года, — постройка, на которую уже истрчено миллионов двадцать.

Правда, эта сумма меньше, чем сумма, истрченная на Исаакиевский собор, этот памятник своеобразной архитектуры, который обошелся больше, чем в пятьдесят миллионов, в течение пятидесяти лет, пока продолжалась его постройка, но московский собор окажется еще более уродливым и это не будет даже искупаться колоннами из гранита с бронзовыми капителями, ибо православный и национальный стиль в архитектуре, изобретенный двумя немцами, изгоняет колонны и капители.

В области скульптуры Николай наградил Петербург тремя шедеврами: гранитными сфинксами, которые ему подарил Магомет-Али из Египта, затем колоссальным бронзовым ангелом на Александровской колонне, который, как произведение искусства, стоит сфинксов, и, наконец, четырем лошадям барона Клодта на Аничкином мосту, равноценными ангелу.

ГЛАВА XI

ИСКУССТВО И ФИНАНСЫ

ДВОРЕЦ, СГОРЕВШИЙ В ОДНУ НОЧЬ И ОТСТРОЕННЫЙ ЗА ОДИН ГОД. — МИЛЛИОНЫ И ЛЮДИ. — РОКОКО В БОЛЬШОМ МАСШТАБЕ. — ИСТОРИЧЕСКАЯ ОКРАСКА. — БЕЗУМИЕ ДЕСПОТИЗМА. — ЧЕТЫРЕСТА МИЛЛИОНОВ В ПОДВАЛАХ КРЕПОСТИ. — ЗАТРУДНЕНИЕ ОТ ИЗБЫТКА. — ЧТО СТАНУТ ДЕЛАТЬ С ДЕНЬГАМИ? — НИКОЛАЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ БАНК. — РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ И НУЖДА

Наибольшим достижением Николая — на путях его карьеры покровителя искусств — явилась переделка царского дворца, сгоревшего в одну ночь и отстроенного затем на протяжении одного года. Работа обошлась в 40 миллионов и стоила жизни не одной сотне рабочих; но Николай сдержал слово, и так, как он обещал своей свите, ровно через год после пожара великолепный банкет ознаменовал реставрацию дворца. Эта бешеная трата, миллионы, брошенные в огонь ради дворца, отстроенного на всех парах, дают меру одновременно и художественному вкусу Николая и самохвальству деспота, не знающего пределов ни своим желаниям, ни своему могуществу.

Дворец этот, который в Петербурге называется Зимним, был построен в сомнительном и малоизящном вкусе века Людовика XV. Это рококо в больших размерах.

Сделанный из кирпича, как все здания Петербурга, облицованный затем мрамором дворец с годами приобрел достаточно гармоничную окраску, счастливо скрывававшую не слишком удачные детали постройки. Николай, швырявшийся миллионами и людьми только ради удовлетворения тиранического каприза, не понимая значения постройки для общего развития искусства в стране, хотел отстроить свой дворец совершенно таким же, каким он был до пожара, без всяких изменений и добавлений: поэтому-то пришел он в истинное восхищение, когда его архитектор отыскал средство придать новому зданию ту самую окраску, которой было обязано действию времени старое.

Возобновление Зимнего дворца стоит в ряду самых значительных событий николаевской эпохи, не только в силу того, что тут перед нами один из наиболее произвольных и тиранических поступков, вообще свойственных этому роковому царствованию, но еще и потому, что оно означает в характере самого Николая новые успехи на путях к злу. Действительно, это лишь первое звено в цепи действий, где деспотизм, пришедший к обожествлению самого себя, граничит с безумием и, впадая в хвастовство и ребяческое тщеславие, производит причудливые и даже чудовищные действия, успевшие уже привести в изумление всю Европу.

Мы не можем приводить здесь всех фактов подобного рода; они чересчур многочисленны, и подробное изложение увлекло бы нас в данном случае далеко; стоит, однако, остановиться еще на одном, самом характерном и всего более нашумевшем.

В один прекрасный день Николаю пришла фантазия собрать в подвалах Петропавловской крепости всю звонкую монету, обращающуюся в империи; количество ее, вообще говоря, не превышает 600 миллионов франков, а так как ровно ту же цифру составляют ежегодно поступающие налоги, не оказалось ничего легче, как заставить металлический запас естественным порядком притекать в государственную казну; Николай поэтому очень скоро мог с полным удовлетворением видеть подвалы своей крепости переполненными золотом и серебром. Он владел приблизительно четырьмястами миллионов франков, потому что 200 миллионов нужно было все-таки оставить в обращении, и при таких условиях уже далеко недостаточном для населения в 65 миллионов жителей.

Что же думал делать Николай с собранными деньгами?

В сущности, по закону, деньги эти ему отнюдь не принадлежали, и он не мог ими располагать; суммы, хранившиеся в крепости, служили обеспечением кредитных билетов, выпущенных государством вместо прежних ассигнаций, и являлись собственностью русского императора не в большей мере, чем металлический фонд французского или английского банка.

Но подобного рода соображения никогда не останавливали Николая. Разве он в свое время на расходы по перестройке дворца не взял у петербургского и московского земельных банков — банков депозитных — всего находящегося в их распоряжении фонда, так что их операции поневоле были на некоторое время прерваны? Точно так же теперь он считал себя совершенно законным собственником — с правом употребления и злоупотребления — фондов, помещенных в крепости; только не знал, что с ними делать.

Можно было предпринять столько мер — благодетельных, справедливых, полезных! Закончить постройку железной дороги из Петербурга в Москву; проложить другие пути сообщения; улучшить положение

солдат; ускорить работу по производству описи земельных имуществ, которая, позволяя изменить раскладу податей, должна была дать возможность отмены крепостничества, — словом на очереди стояло так много дел, что сам Петр Великий пришел бы в затруднение.

Николай ничего этого не сделал; он отыскал зато самостоятельно или совместно со своим министром Вронченко единственный в своем роде способ употребления скопленным миллионам — способ в одно и то же время нелепый, бесполезный и смешной.

Ему, государю страны большой и сильной, но бедной, пришло в голову на удивление всему свету и для вселения веры в свое богатство скупить французские, английские и голландские государственные бумаги, которые котировались тогда по самому высокому курсу⁶. Нашлись в то время малосообразительные люди, которые были восхищены образом действия Николая; с тех пор, однако, как увидели его принужденным поспешно отступить и продать свои бумаги с большим для себя убытком, даже крайние слепцы должны были понять, насколько поведение императора преисполненно было в данном случае мальчишеского тщеславия и безрассудства.

ГЛАВА XVII

ТЕАТР

ИМПЕРАТОРСКИЕ ТЕАТРЫ.— ГЕНЕРАЛ ГЕДЕОНОВ И ПОЛКОВНИК РУБИНИ.— ДИСЦИПЛИНА И ИСКУССТВО.— ПЕРЕДЕЛАННЫЕ ПЬЕСЫ.— НИКОЛАЙ— БАЛЕТМЕЙСТЕР.— НИКАКИХ ВОССТАНИЙ, ДАЖЕ В СЕРАЛЕ.— ГРЕНАДЕР И ЛИТЕРАТУРА.— НЕУМЕЛОЕ И ЛИЦЕМЕРНОЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО, ПРЕСЛЕДОВАНИЯ *CON AMORE*

В предшествующей главе мы должны были коснуться события, родственного в моральном отношении с историей перестройки Зимнего дворца, но этим не исчерпали еще всего относящегося к области изящных искусств. В ней проявляются такие стороны характера Николая, которые никак нельзя причислить к числу наименее любопытных и наименее странных.

Стремясь к тому, чтобы в империи все точно регламентировалось, он подчинил театры, которые в обеих столицах России все являются императорскими, наистрожайшей дисциплине*. Строгость понимается здесь не с точки зрения нравов, а в смысле повиновения, столь же беспрекословного, как в действующей армии. Артисты распределены, сформированы и обучаются по-военному; нет и речи о задержке или перемене спектакля из-за нездоровья; представление, раз объявленное, должно идти во что бы то ни стало; никакие обстоятельства не принимаются во внимание; в Петербурге еще и теперь, вероятно, помнят о знаменитой танцовщице (г-же Тальони), принужденной явиться на подмостках два дня спустя после смерти любимого существа.

По отношению к театру Николай самолично выполняет всевозможнейшие функции. Прежде всего он — цензор; он предварительно прочитывает пьесы, одобряет их или запрещает к постановке, вымарывает, цензурует, изменяет целые сцены или только одно заглавие: таким образом Анжело, тиран Падуанский именуется «Венецианкой»,

* В России под императорскими театрами понимается нечто совсем другое, чем во Франции; это — театры, не просто субсидируемые правительством, но прямо подчиненные и непосредственно управляемые чиновниками, которых назначает император и которые имеют свое особое место в общей иерархии государственных должностей. Поэтому и называли в насмешку генералом Гедеонова, никогда не бывшего военным и имевшего не больше прав на этот чин, чем их имел покойный Рубини на чин полковника. Шаризари⁷, как известно, утверждал, что Рубини действительно был произведен в полковники. Это смешное заблуждение происходит от того, что у Николая все гражданские должности, в интересах службы, приравнены к военным чином — так, как это сделано во Франции с чиновниками военного ведомства и с медицинским персоналом армии.

Вильгельм Телль на петербургской сцене превращается в «Карла Смелого» и т. д. Единственно только произведения Клервиля и выходят нетронутыми из рук Николая; для него творчество этого плодовитого водевиллиста заменило романы Поль-де-Кока, предмет его увлечения в годы юности.

После цензуры приходит черед распределению ролей и постановке; тут — одно из самых излюбленных занятий Николая. Но в чем он воображает себя особенным знатоком, так это в постановке балетов: лично ему, его стараниям и наставлениям была обязана, например, блестящая постановка балета «Восстание в серале»⁸.

Целыми неделями изволил он обучать танцовщиц трудному искусству обращения с ружьем и маршировки в строю под дробь барабана. Нужно сказать, что название балета было и тут изменено, ибо в Петербурге не терпят восстаний даже в серале.

До сих пор мы видели, как тщеславие и лицемерие внушили Николаю притворно-сочувственный интерес к искусству, — черту, совсем ему несвойственную. В том же, что касается литературы и науки, гренадерские замашки всегда пересиливали у него требования, обусловленные его положением: своей ненавистью ко всей серьезной литературе Николай ясно доказал, что никогда не мог быть искренним в кажущейся склонности к искусству.

Действительно, Людовик XIV, например, покровительствовавший Мансару и Леброну, еще в большей мере почитал Мольера, Расина и Буало; Николай же не сумел даже произвести впечатление, будто имеет вкус к литературе; всякий раз, когда общественное мнение принуждало его вознаграждать литератора или ученого, он делал это весьма неловко и против воли; зато он пускал в ход ловкость и свирепость заправского палача всякий раз, как получал возможность дать почувствовать кому-либо из этих людей действие царской ненависти. Всегда и везде Николай стремился оскорбить человека в его самых нежных и святых чувствах.

ГЛАВА XIII

НИКОЛАЙ И ПОЭТ

ПУШКИН — ИСТОРИОГРАФ И КАМЕР-ЮНКЕР. — ЦЕНА ПРИДВОРНОМУ ЗВАНИЮ В РОССИИ. — НИКОЛАЙ, ЕКАТЕРИНА II И «ДОН-ЖУАН» БАЙРОНА. — ЛЮБОПЫТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В БИБЛИОТЕКЕ НИКОЛАЯ. — ЦАРЬ И КОРОЛЬ САНДВИЧЕВЫХ ОСТРОВОВ. — СМЕРТЬ ПУШКИНА. — НИКОЛАЙ НАКЛАДЫВАЕТ ЛАПУ НА ЕГО БУМАГИ

В начале царствования Николая Пушкин, первый русский поэт, ходил в ссылке в своем поместье, где он жил в полном уединении, невыносимом для его подвижного ума и необузданного воображения. Николай вовсе не думал возратить ему свободу, но вдруг, со смертью Карамзина, оказалась вакантной должность историографа. Ее нужно кем-то заместить. Незадолго до этого Пушкин опубликовал свою поэму «Онегин»; его и так широкая известность еще больше возросла; он стал самым популярным человеком в стране. Император прекрасно видел, что ссылка Пушкина продолжаться не может; он знал, что общественное мнение прочило поэта на должность историографа, но Николай искал способа отравить чем-нибудь вынужденные милости, и он скоро этого достиг.

Пушкин не имел почти никаких средств; он жил лишь с доходов от своих сочинений, покупаемых петербургским книгопродавцем Смирдиным, по 10 франков за стихотворение. Поэт собирался жениться на молодой и красивой женщине, ему нужно было упрочить свое положение, поэтому он был принужден принять все, что правительство ему предлагало.

Николай решил назначить его историографом. Эта должность высо-

ко оплачивалась, но в то же время царь пожаловал ему звание камер-юнкера *, и Пушкин, который столько раз бичевал в своих стихах придворных лакеев, вынужден был сам надеть ливрею. Это было не последнее оскорбление, которое Николай ему приберег. Карамзин в своей истории остановился на эпохе, когда престол перешел к династии Романовых. Пушкину выпала значительно более щекотливая задача — написать историю дома Романовых, на принадлежность к которому претендовал и Николай.

КАРИКАТУРА О. ДОМЬЕ НА ВОЕННЫЕ ФОРМЫ НИКОЛАЯ I
Музей изобразительных искусств, Москва

Работая над собиранием неизданных материалов, относящихся к истории Петра Великого, поэт захотел осветить одно из наиболее интересных и самых неясных событий, случившихся в России в прошедшем веке, — восстание Пугачева; для этого он запросил из государственного архива все документы, относящиеся к этому событию.

Ему выдали их, причем дали понять, что ряд других документов находится в архивах личного кабинета императора, стремясь использовать

* Было бы совсем некстати приводить здесь в пример Вольтера, вспомнив, что он тоже был камер-юнкером короля и считал это за честь. Это звание при русском дворе не имеет того же значения, что при дворе Людовика XV: в России число камер-юнкеров неограниченно, поэтому эта должность является мало почетной и ее добиваются лишь очень молодые люди, ради расшитого мундира. Должность камергера, несмотря на то, что она более почетна, также не возвышает еще человека над простым смертным.

эти документы, поэт обратился к кому следовало; ему было отвечено, что ходатайство может быть удовлетворено лишь с особого соизволения императора.

Пушкин не посмел обратиться непосредственно к царю и хлопотал о разрешении через одного из министров; Николай не задумываясь решительно отказал.

«Что ему нужно в этих бумагах? — сказал он. — Они оставались неприкосновенными в архивах кабинета с тех пор, как моя бабушка слала их на хранение, спрятав бумаги собственноручно; я сам их не читал; г-н Пушкин прекрасно обойдется без них. Что если он ненароком захочет найти в них скандальный материал, чтобы написать нечто подобное песне «Дон-Жуана», где Байрон позорит память моего деда? Так нет же, этому не бывать!»⁹

Министр честно передал слова царя Пушкину, и поэт, привыкший уже к своеобразному деспотическому характеру императора, удивился лишь его осведомленности.

«Я не думал, что царь читал «Дон-Жуана» Байрона», — сказал он. Николай читал стихи, касающиеся Екатерины, так же, как и памфлеты, направленные против его деда, против отца и брата, так же, как все памфлеты, направленные против него самого*, как, наконец, он вскоре прочтет и нашу скромную прозу. Да будет она легка всем, кроме него!

После ряда одинаково неудачных попыток, Пушкин понял, что его должность историографа была лишь синекурой, и стал в поэзии искать утешения, которого нигде не мог найти.

Несчастная дуэль, позорная для тех, кто был ее причиной или орудием, в скором времени похитила благородного поэта у восхищенных соотечественников, оставив неоконченными его произведения. Даже агония не могла уберечь его от преследований Николая. В то время, когда Пушкин, смертельно раненный пулей в нижнюю часть живота, умирал в жестоких муках, Николай послал к его ложу Бенкендорфа, шефа «голубых мундиров», чтобы завладеть бумагами поэта, тотчас же после его смерти, даже раньше, если это будет возможно.

Тиран опасался, что лицемерные преследования зажгли гнев поэта и что поэт обрек его на осуждение потомства одной из своих взывающих пламенных од, как сделал раньше с Павлом и Александром, из-за чего и был сослан в первый раз. Быть может Россия из-за этой преждевременной смерти и низости деспота лишилась прекрасных стихов или красноречивых страниц исторического повествования. Как бы то ни было, после смерти Пушкина все его бумаги были немедленно переправлены в третье отделение канцелярии его величества (тайная полиция), где они и остались, за исключением тех, которые государство само захотело отдать душеприказчикам поэта для издания полного собрания сочинений.

* Николай хранил у себя в кабинете полную коллекцию всех работ, книг, брошюр, журналов, в которых идет речь о нем. Последний раз, когда можно было видеть эту коллекцию (в 1849 г.), она состояла приблизительно из ста книг и брошюр и больше двадцати альбомов in folio, переплетенных в красный сафьян, с посвященными Николаю журнальными вырезками: восхваляют ли его, или осуждают, или даже поносят, Николай хочет знать все, что говорится о нем на свете, и чем из большего далека приходит документ, тем более он радуется; поэтому-то царь и пожаловал недавно орден св. Станислава русскому консулу в Сан-Франциско, который прислал номер журнала с Сандвичевых островов, где воспроизводится разговор короля Кимехамеха с консулом Соединенных Штатов, между прочим, и о русском императоре. В порыве чрезвычайного тщеславия, Николай, принимающий шум за славу, подражает провинциальным актерам, которые собирают все газеты тех захолустей, где они бывали и где идет о них речь. Насколько же библиотека Зимнего дворца должна пополняться с 1849 г. и с какой быстротой она пополняется особенно в данный момент!¹⁰

Поэта хоронили в необычайный час — ночью. Николай хотел избегнуть демонстрации, но, несмотря на все меры, принятые полицией, по крайней мере, десять тысяч человек очутились на похоронах — количество, небывалое для Петербурга, где обычно похороны рассматриваются, как семейное дело.

В Петербурге честолюбцы стремятся к получению придворных званий лишь начиная с чина церемониймейстера, поэтому следует остерегаться и не преувеличивать значения звонких титулов, которые приходится читать на русских визитных карточках: «Камер-юнкер его величества императора всероссийского», — камергер, *idem*, — так как у Николая несомненно тысячи три камер-юнкеров и тысячи две камергеров! Чин статского советника его величества императора всероссийского стоит еще меньше; этот чин дает ничего не значущее звание, каждый чиновник может его получить после двадцати или двадцати пяти лет службы. В России по меньшей мере десять тысяч статских советников!

ГЛАВА XIV

ИСТОРИЯ ДРУГОГО ПОЭТА

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ.— МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ЕГО ДУХ.— ПОЛЕЖАЕВ И МАРКИЗ ПОЗА.— НИКОЛАЙ И ФИЛИПП II.— БЕСЕДА МОЛОДОГО ИМПЕРАТОРА С ЮНЫМ ПОЭТОМ.— ПОЭЗИЯ И САМОВЛАСТИЕ.— КАВКАЗ И СЕРАЯ ШИНЕЛЬ

Пушкин был не единственным поэтом, пострадавшим от ненависти Николая ко всякой поэзии; до него еще Полежаев, талантливый, полный высоких стремлений юноша, пал под грубым ударом бессердечного деспота.

Восемнадцатилетний Полежаев учился в Московском университете; * профессора отличали его как ученика выдающегося ума и дарованый; товарищи обожали и видели в нем вождя студенческой молодежи: он воспевал гражданские доблести так же хорошо, как умел показывать в них пример.

Николай, явившийся в Москву на коронацию и обеспокоенный настроениями, которые царили в тамошнем университете, потребовал от соответствующих властей на этот счет подробных сведений. Из представленных докладов он узнал о Полежаеве. Царь пожелал его видеть, и юного поэта привели в императорский кабинет.

Полежаев был о свидании предупрежден и заранее к нему приготовился.

Этот юноша с пылким умом и живым воображением, воспитанный на чтении немецких и английских поэтов, проникся убеждением, будто он призван разыграть перед Николаем ту роль, которой Шиллер наделил маркиза Позу при Филиппе II; накануне аудиенции он говорил своим друзьям: «Вы будете свидетелями великих событий: молодой император призывает к себе самого молодого из русских поэтов; для нашего отечества открывается новая эпоха; если я своего достигну, судьбы России совершенно изменятся; если Николай меня не поймет, мы с вами больше не увидимся!... Но я своего достигну».

* Управление народным просвещением в России сосредоточено в руках министерства того же названия. Всем делом руководят под высшим начальством министра попечители учебных округов, пребывающие в тех городах, где имеются университеты или академии, т. е. в Петербурге, Москве, Харькове, Казани и др. Университеты состоят из четырех факультетов: философского, с отделениями — естественнонаучным и литературным, юридического и, наконец, медицинского. На попечителя возлагается также заведывание средним образованием (гимназии для дворян и купечества) и образованием начальным (уездные училища и приходские школы); под его же наблюдением находятся, наконец, частные преподаватели и воспитатели, не могущие заниматься своим делом без предварительного испытания и тоже относящиеся к числу государственных чиновников.

Император принял поэта со зловещей улыбкой и тотчас же обратился к нему в таких выражениях: «Мне сказали, что у вас есть талант; почему вы им злоупотребляете? Зачем написали вы стихи против блаженной памяти брата моего императора Александра?»

Молодой студент не дал себя, однако, запугать.

«Государь, — сказал он, — мне всего 18 лет; стихи, о которых вы говорите, написаны два года тому назад; я очень сожалею, что они сделались известны вашему величеству, но вы, надеюсь, сообразовите о них забыть, так же, как позабыл и я сам — теперь, когда Россия с мучительным беспокойством ожидает от своего юного монарха возвещения новой блестящей для себя будущности. Я уверен, государь, что отныне стану обращать к вам только оды, полные восторженного признания — как те, которые Державин обращал к вашей славной бабке».

«Разве вы, сударь, не знаете, что самодержцы связаны круговой порукой — тем более, если они еще братья?»

«Мне это, государь, известно, и я раскаиваюсь в том, что оскорбил ваши братские чувства: да я знаю, самодержцы связаны круговой порукой и потому-то на вас падает ответственность за честь вашего дома. Вы, внук Петра, призваны продолжать его дело, вновь связать прерванную цепь традиций, заставить позабыть о пробелах, могущих служить извинением моей злосчастной поэме, призваны стать обожаемым и благославляемым современниками, чтобы история увенчала вас лаврами бессмертия. Призовите к себе молодежь разумную и прилежную, и мы со всем пылом, со всей преданностью будем под вашим руководством сражаться с двойным бичом, производящим опустошение в народе: с нуждой и невежеством».

«А! Тебе захотелось сражаться! Прекрасно, молодой человек, ты получишь то, чего желаешь; завтра же тебя зачислят в полк, отправляющийся на Кавказ».

Словно во сне слушал Полежаев все эти грубые речи. Николай не дал ему времени на возражения, он позвал чиновника, с которым Полежаев явился во дворец, и приказал ему отправить поэта обратно к попечителю, который должен был затем получить дальнейшие распоряжения императора.

Разговор этот, напоминающий жесткие насмешки, с которыми обращались к своим жертвам Людовик XI или Иван Грозный, передавался потом часто самим несчастным поэтом, которого, через два дня после высочайшей аудиенции, одели в серую шинель русского солдата. Немного лет спустя он умер, не выдержав мучений, причиненных нежной душе и хрупкому телу варварскими требованиями военной дисциплины — как ни была она для Полежаева смягчена сочувствием товарищей и доброжелательным отношением непосредственных начальников.

ГЛАВА XV

ПОЭЗИЯ И ОРФОГРАФИЯ

MORITURI TE SALUTANT.— ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ.— СПИСОК РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ. ПУБЛИКУЕМЫЙ ПОЧТОВЫМ ВЕДОМСТВОМ.— ЧЕМ ОБЪЯСНЯЕТСЯ НЕНАВИСТЬ, КОТОРУЮ НИКОЛАЙ ПИТАЕТ К ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТОРАМ?— АЛЕКСАНДРА И АЛЕКСАНДРИНА.— ПЕРЕМЕНЫ ИМЕНИ. ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ДЛЯ РУССКИХ ИМПЕРАТРИЦ.— НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ГРАММАТИКИ ПО УКАЗУ

Если бы нам захотелось подробно рассказать о злключениях всех поэтов, всех ученых, которым Николай отравил жизнь своими преследованиями; если бы мы пожелали говорить даже только о тех, для которых он явился, прямо или косвенно, виновником преждевременной смерти, — список вышел бы длинным:

Рылеев, погибший на эшафоте;

Бестужев, убитый на Кавказе, после того как он перенес муки каторжных работ в Сибири;

Кюхельбекер, умерший в крепости, где он был заключен;

Соколовский, погибший на Кавказе от последствий продолжительного заключения в казематах Шлиссельбурга;

Лермонтов, павший на Кавказе жертвой бессмысленной дуэли, на которую он пошел от скуки, порожденной ссылкой.

Достоевский, приговоренный к каторжным работам в 1849 году, и много других, менее известных, но не менее достойных сожаления.

Разве призраки всех этих жертв не являются во сне тирану? Разве безмолвие, все более властно воцаряющееся в империи, не кажется ему временами ужасным?

Николай, однако, находит себе утешение и забвение в обманчивой суете официального «света».

Вместо независимых журналов, появление которых сделано невозможным, он создает невероятную массу журналов правительственных: Журнал Министерства народного просвещения, Журнал Министерства внутренних дел, Журнал Министерства финансов, Журнал Министерства государственных имуществ, Горный журнал и кроме того еще бесконечное число провинциальных журналов, издающихся местными властями.

Каждый год почтовое управление Петербурга и Москвы печатает список периодических изданий — отечественных и зарубежных, — которые оно берется доставлять абонентам; в этом списке не более ста пятидесяти иностранных названий и столько же приведено русских — с расчетом уверить почтенную публику, будто в России журналов издается такое же количество, как во всех остальных странах цивилизованного мира, вместе взятых.

Если бы Николай не доводил своего равнодушия по отношению к науке и литературе до ненависти и до самых жестоких гонений, можно было бы его извинить, найдя всему объяснение. В самом деле, для него, от природы лишённого вкуса и не имевшего ни способностей, ни времени получить серьезное образование, литература должна была представлять мало привлекательного: человек, так никогда и не сумевший овладеть орфографией, способен был лишь с большим трудом увлекаться художественной прозой и хорошими стихами.

Тут уместно рассказать анекдот, который мы пообещали, когда говорили об уроках русского языка, преподанных Жуковским жене Николая. Императрицу зовут Александрой*; император, по всей вероятности, находит это имя очень красивым, но зато питает отвращение к имени Александрины и ни за что не хочет допустить, чтобы между этими двумя именами произошло смешение. В Петербурге же есть театр, названный в честь императрицы; по-русски, как и по-гречески, всегда можно образовать прилагательное от имени собственного, — поэтому прилагательное, обозначающее театр имени императрицы, звучит совершенно так же, как если бы сама она звалась Александриной. Император не смог вынести подобного оскорбления и приказал, чтобы во всех официальных

* Довольно любопытно то мало известное обстоятельство, что немецкие принцессы, выходящие замуж за членов императорской фамилии, меняя вероисповедание, превращаясь из протестанток в православных, меняют в то же время и имя; так, нынешняя императрица, которую зовут Луизой, приняла имя Александры. Но еще любопытнее и страннее то, что официально изменяют также и имя отца принцессы. В России каждое лицо называется не только своим собственным именем, но и именем отца; нынешняя императрица именуется Александрой Федоровной. Ее отца, однако, звали, как известно, Фридрихом-Вильгельмом, но поскольку подобного имени в русском календаре нет, его перекрестили в Федора.

документах, афишах и пр. злосчастное прилагательное писалось через такую гласную, которой не могут допустить ни правила орфографии, ни русский слух, но которое зато придает всему слову вид весьма отличный от ненавистного имени.

Конечно, литератор такого пошиба в качестве литературы только и может признавать водевили Клервиля или трагедии Кукольника; однако ненависть Николая к писателям идет не отсюда, она имеет гораздо более глубокую основу в одной из коренных черт его характера, очерченной нами выше — в той злобе и зависти, которой император преисполнен ко всякому вообще проявлению умственного и нравственного превосходства.

ГЛАВА XVI

НИКОЛАЙ-ЗАКОНОДАТЕЛЬ

ОН ПОДРАЖАЕТ ВЕЛИКИМ ЛЮДЯМ.— НЕСЧАСТЛИВЫЙ В ВОЙНЕ, ОН НАЧИНАЕТ ИЗДАВАТЬ ЗАКОНЫ.— ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.— СПЕРАНСКИЙ.— НИКОЛАЙ И НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ.— НИКАКОЙ КОДИФИКАЦИИ!— СВОД ЗАКОНОВ.— НИКОЛАЙ ВОССТАНАВЛИВАЕТ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ И ВВОДИТ ИЗГНАНИЕ

Николай пытался во всем подражать великим монархам, прославленным историей: он хотел быть полководцем, покровителем науки и искусства, законодателем, правителем и дипломатом.

Мы видели, каковы были его успехи на войне.

Мы только что изучили его в роли покровителя искусств. Теперь подойдем к нему, как к законодателю, правителю и дипломату.

Если в военном деле он не мог сравниться с Екатериной, несмотря на то, что она была женщиной, не мог дать так много, как дал его брат Александр, который, однако же не был великим полководцем; если, как покровитель искусств, он, император Российский, во многом уступал королю Людовику Баварскому, то мы увидим, что в области законодательства и управления его можно сравнить лишь с Иосифом II Австрийским, который последние годы своей жизни занимался тем, что уничтожал сделанное им в течение первых лет царствования.

Вступая на престол, Николай нашел в завещанных ему Александром планах подготовительные работы комитета, учрежденного для того, чтобы проверить, упорядочить и согласовать между собой все законы империи.

Руководство этим комитетом он поручил Сперанскому, одному из самых выдающихся государственных людей России, автору проекта конституции, представленного императору Александру, который за это поверг Сперанского в немилость во второй половине своего царствования.

Вся Россия с нетерпением ждала результата этих работ; надеялись получить, наконец, простой и доступный всем кодекс законов, подобный кодексу Наполеона, которым Польша пользовалась с 1807 года. Рассчитывали, что судопроизводство, усложненное ненужной многочисленностью различных инстанций и возможностью повторной апелляции к императору и Государственному совету, будет, по крайней мере, упрощено составлением нового свода. Но всем этим надеждам не суждено было сбыться.

Николай, глубоко невежественный во всех серьезных предметах, имел о законодательстве лишь смутное представление; но инстинкт ему подсказывал, что законы должны главным образом стремиться сохранить и обеспечить права монарха.

Сознавая, что его знания неудовлетворительны, Николай во время одного из своих путешествий в Берлин советовался со своим зятем и шурином, покойным королем и нынешним королем Пруссии; они вполне согласились с тем, что инстинкт подсказал Николаю, и тут же объяснили ему, какие следует принять меры, чтобы обеспечить авторитет государя и даже, если возможно, его усилить.

В эту эпоху в Германии среди юристов господствовала школа, главой которой был профессор Савиньи; школа назвала себя исторической, и основным ее принципом было отрицание кодификации.

Это учение, более или менее логичное в своих схоластических и хитроумных построениях, подходило, во всяком случае, деспотическому государству. Римское право было принято в прошлом как *ratio scripta*, но современность управляется сводом постановлений обычного права, т. е. целым ворохом законов, постановлений, декретов, которые различные системы управления, сменившиеся в Европе со времени средневековья, накопили во всех странах, подобно последовательным пластам тины, выброшенной большими реками в их устья.

Кодексы законов были революционными и по своему происхождению и по упрощениям, которые они вносили в таинственные извилины правосудия; они несли мерзость запустения в святилище Фемиды.

КАРИКАТУРА О. ДОМЬЕ НА НИКОЛАЯ I
Музей изобразительных искусств, Москва

Николай, быть может, не понял рассуждений немецких ученых, но уразумел вытекающий из них практический смысл и решил заниматься больше составлением свода законов для своей страны. Возвратившись в Петербург, он придал новое направление работе законодательного комитета; комитету не нужно было больше проверять законы, он просто-напросто должен был их классифицировать и изложить на языке, более близком современности, чем их первоначальная редакция; но новое собрание законов должно было постоянно, из-за отдельных деталей, ссылаться на старинные источники.

Когда это собрание появилось под названием «Свода законов», прежде всего поразительным показалось обилие томов; но позднее, увидев, как ежегодно появляется один или два новых тома, все поняли, что ничего не изменилось в русском правосудии и что стало только одним колесом больше в этой, и без того сложной машине.

Спустя несколько лет Николай пришел к другим идеям в области

законодательства, и если он все еще не хотел дать своим подданным гражданского кодекса, то он решил пожаловать их уголовным кодексом.

Этот кодекс отличается от законов, изданных во время царствования его предшественников, совершенно исключительной суровостью и жестокостью. Он, не задумываясь, отменил варварское наказание кнутом, но снова водворил смертную казнь, которая в течение века легально не существовала в России и никогда не применялась на практике в течение царствования Александра (с 1801 до 1825 года). Восстановление смертной казни является еще одной характерной чертой царствования Николая, и когда мы сделаем заключение относительно его деятельности, этому также будет дано надлежащее освещение.

Кроме смертной казни, новый кодекс вводит еще два наказания, неизвестных до сих пор в России — тюремное заключение и изгнание. Заключение никогда не существовало в России как мера наказания, оно применялось только к подсудимым; правонарушения дворян и купцов наказывались штрафами; для низших классов существовали розги и принудительные работы по прокладке дорог*.

Кодекс Николая не отменил телесного наказания, наоборот, он дал ему легальную санкцию, которой, как правило, в большинстве случаев не было; он ввел для правонарушителей тюремное заключение — наказание, несомнимое с славянским характером и с привычками русского народа.

Вводя изгнание, Николай доставил себе удовольствие наказывать тех людей, которые бежали и, таким образом, ускользали от него. Это позволяло ему не ставить себя в смешное положение, приговаривая к каторжным работам или к смертной казни лиц, которых его ненависть и месть не смогли бы никогда настичь.

Вот и все большие законодательные работы Николая; мы видим, насколько их результаты ничтожны и нелепы.

Рассмотрим теперь подробно законодательство и систему управления, касающиеся наиболее важных сторон общественной жизни.

ГЛАВА XVII

НИКОЛАЙ — АДМИНИСТРАТОР

Что является для России наиболее важным и составляет ее главную силу? — казенные крестьяне и помещичьи крепостные. — государственные земли и удел императорской фамилии. — министерство государственных имуществ. — опись земельных имуществ и крепостничество. — николай боится дворянства

Одним из наиболее важных для России вопросов является вопрос о положении ее земледельческого класса, крестьян, которые составляют громадное большинство народа и на которых основана вся мощь империи.

В этом отношении, как и во многих других, Николай при вступлении на престол воспринял идеи своего предшественника, не слишком, впрочем, в них вникая.

Александр же, воспитанный в духе филантропических идей XVIII века, всегда был склонен к освобождению крепостных и даже постарался соответственным образом подготовить умы, освободив крестьян Прибалтийских губерний. Когда, однако, встал вопрос о распространении этой важнейшей меры на всю империю — ни сам царь, ни те, кто его окружал, не знали, как взяться за дело.

Ко времени вцарения Николая, крестьянский вопрос был уже поставлен в ряде ученых исследований, осветивших отдельные стороны темы.

Установлено было прежде всего полное различие между крестьянами, жившими на государственных землях, и теми, которые обрабатывали владения помещиков.

* Убийство каралось ссылкой в Сибирь, кнутом и каторжными работами в рудниках.

Государственные крестьяне — так назывались тогда первые — составляли больше половины сельского населения в России.

В царствование предшественников Николая земли казны были первоначально смешаны с удельными имуществами императорской фамилии; к тому же государь часто раздавал своим фаворитам имения с крестьянами, причем последние не считали своего положения изменившимся, ибо в их собственном представлении они меняли только хозяев и, вместо того чтобы принадлежать императору, составляли теперь собственность княгини Лопухиной или графа Аракчеева.

Между тем существовала ощутительная разница в положении государственных и помещичьих крестьян. Ее хорошо выражала характерная фраза, бывшая в крестьянском обиходе: «Мы принадлежим господу-богу да государю» — говорили одни в противоположность другим — крепостным, которые принадлежали господину такому-то или такому-то. Последние, действительно, никогда не могли совместить своего рабства с идеей верховного предопределения и всегда знали, что, составляя собственность барина, они отнюдь не принадлежали господу-богу.

Как бы то ни было, но в начале царствования Николая установилось определенное различие между двумя классами земледельческого населения России; с одной стороны — было решено, что государь не станет больше раздавать земель с крепостными, и с другой — возникло особое управление для уделов императорской фамилии, которые не смешивались уже с имениями казны.

Пока шли только подготовительные меры, которые должны были увенчаться и вскоре, действительно, увенчались основанием Министерства государственных имуществ. Это учреждение открывало собой новую эпоху в истории того интересного класса, о котором идет речь.

В самом деле, государственные крестьяне становились свободными сельскими обывателями* и, согласно первому же параграфу указа, которым учреждалось новое министерство, это последнее имело своей задачей управление государственными имениями и заботу об интересах и благосостоянии живших там поселенцев¹¹. Так осуществлены были прекрасные обещания начала николаевского царствования, к этому свелись меры, преисполненные либерализма на бумаге, но не сулившие несчастным крестьянам ничего, кроме разорения и нищеты. Плохо исполняемый с самого начала, как и все мероприятия Николая, по внешности имеющие целью общественное благо, — указ этот явился почвой для самого возмутительного беззакония. Так, новый закон** устанавливал, как мы видели, значительную разницу между помещичьими крепостными и государственными крестьянами: последние отныне должны были рассматриваться как люди вольные, опекаемые специальной администрацией, тогда как крепостные, включая и крестьян императорских уделов, оставались в прежнем положении; однако, в то самое время, когда государственным крестьянам предоставлена была подобная свобода, совершался обмен имениями между казной и ведомством уделов (к полной выгоде последнего), и только что освобожденные крестьяне превращались в крепостных.

Таким-то образом исполняет Николай законы, которые приказывает издавать своему сенату.

* В подлиннике *colons d'Etat*, что не соответствует как подлинному тексту указа 26 декабря 1837 г. об учреждении Министерства государственных имуществ, так и последующему изложению содержания указа в тексте самого Сазонова. — Р е д.

** Мы пользуемся здесь без всякого различия терминами закон и указ, потому что в России нет законов в собственном смысле этого слова. Так как единственным источником законодательства является неограниченная власть монарха — никаких других законов, кроме императорских указов, и быть не может. Сенат эти указы только регистрирует.

На первых порах, после учреждения Министерства государственных имуществ, с большим шумом было возведено о ряде важных мероприятий, между прочим о производстве описи земельных имуществ с целью добиться преобразования податной системы.

Но из всех обещаний ни одно не оказалось исполненным, ибо для Николая дело тут шло только об изыскании средств борьбы с дворянством.

Император почувствовал свой трон поколебленным заговором 1825 года; он понял, что самой большой опасностью для него является союз дворянства с народом; он видел, как проникнутая великодушием часть дворян показала себя готовой на всякие жертвы, думая не только об освобождении крепостных, но даже о безвозмездном наделении их землею. Николай, естественно, поспешил — по примеру Австрии и Галиции — использовать все возможности, чтобы стать между дворянством и народом, чтобы посредством кажущихся реформ воспрепятствовать серьезным преобразованиям, которые намеревалось провести дворянство, чтобы, наконец, поддерживать и разжигать вражду, имевшую для крестьян слишком много основания быть живучей.

Что же касается преимуществ, полученных государственными крестьянами от учреждения нового министерства, то они не только свелась на-нет, но благодаря им положение несчастных еще ухудшилось. Пока крестьяне, оставаясь на оброке и барщине, состояли в ведении Министерства финансов, в их общинные дела почти не вмешивались: раз подати внесены, они могли чувствовать себя достаточно свободными. Новое же, специально учрежденное ведомство, со значительно расширенным штатом чиновников неизбежно должно было дать о себе знать более непосредственным и, в конечном счете, более придирчивым вмешательством. Подати не были уменьшены; они, наоборот, еще возросли за счет побочных повинностей, так что государственные крестьяне, получая легальный и официальный дар свободы, оказывались в большей, чем когда-либо, мере рабами.

Опись земельных имуществ, о которой говорили на протяжении двадцати лет, не получила даже начала в смысле осуществления, и сейчас я сильно сомневаюсь, чтобы крестьяне могли еще говорить, будто они принадлежат богу и государю.

Так отозвался Николай на нужды первой, наиболее значительной части земледельческого населения России; посмотрим теперь, что сделал он для другой — для помещичьих крестьян.

ГЛАВА XVIII

НИКОЛАЙ И КРЕПОСТНЫЕ

ПЛАНЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕПОСТНЫХ У ЗАГОВОРЩИКОВ 1825 ГОДА.— ПРОЕКТ АДМИРАЛА МОРДИНОВА.— АНЕКДОТ, СВЯЗАННЫЙ С ЭТИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДЕЯТЕЛЕМ И ЧЕРНЫШЕВЫМ.— ПАЛАЧ НАСЛЕДУЕТ ИМУЩЕСТВО КАЗНЕННОГО.— КНЯЗЬ БОБРЫНСКИЙ И ТВЕРСКОЕ ДВОРЯНСТВО.— ВЕРОЛОМСТВО НИКОЛАЯ.— ОН ВОССТ НЕ ОСВОБОЖДАЕТ КРЕПОСТНЫХ

Заговорщики 1825 года, все без исключения дворяне, наследственные душевладельцы, преследовали две основные цели: освобождение крестьян и улучшение участи солдат.

На этом они все сходились; значительные разногласия, однако, существовали у них по вопросу о путях к достижению цели; если одни, исходя из чисто филантропических воззрений, возмущались особенно унижением, которому крепостничество подвергает человеческую личность, и довольствовались только освобождением, другие, в частности Пестель*, рассматривали вопрос с точки зрения государственных интересов и вовсе не намеревались поэтому создавать столь многочисленный

* Для ознакомления с подробностями см. интересную работу г. Николая Тургнева: *Россия и русские*.

класс пролетариев, а думали о превращении крестьян в свободных земельных собственников.

Николай познакомился с планами преобразования по бумагам составших и по их показаниям на следствии; во всем этом он ничего не понял, за исключением разве того, что проекты, выдвинутые дворянством, сильно угрожали его власти. Он решил поэтому, с одной стороны — воспрепятствовать великодушной части дворянства привести замыслы в исполнение и, с другой стороны, прибегнув к обещаниям и кажущимся реформам, самому стать защитником и освободителем крестьян.

Не столько частичными и незначительными мероприятиями, введенными с самого начала царствования для защиты крепостных, сколько бесконечными и умело распространяемыми обещаниями русский император заставил на некоторое время поверить своим мнимым симпатиям к страждущим классам. Со времени вступления Николая на престол не прошло, вероятно, ни одного года, без того чтобы он не получал предостережений, планов, прошений, проектов, касающихся освобождения крестьян.

Проект адмирала Мордвинова¹², члена Государственного Совета, известен всей России*.

Много раз крестьянский вопрос подымался на дворянских собраниях, и в 1838 году князь Бобринский, во главе депутации дворян Тверской губернии, представил императору адрес, с просьбой о скорейшем освобождении крестьян, с указанием средств, способных достигнуть цели.

Николай, как всегда, ответил, что столь важный вопрос надлежит решать только ему одному и что он предлагает дворянам спокойно ожидать императорского решения.

* По своему значению этого государственный деятель, столь же честный, как и разумный, известный непреклонностью своих принципов и характера, играл роль, напоминающую ту, которую играл князь Долгорукий во времена Петра Великого, но Долгорукий имел дело с великим человеком, а Мордвинов имел несчастье жить в царствование Николая, что делало для него бесконечно более трудным проявление свойственных ему добродетелей: любви к справедливости и родине. Он был неподкупен и строг в своей любви к справедливости, и много раз интимным советникам Николая пришлось страдать из-за этой поистине римской честности.

Чернышев, сперва граф, потом князь, военный министр и председатель Государственного Совета, а в то время лишь флигель-адъютант императора, рассчитывал быть наследником всего состояния графа Чернышева, которое было конфисковано, когда его самого, как одного из участников заговора 1825 года, приговорили к каторжным работам.

Флигель-адъютант Николая не имел ничего общего с графом, принадлежавшим к старинному дворянскому роду, но уверенный в милости государя, особенно щедрой благодаря положению, которое Чернышев занял в качестве члена комиссии, судившей и приговорившей его мнимого родственника, он представил ложную генеалогию своего рода и добился признания сенатом своего холатайства. Ему оставалось получить только санкцию Государственного Совета. Николай еще не успел ввести туда своих людей; там заседали пока старые слуги Александра: им не на что было надеяться и тем более нечего бояться нового императора. Поэтому холатайство Чернышева было принято ими с единодушным отвращением, и после оживленных, но кратких прений решено было просьбу отклонить. На секретаря Совета возложили обязанность представить доклад, подкрепленный соответствующими статьями закона. На следующем заседании доклад был зачитан и представлен на подпись присутствующим членам Совета; Мордвинов, выслушав чтение, заметил секретарю, что он не привел одного закона, благоприятного г-ну Чернышеву. Когда секретарь спросил, какой это закон, Мордвинов велел отыскать его и включить в доклад на следующем заседании.

На другой день, когда секретарь еще ничего не успел найти, Мордвинов встал и торжественно сказал: «Господин секретарь забыл старинный закон царя Алексея, согласно которому наследство казенного принадлежит палачу». Чернышев никогда не сумел снять с себя этой ужасной анафемы, а Николай во веки не простил ее старому Мордвинову, который умер вдали от дел, под постоянным надзором «голубых мундиров».

Дворянство же совсем не было расположено к спокойному ожиданию, ибо вопрос касался одновременно собственных его интересов и будущего России.

Наконец, после долгих колебаний, после многих тщетных обещаний Николай решился действовать, и в 1842 году был издан указ, позволявший и предлагавший дворянам установить новые отношения с крепостными¹⁸.

Помещики могли предоставить крестьянам землю для общинного пользования, а крестьяне, с своей стороны, обязывались, по особому соглашению, работать на барина определенное число дней в неделю или же платить ему оброк. Крестьяне, освобожденные таким образом, назывались уже не крепостными, а обязанными крестьянами. Это было чрезвычайно незначительное, крайне робкое мероприятие, и тем не менее ожидания были столь долгими и напряженными, что даже такая мера, не давая удовлетворения надеждам, должна была принести и принесла в действительности большое оживление.

Крепостные и дворяне не могли поверить, что этот указ является окончательным, и рассматривали его как переход к новому порядку вещей. До этого, однако, не было никакого дела Николаю, который в своем преклонении перед законностью не терпит ничего, хотя бы отдаленно напоминающего революцию. И спустя несколько месяцев в циркуляре, обращенном к губернаторам, он в неясных выражениях ограничил степень освобождения, которая свелась к отдельным попыткам, принятым большей частью крупными помещиками в их наименее значительных владениях.

Вот и все, что Николай сделал для благополучия самого многочисленного и наиболее угнетенного класса своих подданных; и нельзя не отметить отсутствия искренности, характеризующего его действия в этом случае, как и в ряде других, в чем мы уже имели возможности убедиться. Действительно, если он имел в виду освобождение крестьян, он мог подать пример, освободив крестьян в своих частных имениях, во всем сходных с имениями помещиков, и, таким образом, обеспечить успех своему мероприятию.

Не так обстояло на деле. Он не только никогда искренне не стремился к раскрепощению, но всячески пытался оттянуть его необходимость. Он нарочно запретил устраивать новые народные школы и в тех, которые уже существовали, приказал строго ограничиваться элементарным образованием, ни в коем случае не расширяя программы.

Мы увидим, был ли он в других отраслях управления более счастливым и более передовым.

ГЛАВА XIX

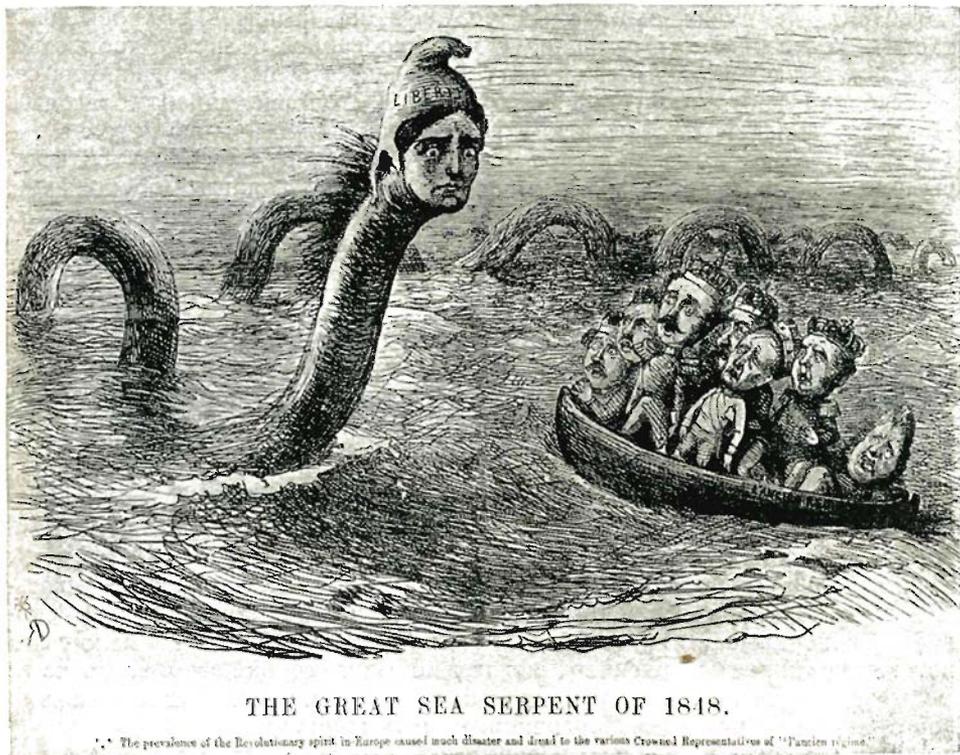
ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

НАЛОГИ В РОССИИ.— ПОДУШНАЯ ПОДАТЬ.— ВИННАЯ МОНОПОЛИЯ.— НИКОЛАЙ И ОБЩЕСТВО ТРЕЗВОСТИ.— БОГАТСТВО КАЗНЫ И ЗДОРОВЬЕ НАРОДА.— КАНКРИН.— ИЗОЩРЕНИЯ ЦАРЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.— БЕДСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКИХ ФИНАНСОВ

Налоговая система в России сейчас примерно такая же, какая была в средние века; главной статьей государственного дохода является подушная подать, уплачиваемая всем мужским населением, принадлежащим к податным сословиям (так официально называются в России), иными словами — крестьянами и мещанами.

Купцы первых двух гильдий, оплачивающие большие налоги, освобождены от податей, так же как духовенство и дворяне, которые участвуют в государственном бюджете лишь как берущая сторона. Вслед за подушной податью наиболее важной статьей доходной части бюджета является откуп водки и других спиртных напитков. Правительство

объявило государственной монополией продажу алкоголя, и каждые три года оно сдает на откуп тем, кто больше даст на торгах, право продавать его в розницу в каждом городе и в каждой губернии. Эти два налога существовали до царствования Николая в той же форме, в какой сохранились и теперь, но доход от них значительно повысился: от подушной подати благодаря ее прямому повышению, от винного откупа—из-за неумеренно возрастающего потребления водки и конкуренции откупщиков.

«ВЕЛИКИЙ ЗМИЙ 1848 ГОДА»

Карикатура из журнала «Punch», 1848 г.

Среди изображенных коронованных особ на первом плане Николай I.

Как мы уже говорили выше, в области политической экономии Николай всегда признавал лишь прямую и непосредственную выгоду казны; он был также последовательным, запрещая основание обществ трезвости, потому что они серьезно угрожали наиболее доходной статье бюджета; интересы же бюджета ставились конечно гораздо выше здоровья и благополучия народа.

В бюджете России, по своей важности, третье место занимали доходы с таможенных сборов; здесь Николай особенно отличился своим невежеством и непоследовательностью; в стране, мощь которой зависит исключительно от земледелия, он пытался сначала, когда министром финансов был Канкрин, создать путем особенно строгих заградительных пошлин искусственный промышленный подъем и к тому же в отраслях наиболее чуждых национальному производству, как, например, пряжа бумажной ткани, выделка шелковой материи и т. п. Канкрин был, по крайней мере, логичным и в течение своей жизни сохранил свою систе-

му неизменной; но после его смерти Николай объявил, что желает сам управлять финансами и назначил на должность министра соломенное чучело, что-то вроде приказчика (г. Вронченко, вскоре умершего), который только слепо исполнял распоряжения хозяина.

Тогда-то и начались все невероятные финансовые операции, вроде покупки иностранных бумаг на золото, добытое с таким трудом в условиях стесненного оборота, о котором мы говорили выше, и другие подобные же предприятия.

Запретительная система также претерпела в это время изменения и колебания, не давая ожидаемых результатов; началось то повышение тарифа, то частичное его снижение, мотивированное большею частью политической ненавистью или симпатией, но никогда не основанное на соображениях государственной выгоды. В настоящий момент благодаря Николаю финансы России, как и ее промышленность и земледелие, находятся в самом плачевном положении и, конечно, если дворяне, которых он наказал, и крестьяне, которых он обманул ложными обещаниями, не любят его совсем, — купцы и промышленники, разоренные его политикой, тоже не могут считаться преданными ему.

ГЛАВА XX

КАК НИКОЛАЙ ПРОВОДИТ ДЕНЬ

ЕГО ТРУДОЛЮБИЕ. — НИ ОДНА МЕЛОЧЬ ОТ НЕГО НЕ УСКОЛЬЗАЕТ. — ЧЕМ ЭТО ОБЪЯСНИМО. — МУНДИРЫ, ФОРМА ПАРАДНАЯ И ОБЫКНОВЕННАЯ. — ПРОФЕССОР СО ШПАГОЙ НА БОКУ. — ПРЕПОДАВАТЕЛИ ЯЗЫКА В ПОЛНОЙ ФОРМЕ. — ПРОГУЛКИ ПО УЛИЦЕ. — ОТВЕТ МОЛОДОГО КНЯЗЯ ГАГАРИНА. — ПРАВИЛА, КАСАЮЩИЕСЯ ДЛИЧЫ РОЗОГ. — ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОИСТИНЕ НЕОБЫЧАЙНАЯ

Часто говорилось о том, что Николай много работает, что ни одна мелочь гражданского и военного управления от него не ускользает, что ко всему прилагает он свою руку; в этом есть доля правды. Николай, действительно, работает много, и мелочи тем реже могут от него ускользнуть, что только их он видит и любит: он сам подбирает и разрисовывает все военные и гражданские мундиры, а это — дело не малое, ибо каждой должности присвоена не только одна особая форма, но часто целые две — обыкновенная и парадная, и все они отличаются разными воротниками, обшлагами, пуговицами и выпушками.

Гражданские чиновники приневолены к форме так же хорошо, как и военные.

Так как Николай имеет обыкновение часто создавать новые должности и изменять круг полномочий уже существующих чиновников, ему приходится также изобретать новую форму, что всегда занимает немало времени: нужно ведь пересмотреть всю имеющуюся коллекцию, дабы избежать повторений и тем не навлечь на себя стыда*.

* Нельзя себе представить, не побывав в России, до какой степени доходит у Николая это пристрастие к форме.

Явитесь в госпиталь в тот день, когда там ожидается посещение государя или какого-нибудь официального лица; вы найдете привратников в форме, больничных служителей в форме, врачей и фельдшеров в форме со шпагой на боку.

Войдите в университетский зал, где преподается — все равно — химия или греческая литература, вы увидите, что профессор на кафедре одет по форме, точно так же, как и студенты. Если вам придется присутствовать на академическом торжестве, картина еще более вас поразит: у профессора, произносящего по латыни об очаровании мирных научных занятий, вы увидите сбоку шпагу, а студенты, которые будут выходить за своими дипломами бакалавра или лиценциата, окажутся тоже при шпаге.

Всё, одним словом, подчинено строгой форме, все носят шпагу. Вам захотелось изучать русский язык; вы приглашаете учителя, он приходит в форме. Вы спросите, не является ли он государственным чиновником. «Нет, сударь, — отвечает он вам, — я домашний учитель и ношу форму, присвоенную моему званию».

Одно это составляет уже значительную работу. Затем Николаю ежедневно приходится выслушивать доклад коменданта Петербургской крепости о происшествиях военных; доклад генерал-губернатора и полицмейстера о происшествиях гражданских; наконец, доклад шефа жандармов о происшествиях секретных.

Работа, как видим, не переводится, и это еще не все. Николай каждый день посещает также казармы, школы, храмы и постройки; половина его дня проходит в разъездах.

При посещении школ, когда он встречает ребят большого роста, особенное удовольствие доставляет ему возможность с ними помериться, чтобы определить, кто выше всех.

В казармах его больше всего заботит поддержание показной чистоты.

На улицах он следит за тем, носят ли офицеры головной убор и шинель согласно приказу. По улицам он вообще разъезжает много — во всякое время; потому-то, когда однажды князь Меншиков повторял своему племяннику, князю Гагарину, выговор, который император поручил передать молодому офицеру, — выговор за то, что он лентяй, ибо Николай постоянно сталкивается с ним на улице, — князь Гагарин ответил: «Но, дядя, если государь встречает меня, я его также встречаю; следовательно...» Ясно, что министр не дал своему племяннику кончить.

Помимо разъездов и высочайших докладов Николаю, который ко всему прилагает руку, приходится каждый день прочитывать большое количество бумаг, представляемых на его одобрение, и так как он любит вникать в подробности, дело не обходится без курьезов. Мы сами видели печатные правила, выработанные для школ царства польского и подписанные министром народного просвещения (генералом Головиным)¹⁴. Правила эти в свое время должны были быть представлены императору: в числе других более или менее любопытных статей они содержат параграф, определяющий длину и качество розог, которыми следовало пороть учеников в коллегиях.

Таковы многочисленные и утомительные труды, которым беспрестанно предан Николай; если к этому прибавить еще частые смотры и смены караула, где он присутствует, без труда станет понятным, что его деятельность могла быть определена, как поистине необычайная.

ГЛАВА XXI

ДИПЛОМАТИЯ

НИКОЛАЙ ИДЕТ СНАЧАЛА ПО СЛЕДАМ БРАТА. — СОЮЗ С ФРАНЦИЕЙ. — РАЗРЫВ И ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА. — СОЮЗ С ГЕРМАНИЕЙ. — БРАКИ ЧЛЕНОВ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЛАДЕТЕЛЬНЫХ ДОМОВ ГЕРМАНИИ. — ЦЕПЬ ОТ БАЛТИКИ ДО РЕЙНА

Мы познакомились с Николаем в качестве законодателя и администратора, нам остается разобрать его как дипломата. В дипломатии, так же как и во всех других видах правительственной деятельности, он не оправдал обещаний и надежд первых лет своего царствования.

Следуя сначала политической линии брата, Николай брал в качестве стержня своей дипломатии союз с Францией; после того как он оказал помощь делу преобразования независимой Греции, ему удалось, опираясь на этот союз, достигнуть окончания тягостной и неудачной войны против Турции почетным с виду миром.

Николай готовился извлечь еще и другие выгоды из уже оказавшегося столь благоприятным союза, когда революция 1830 года вдруг заставила изменить направление политики и отбросила его на тот гибельный путь, с которого он потом никогда не сходил.

Став в позу рыцаря законности, русский император оставался с тех пор скрытым или явным, но неизменным врагом Франции. Эта система-

тическая и постоянная вражда явилась основой его политики не только во вне, но и внутри страны, где он пытался искоренить влияние французских идей и цивилизации.

После разрыва с Францией Николай должен был отыскать другую точку опоры для своей внешней политики; он никак не мог найти ее в Англии, ибо расхождение коренных интересов делало в данном случае невозможным сколько-нибудь прочный и искренний союз; пришлось в конце концов обратиться к Германии, чему благоприятствовали, кроме всего прочего, личные побуждения императора и устремления министра иностранных дел графа Нессельроде.

Германия, разделенная между двумя крупными державами и множеством второстепенных государств, открывала широкое поле для династических и дипломатических интриг; Николай со своим министром горячо принялся за дело, и на протяжении двадцати слишком лет русская политика была почти исключительно политикой немецкой.

Так как интриги, о которых идет речь, опирались в особенности на династические браки, мы сейчас приведем подробные данные относительно родственных уз, связывающих русскую императорскую фамилию с царствующими домами Германии.

Этого рода факты, конечно, известны государственным деятелям и дипломатам; однако, до сих пор общественное мнение недостаточно ими занималось.

Четыре сестры Николая оказались выданными замуж за иностранных государей; две еще живы: вдовствующая королева Голландская и вдовствующая великая герцогиня Саксен-Веймарская; две другие, которых нет уже на свете, были замужем: одна — за нынешним королем Вюртембергским, другая — за великим герцогом Ольденбургским. Нынешний король Голландии так же, как и великие герцоги Саксен-Веймарский и Ольденбургский — племянники Николая; король Вюртембергский — его зять.

Русский император благодаря браку с одной из прусских принцесс стал затем зятем царствующего короля Пруссии.

Жена его брата Константина, принцесса Саксен-Кобургская, сестра Леопольда, короля Бельгии, и тетка принца Альберта, супруга английской королевы.

Путем браков, которые Николай обеспечил своим детям, он еще умножил родственные связи с Германией. Старший сын Николая женился на принцессе Гессен-Дармштатской, второй сын — на принцессе Саксен-Альтенбургской; старшая из его дочерей была выдана замуж за герцога Лейхтенбургского, вторая стала женой наследного принца Вюртембергского, наконец, третья, ныне умершая, — женой принца Гессенского.

При посредстве брака своей дочери с сыном принца Евгения Николая породнился косвенно с фамилией Наполеона I и прямо — с королевой шведской, сестрой герцога.

Из двух дочерей великого князя Михаила одна была выдана замуж за герцога Нассау, а вторая — за великого герцога Мекленбург-Стрелицкого.

Мы, таким образом, видим, что за исключением владетельных домов Германии, исповедующих католичество, все остальные находятся в прямом родстве с Николаем; если же вспомнить, что он сам через своего деда Петра III, герцога Гольштейн-Готторпского, связан с царствующей фамилией Дании, можно протянуть непрерывную цепь от Балтики до берегов и устья Рейна — цепь, которая связывает друг с другом все царствующие дома и концы которой держит в своих руках русский император.

Прибавим ко всем этим родственным узам еще личные связи Николая со всеми немецкими государственными деятелями, — связи, усердно укрепляемые во время частных путешествий императора в Германию (недаром при этом раздается такое количество российских орденов), нам тогда не трудно будет понять влияние русской политики на немецкие дворы и кабинеты. Не нужно только впадать тут в преувеличения, которые, несомненно, допускает сам Николай.

Во-первых, чтобы двигаться по указанному выше пути, русскому императору достаточно было только следовать фамильной традиции; а затем успех подобной политики мог являться сколько-нибудь значительным лишь до тех пор, пока положительные интересы Германии, отражаемые ее общественным мнением, не вступили в прямое противоречие с влиянием Николая. Как только конфликт назрел, русскому императору, уверенному в полной моральной победе над Германией, пришлось сильно разочароваться — тем более, что ради угождения эфемерному союзнику он пренебрег коренными интересами собственного народа.

ГЛАВА XXII

НИКОЛАЙ И ИВАН ГРОЗНЫЙ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ.— СТЕФАН БАТОРИЙ И ИВАН ГРОЗНЫЙ.— ПЕРЕПИСКА ГРОЗНОГО С КНЯЗЕМ КУРСКИМ.— ПЕРЕПИСКА НИКОЛАЯ С ГОЛОВИНЫМ. ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦ ПОССЕВИН.— ПАСТЫРЬ И ВОЛК.— ЛИТВА И АВСТРИЯ.— СРАВНЕНИЕ НЕ В ПОЛЗУ НИКОЛАЯ.— ЦАРЬ И КИТАЙСКИЙ ИМПЕРАТОР.— КРОНШТАДТ И ГИБРАЛТАР

Два факта, характерных для дипломатии Николая, два стержня его внешней политики, это его ненависть к Франции и стремление управлять Германией; ближайшее будущее, вероятно, подтвердит, насколько это противоречило здравому смыслу и интересам страны.

Что касается дипломатических приемов Николая, то они являются единственными, ни с чем несравнимыми: чтобы найти им пример, нужно вернуться на несколько веков назад.

Около середины шестнадцатого века в России царствовал необыкновенный государь — Иван, прозванный Грозным! Он начал лучше, чем Николай; когда он восемнадцати лет от роду после смерти матери принял бразды правления, ему не пришлось подавлять восстаний; показав себя с самого начала полным смирения, кротости и, в то же время, мужества, он издал новый кодекс; он одержал победу над Казанскими и Астраханскими татарами и покровительствовал нарождающейся цивилизации. По ряду причин, излагать которые пришлось бы слишком долго и которые, кроме того, многократно рассказаны историками, к концу первых лет славного плодотворного царствования, во время которых Иван показал все свои способности и всю доблесть, он изменил резко и окончательно характер поведения.

Мрачный, мнительный, замкнутый, показывающийся на людях только в окружении толпы опричников, которых он набрал среди преступников и проходимцев, он предавался проявлениям дикой ярости, которая находила исход в постоянных и неслыханных по жестокости пытках. Жертвами их становились без разбора, как и без повода все, кто попадался царю под руку.

Это своеобразное занятие, эта кровавая моноomania заставила его пренебречь интересами страны, и государь испытал все несчастья, к которым должно было привести подобное пренебрежение.

Разбитый Стефаном Баторием, королем Польши, под постоянной угрозой татар, не имея возможности положиться на кого-либо внутри страны, он злодеяниями и издевательствами осуществлял свою дикую страсть; гордость не позволяла ему ни перед кем склоняться, и в пере-

писке с Баторием и с Курбским мы снова находим образец дипломатии Николая, проявившейся в его корреспонденции с сэром Гамильтоном Сеймуром¹⁵.

Иван Грозный, воспользовавшись беспорядками междуцарствия, завладел областями, которые находились под верховным покровительством Польши. Баторий, избранный королем, потребовал очистить области, которые некогда были заняты меченосцами. Иван ответил, что он не был начинщиком и что сами рыцари своими набегами на его землю заставили Ивана оттеснить их к их границам.

Позднее, заключив перемирие с Польшей, Иван отправил к Баторию послов, под предлогом переговоров о мире, и во время этих переговоров, которые сам затягивал, закончил военные приготовления, снова занял польскую территорию и задержал послов, которых Баторий со своей стороны послал к Ивану.

Это все та же дипломатия Николая. Переписка Ивана с князем Курбским нашла себе отражение в наше время в корреспонденции Ивана Головина¹⁶ с графом Бенкендорфом, шефом «голубых мундиров», который писал от имени и под диктовку Николая.

Курбский спасся бегством в Польшу, где он мог не бояться гнева царя; Грозный смягчился и в длинных посланиях, полных цитат из Библии, старался убедить беглеца, что его долг как подданного и христианина — вернуться на родину покорным, готовым к раскаянию и просить прощения у своего законного государя, помазанника божия.

Курбский отвечал великолепными письмами, где он доказывал помазаннику божьему, что тот не более, как злодей, который нарушил все божеские и человеческие законы и заслуживает со стороны всех христиан лишь презрение и ненависть.

Не будучи настолько же красноречивой и обстоятельной, переписка Головина с шефом «голубых мундиров» носит такой же характер*.

Головин получил приказание вернуться на родину; он не ответил ни согласием, ни отказом. Тогда сперва Нессельроде, потом шеф «голубых мундиров» послали ему несколько вежливых, убеждающих, почти нежных писем, в которых уговаривали Головина возможно скорее повиноваться царскому приказанию. Эти господа знали не хуже самого Головина, какой прием его ожидает в России, если он окажется настолько простодушным, что вернется; но тем не менее они называли себя его преданными и покорными слугами. В этом политика Николая оказалась более лицемерной, чем политика Ивана, потому что Грозный на ряду с увещеваниями наносил оскорбления и не объявлял себя покорным слугой того, кого считал своим рабом. Он же был удостоен на своем политическом поприще честью, которая выпала и на долю Николая — он вел долгие переговоры с папским легатом, преподобным отцом Поссевином, представителем иезуитского ордена. Это был ловкий и тонкий человек, присланный папой, чтобы обратить в католичество московского царя, и Ивану, который стремился к союзу с Римом и чванился познаниями в богословии, приходилось претерпевать жестокие нападки; но когда иезуит на него слишком наседал, Иван пускал в ход оскорбления, которые всегда прекращали спор.

Когда нунций говорил ему о папе, как о верховном пастыре церкви, то Иван, в довершение всех доводов, отвечал: «Ваш папа не пастырь, он — волк!»

Но, что гораздо больше напоминает дипломатию Николая, это недостаточное уважение, с каким Грозный относился к своим влиятельным соседям; так, когда преподобный Поссевин говорил ему

* См. предисловие к книге Ивана Головина: «La Russie sous Nicolas I».

о необходимости приобщиться к римской церкви, чтобы избежать притеснений со стороны других государей, которые все были католиками, когда он обращал внимание Ивана на опасность, угрожавшую ему особенно со стороны Литвы, Иван в апогее своего величия, улыбаясь, ответил:

«О, что касается Литвы, то она у меня в кармане!».

Не кажется ли, что Николай припомнил эти слова своего предшественника, когда говорил об Австрии с Гамильтоном Сеймуром? Мы не хотим больше продолжать нашу параллель; нам нужно было лишь охарактеризовать эту дипломатию, руководимую хитростью, во имя гордости и тщеславия, и мы думаем, что наше сравнение даже слишком лестно для Николая.

Лишь в последнее время, после того как он захотел сам стать собственным министром финансов, он попробовал захватить в свои руки иностранные дела; уже давно, сознавая свое невежество, Николай предоставил графу Нессельроде руководить дипломатией, и последний, не обладая орлиным взором, умел, по крайней мере, держаться в рамках традиций и приличия. Николай никогда не знал этих границ и был несколько раз сурово проучен иностранными послами.

Во время царствования Луи-Филиппа Николай отозвал из Парижа своего посла графа Палена, не назначив ему заместителя. По истечении некоторого времени король Луи-Филипп нашел нужным тоже отозвать г-на де-Баранта, своего посла в Петербурге; последний предупредил императора, что попросит вскоре о прощальной аудиенции¹⁷.

Николай не ожидал такой твердости со стороны французского правительства того времени; и, не зная, что ответить г-ну де-Баранту, он сказал ему резко, тоном оскорбленного:

— Это что — враждебное выступление против меня со стороны вашего правительства?

— Да, нет, государь, наоборот, это проявление снисходительности и уважения.

— Как так, сударь?

— Европейские власти отправляют лишь к китайскому императору своих послов, не требуя с его стороны ответного поступка; правительство нашего короля думало, что такое уподобление, если оно еще продолжится, будет оскорбительным для вашего величества.

Николай поспешил повернуться спиной к послу.

В другой раз, после постройки в Кронштадте двух новых, выложенных гранитом фортов, Николай пригласил английского посла, лорда Дюргейма, осмотреть их; посол принял приглашение и, после осмотра флота и освещения фортов, возвращался обратно на царской яхте с Николаем и со всем его штабом.

Николай сиял, лорд Дюргейм был, как всегда, желчен и угрюм; празднество его не развлекло, грохот пушек его оглушил, и когда Николай, радостный точно после одержанной победы, приблизился к лорду, чтобы выслушать его поздравление, английский посол обмахивался носовым платком, отгоняя запах пороха, который распространился в воздухе от последних залпов с судов.

— Итак, милорд, — сказал Николай, — что вы скажете о моем Кронштадте? Он теперь так же неприступен, как Гибралтар?

— Да, но я осмелюсь заметить, ваше величество, что Гибралтар не неприступен; англичане его отлично взяли и сохранили за собой.

Такой резкий отпор со стороны посла облил холодной водой Николая в его энтузиазме.

Наша задача близится к концу. Мы представили жизнь Николая, мы следовали за всеми перипетиями его молодости и зрелых лет; мы

изучили и взвесили его поступки как дипломата, как законодателя, как покровителя науки и искусства. Нам осталось сделать заключение о его жизни и характере, опираясь на те случаи, которые мы здесь привели, и начертить точный портрет его личности, которая, напрасно или справедливо, но привлекает внимание Европы уже больше четверти столетия.

ГЛАВА XXIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НИЗМЕННЫЕ НАКЛОННОСТИ.—НЕБРЕЖНОЕ ВОСПИТАНИЕ.—ЧРЕЗМЕРНОЕ ЧЕСТОЛЮБИЕ.—ПРЕВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА В ЦАРЕДВОРЦА.—ЖЕСТОКОСТЬ И ХИТРОСТЬ.—ЛИЦЕМЕРИЕ, РОЛОКИТСТВО, СПЕШЬ.—КАК РОЖДАЮТСЯ ПОРОКИ.—НЕИМОВЕРНОЕ ТЩЕСЛАВИЕ.—НИКОЛАЙ И НАВУХОДОНОСОР.—ОН НЕ ТОЛЬКО СМЕШОН.—УСИЛЕНИЕ НАКАЗАНИЙ.—АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН

Обладая от природы самыми низменными наклонностями и ограниченными способностями, подготовленный умышленно небрежным воспитанием к спокойному и незначительному уделу младшего из великих князей, Николай в двадцать лет внезапно увидел возможность завладеть престолом.

Он был ослеплен неожиданной милостью судьбы, и его суровый грубый нрав изменился под влиянием пламенного честолюбия. Престол, который был ему обещан, но в котором он не был еще уверен, возбуждал в нем все более и более страстное желание; невежественный и наивный солдат превращался в хитрого царедворца.

Его честолюбие не было страстью благородной души и возвышенного ума, ищущих власти ради осуществления великих идей; он любил власть, как скупой любит золото, не для того чтобы им пользоваться, но чтобы его хранить, копить и в нем зарыться.

Таким был Николай при жизни старшего брата, таким он оставался и после его смерти. Ничто не подготовило его царствовать достойно, ни серьезное образование, ни плодотворные размышления; он думал, что одолевавшего его честолюбия достаточно, чтобы добиваться верховной власти. Когда же он ее достиг после недостойной комедии, разыгранной им и его братом Константином перед всем миром, он решил, что сохранение власти само по себе узаконяет обладание ею.

Он не останавливался ни перед самым бесстыдным насилием, ни перед самой злой хитростью, чтобы сохранить и возвысить авторитет, которым наградил его случай.

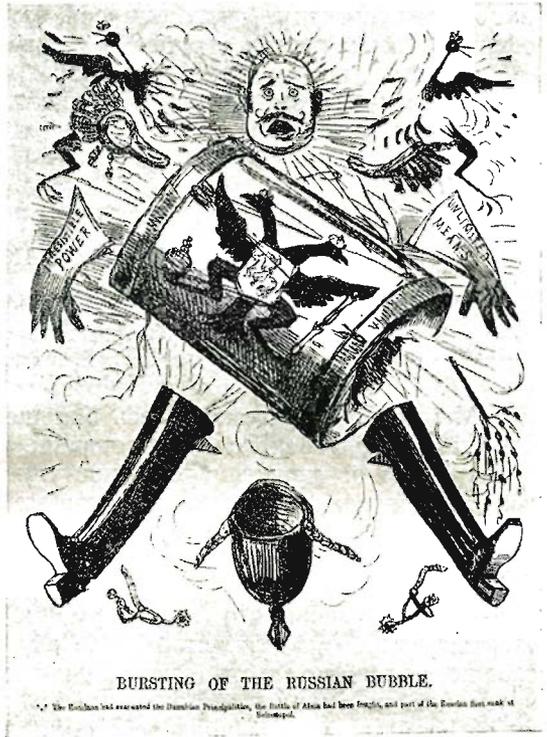
Наша эпоха не является уже веком Маккиавели, одного насилия недостаточно для поддержания власти, и Николай, запачкав кровью престол, надел на свое желчное и истощенное в то время лицо маску лицемерия, с которой уже никогда не расставался. Каждый год его царствования развивал в нем каким-то роковым образом новый порок: сперва он стал лицемерным, потом обладание неограниченной властью, связанное с лицемерием, породило в его душе непомерную спесь, гордость сатаны, заставлявшую его ненавидеть и преследовать своим гневом всех людей, не склоняющихся перед его всемогуществом.

Среди наполювину варварского населения, в обществе, в котором он тщательно уничтожил все ростки прогресса, ему было не трудно разбить все виды общего или единичного сопротивления.

Вскоре его спесь не находила уже пищи, и новый порок сменил, по крайней мере на время, предыдущий. Обладая черством сердцем и не быстрым умом, Николай никогда бы не подумал о волокитстве, если бы не стал императором; но опьяненный всемогуществом, он захотел узнать, оказывает ли оно такое же действие на женщин, как и на мужчин. Так же, как он нашел льстецов среди высоких сановников, так же отыскал он куртизанок среди придворных дам: это было ухаживание без неж-

«РУССКИЙ ПУЗЫРЬ ЛОПНУЛ»

Карикатура на смерть Николая I из
журнала «Punch», 1856 г.

ности, любовь, лишенная поэзии, времяпровождение, полное тщеславия, как для него, так и для женщин, принимавших его царские ласки.

Гордость превратилась в тщеславие; оно завладело душой Николая и воцарилось в ней полновластным хозяином, чтобы, пройдя все мыслимые степени и смешавшись со всеми другими наклонностями, поглотить их, создав, наконец, небывалое, сказочное существо, едва сравнимое с мифическими властителями Вавилона и Ниневии: Николай должен был превзойти Навуходоносора и Валтасара!

Но, прежде чем следовать за развитием и видоизменениями его неимоверного тщеславия, осветим некоторые не менее интересные черты интересующего нас характера: Николай ведь не только смешон.

Черствый от природы, Николай в бытность великим князем предвосхитил мелочными, жестокими выходками роль, которую должен был сыграть позднее; со времени вступления на престол он искоренил в себе все человеческие чувства и дошел до такой степени изуверства в нравственных убеждениях, что, единственный из всех современных государей, часто отягчает приговоры военных судов.

Право помилования, это святое преимущество верховной власти, эту, так сказать, священную привилегию, он превратил в право приговора и позволял себе усиливать такие наказания, которые никем до него не считались особенно мягкими. До сих пор осужденный, услышав от судьи приговор, знал, что если решение суда не смягчено верховной властью, то на этом свете ему суждено иметь дело только лишь с палачом. Николай переменял роль, он встал между палачом и жертвой, чтобы отягчать наказание.

После того как Николай принял на себя столь ужасную обязанность, нельзя удивляться, что он держит у себя в руках ключи особого каземата, расположенного в Петропавловской крепости в Петербурге. Этот каземат называется Алексеевским равелином, он расположен под

водой, и несчастные, находящиеся там, известны лишь императору и офицеру, облеченному его особым доверием.

Николай, как мы уже говорили, хранит у себя ключи своих казематов и навещает заключенных два или три раза в неделю. Человек, притязающий на роль палача, с успехом может выполнять обязанности тюремщика.

ГЛАВА XXIV

ХАРАКТЕР. ПОРТРЕТ

VANITAS VANITATUM, ET OMNIA VANITASI— НИКОЛАЙ БЕРЕТ ПРИМЕР С НАПОЛЕОНА, ПОТОМ С ЛЮДОВИКА XIV.— ЕГО УСПЕХИ В ОБЛАСТИ ПОДРАЖАНИЯ.— ПОКРОВИТЕЛЬ НАУК.— МЕЩИНАТ ЛИТЕРАТОРОВ.— СОТРУДНИЧЕСТВО С НЕСТОРОМ КУКОЛЬНИКОМ В РАБОТЕ НАД ОДНОЙ ИЗ ЕГО ТРАГЕДИЙ.— ГОГОЛЬ, НИКОЛАЙ И ХЛЕСТАКОВ.— ДРУГАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.— ТРИ ПОРТРЕТА ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ЛИЦА

Мы не возвращаемся здесь больше к исследованию политических событий николаевского царствования; сейчас Немезида истории произносит высший приговор его поступкам, и при звуках ее мощного голоса нам приходится умолкнуть; но преступления, как и смешные стороны человека, одинаково в нашей власти, и всем им мы сумеем воздать должное.

Никогда еще слова мудреца не находили более правильного и более полного применения; отдавшись демону тщеславия, Николай приносит жертвы только на его алтари. Все служило для него предлогом к тщеславию: законодательство, управление, армия, флот, финансы, искусство, наука и т. п. Николай, не задумываясь ни о том веке, в котором живет, ни о своей стране, выбирал себе один за другим образцы среди великих государей, стараясь не только им подражать, но превзойти их, подобно лягушке из басни.

Сперва его любимым героем был Наполеон; чтобы вдохновиться его гением, он окружил себя изображением великого человека, читал бюллетени великой армии и Мемориал св. Елены¹⁸; потом сам попытался пойти по стопам современного Карла Великого.

Он хотел иметь гвардию еще более блестящую, чем у первого императора Франции, его гвардия стала более многочисленной. Он хотел издать кодекс более совершенный, чем кодекс Наполеона, и создал значительно более пространный. Он также попробовал лично председательствовать в Государственном Совете, но так как природа отказала ему в даре слова и недостаточное образование лишило его возможности понимать суть дела, ему очень скоро надоела роль немого председателя, и он решил отказаться в этом случае от подражания своему образцу.

Но особенно унижительным для него был моральный удар, испытанный им в Турецкую кампанию (в 1829 г.), — неудача, которая убедила его в невозможности достичь когда-либо военной славы Наполеона и, тем более, превзойти его. Его тщеславие, однако, не могло обойтись без сопоставлений с знаменитостями, и так как война ему решительно не удавалась, он взял за образец короля политикана, дипломата и правителя — Людовика XIV non pluribus impar: этот девиз ему подходил; он уже давно считал себя первым человеком своего времени, он хотел доказать это всему свету.

Что нужно было для этого сделать?

Построить храмы, покровительствовать искусству, литературе и науке, поощрять промышленность, улучшить положение буржуазии и народа, ослабить феодальные силы.

Обо всем этом Николай прочел в «Веке Людовика XIV» Вольтера: там же отыскал он ряд подробностей относительно Ла-Вальер, Монтеспан и Ментенон. Николай определенно стал находить в себе задатки

современного Людовика XIV и, быть может, мечтал о создании нового Версаля, когда случился пожар его дворца.

Это был прекрасный повод; Николай, как мы уже видели, сумел им воспользоваться и по истечении года, восстановив ценою сорока миллионов гигантский особняк в самом скверном стиле рококо, он вообразил себя равным творцу Версаля. Раз устремившись по этому пути, Николай надолго не смог уже остановиться. Нам незачем здесь повторяться, потому что выше было показано, как он покровительствует искусству и любит его; укажем лишь на результаты его покровительства наукам.

Людовик XIV поощрял астрономию; нужно было следовать его примеру; и вот построили обсерваторию, которая стоила около 10-ти миллионов; ее построили в таком месте, где астрономические наблюдения можно производить с некоторым успехом самое большее в течение 70-ти дней в году.

Одержимый тщеславием, далекий от того, чтобы покровительствовать литературе, Николай получал удовольствие, преследуя ее, и достаточно было быть известным писателем, чтобы стать в его глазах подозрительной личностью. Но с тех пор как тщеславие завоевало первое место в его характере, он несколько смягчился; и кроме того, разве пример Людовика XIV не обязывал его стать другом и покровителем поэтов.

Николай преследовал Пушкина, Лермонтова и других; он стал осыпая милостями Нестора Кукольника и Гоголя.

Нестор Кукольник — драматург на редкость плодовитый, обладающий менее чем посредственным талантом; его первая драма, написанная совместно с императором, озаглавлена строкой, заимствованной из старой русской трагедии: «Рука всевышнего отечество спасла». Эта пьеса ставит своей целью доказать в противовес истории, что Романовы не были избраны русским народом, но что сам бог возвел их на престол. Творчество Николая ограничилось тем, что он заставил ядром оторвать голову действующему лицу, ибо тот был против избрания Михаила Романова и поэтому недостоин был жить после того, как Михаил стал царем.

После этой пьесы Кукольник написал бесконечное множество драм, комедий, романов, поэм, и его последнее творение называется: «Морской праздник в Севастополе по поводу победы у Синопа».

Что касается Гоголя, действительно гениального человека, то расположение к нему Николаю можно объяснить лишь случайной необычайной причудой, одной из гримас судьбы, которые придумывают в минуту язвительного творчества сатирические поэты, сами в них не веря.

Так как отношение к Гоголю существеннейшим образом касается наиболее интимных сторон характера Николая, то мы войдем в некоторые подробности. Гоголь, прославленный уже несколькими произведениями, полными оригинальности и правды, как раз оканчивал комедию — его первый опыт в этом жанре; комедию читали некоторые друзья автора, о ней много говорили, но знали, что она не будет ни поставлена на сцене, ни издана: цензура этому противилась.

Вот в чем содержание пьесы: молодой человек, уехав из Петербурга в отпуск, чтобы повидаться с родителями, по дороге растратил деньги, очутился в маленьком провинциальном городке и застрял в гостинице, где ему не отпускали больше в кредит. В это же время власти маленького города ожидали прибытия ревизора, объезжавшего губернию, чтобы представить министру отчет об управлении. После ряда смешных *qui pro quo* молодого вертопраха принимают за ревизора; он с удовольствием берет на себя эту импровизированную роль, и тогда начинается настоящая комедия. Молодой человек, увидев, что за ним ходят, его

слушают, восхищаются им, пускается в лабиринт выдумок, в хаос лжи, в ошеломляющее хвастовство и, увлеченный тщеславием и наивностью окружающих, злоупотребляет как их легковерием, так и кошельком, и уезжает как раз в тот момент, когда приезжает настоящий ревизор. Сюжет обыкновенный, характеры доведены почти до карикатур, и, тем не менее, это хорошая настоящая комедия, потому что характер главного героя по-человечески правдив, действительно правдив, ибо этот тип, всячески видоизмененный, встречается повсюду, в особенности в России, где длительный деспотизм и долголетнее рабство сделали ложь легкой и в то же время более необходимой, а тщеславие более сильным и более наивным.

Николай, услышав разговор об этой неизданной комедии, захотел ее прочесть и, побеседовав с автором, который сумел его уверить, что это — сатира на злоупотребления, встречающиеся в провинциальных учреждениях, разрешил постановку пьесы. Если пьеса Гоголя и была сатирой, то она метила значительно выше, и конечно, придумывая интригу, в которой реальное лицо не могло бы участвовать, автор вовсе не стремился смягчить нравы провинции, он скорее думал смутить зрителя, и его первый читатель попался на уловку.

Теперь, когда Гоголь умер, можно совершенно свободно публично заявить то, что в Петербурге издавна повторяли все, кто знали автора «Мертвых душ»: «Ревизор» — карикатура и герой пьесы сам Николай, превращенный в мелкого чиновника.

Еще при жизни Гоголя было известно его заявление в одном опубликованном письме: «Почему мне лишать себя возможности изображать маленьких людей», говорил он. — «Лишь бы типы были правдоподобны, неважно как они одеты. Переоденьте моего Хлестакова (лже-ревизора) и вы найдете его в кругу, где вовсе не думаете с ним встретиться; в иной одежде, по-иному разговаривающим, но таким же тщеславным, таким же лгуном и таким же взяточником»¹⁹.

Это правда: действительно личность императора точно воспроизведена в типе Хлестакова.

Последний, когда говорит об известных романах, претендует на авторство и с апломбом утверждает, что все имена современных авторов лишь псевдонимы, которыми он пользуется из скромности.

Николай намеревается соединить в своей особе качества и славу Людовика XIV, Петра Великого, Фридриха Прусского и Наполеона; если бы он знал древнюю историю, — он присоединил бы еще Цезаря, Александра и Рамзеса.

Хлестаков, одалживая по двугривенному то у одного, то у другого, говорит о громадном состоянии своих знаменитых родителей и их обширных имениях. Николай, выманив у русской буржуазии ее последний червонец, принялся закупать ценные бумаги в Париже и Лондоне и делает вид точно спасает французский банк.

Хлестаков играет роль ревизора с редким нахальством. Николай, приезжая в Германию, тоже с большим апломбом делает вид, будто он обследует принадлежащую ему страну. Хлестаков, навирая и хвастая, убеждает самого себя, что по крайней мере половина того, что он говорит, — правда. Николай думает, что вся его ложь и все хвастовство — не что иное, как чистейшая истина.

Гоголь, несмотря на весь свой комический дар, не предусмотрел наиболее странной черты этого характера. Он, вероятно, не решился бы представить Хлестакова, позволяющим высмеять себя в своем же присутствии.

Николай позволил высмеять себя и сам первый хохотал над собственной карикатурой, показанной публике.

Хохотал при этом вполне чистосердечно — вот насколько слепо тщеславие!

Достигнув этого места, наше перо останавливается, все сказано об этом императоре-комедианте, который в мрачные минуты жизни играет трагическую роль, надев красную мантию, обогренную кровью.

Закончим наброском внешнего облика Николая.

Наружность его так же, как и духовный склад, последовательно прошла через три фазы.

Сначала — это молодой честолюбивый солдат, весь словно из одного куска, левша, неуклюжий, с ввалившимися злыми глазами, бледным цветом лица, бесцветными сжатыми губами.

Затем — могущественный император, сильный с виду, тяжелый, но полный достоинства в движениях, крепко затягивающий живот, чтобы лучше подпирал грудь. Суровость взгляда смягчена привычкой к любезности, цвет лица свеж, на губах охотно появляется улыбка, но жесты остаются сухими и резкими — даже в том случае, когда они служат сопровождением льстивым речам. Еще позднее, — теперь уже старик, забывающий молодиться, распрощавшийся с хохлом, который осенял его голову, уже двадцать с лишком лет седую; почти слоновою тучность и спина, сгибающаяся под тяжестью каски; рот вновь приобрел злобное выражение, но взгляд потонул в заплывших жиром веках и дышит удовлетворенным тщеславием, почивающим под сенью воображаемых лавров.

В первой и во второй из этих фаз можно было Николая презирать или ненавидеть; его последнее превращение внушает уже чувство совсем иное, чем ненависть.

На предыдущих страницах мы сказали только несколько слов о Польше; между тем Польша в царствовании Николая играла очень большую роль; можно даже сказать, что ей тут принадлежит главная роль.

Факт тот, что революция 29 ноября 1830 года является наиболее значительным событием в жизни царя; по своим непосредственным и более отдаленным последствиям она приобретает еще большее значение.

С этого времени Польша явилась единственным, исключительным предметом забот Николая; именно она — покоренная, разбитая, измученная продиктовала царю его политику.

Опутывая сеть интриг Германию, Николай добивался утверждения своего господства в Польше; за ту же самую Польшу сражался он на Кавказе. В 1840 году, когда была сделана попытка унижить Францию при помощи эфемерного союза с Англией, в действительности дело шло об ослаблении Польши; венгерская кампания 1849 года была направлена против Польши; Польшу же стремился Николай окончательно поработить, вводя свои войска в дунайские княжества.

В самой России, когда царь препятствует одновременно материальному освобождению крепостных и умственной свободе культурных классов общества; когда он закрывает в университетах кафедры философии и политической экономии; когда ставятся преграды распространению всякой вольной мысли, — все эти меры направлены главным образом против Польши.

И Николай совершенно прав, ибо каждый интеллигентный русский несет в своем сердце братскую любовь к угнетенной Польше. Всякий раз, когда русские бывали, коллективно или индивидуально, осуждены за политические преступления, их польские симпатии служили одной из наиболее серьезных причин осуждения.

Когда казнили в Вильне в 1839 году героя и мученика Конарского, русские наряду с поляками подверглись осуждению за сочувствие его освободительным идеям.

Когда во время Венгерской войны множество офицеров было ночью расстреляно на валу Варшавской цитадели, среди них вместе с поляками погибли и русские; в то же самое время Николай в Петербурге приговорил к каторжным работам и ссылке два десятка от важных молодых людей, также сочувствовавших Польше.

В ходе только что прочитанного вами изложения о Польше было сказано немного слов совсем не из-за безразличного к ней отношения и не по-забычивости; мы предпочли дать слово самим полякам и собрали в конце книжки забытые или малоизвестные документы, дающие все необходимые сведения по Польскому вопросу.

Изложение фактов заимствовано из брошюры государственного деятеля, окруженного всеобщим уважением, которого он заслуживает по своему таланту в такой же мере, как и по характеру²⁰.

Объяснение принципов, руководивших польской революцией, находится в манифесте представителей Польши, опубликованном 20 декабря 1830 года, единодушно одобренном обеими палатами и редактированным комиссией в составе сенаторов Почворовского (эпископ) и Миочинского и депутатов Лелевеля, Алоиза Бернацкого, графа Густава Малаховского и Сведзинского. Манифест Стефана Батория, публикуемый в заключении, еще в другом отношении связанный с нашим изложением, дает понятие об исторической основе раздоров и войн между Россией и Польшей²¹.

Одно мы можем с удовлетворением констатировать; то, что всякий раз, когда представители Польши имели случай высказываться о русском народе, они умели отделять его от его правительства и что Иван Грозный, так же как и Николай, отнюдь не представлялся им олицетворением России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Pamфлет «La vérité sur l'empereur Nicolas par un russe» был издан анонимно в Париже в 1854 г. Авторство Сазонова раскрыто Христином Островским в его книге «Lettres slaves». В примечании к письму Сазонова, русский перевод которого приводится в настоящем издании, Островский указывал, что Сазонов является автором «замечательной работы под названием «Правда о Николае» (Ch. Ostrowski: «Lettres slaves», Paris, 1857, стр. 22). Не доверять этому указанию нет никаких оснований, тем более, что оно было сделано при жизни Сазонова и не было опровергнуто им.

Несмотря на осведомленность Сазонова в русских делах, в его книге имеется немало неточностей, непроверенных данных и ошибок (например, ошибочно его мнение, что Милорадович был убит случайной пулей; не соответствует действительности его сообщение относительно пыток, якобы применявшихся во время следствия к декабристам, и т. д., и т. д.). Мы не считали нужным оговаривать все эти ошибки и неточности. В памфлете Сазонова для современного читателя интересна и важна не фактическая сторона, а общая характеристика личности и государственной политики Николая I, сделанная тогдашним революционером и свидетельствующая об отношении к Николаю революционной среды того времени.

² А. К. Шторх — известный экономист начала XIX века, член Академии Наук, популяризовавший в своих сочинениях экономические идеи Ад. Смита.

³ Смотр русских войск под местечком Вертоу состоялся 29 августа 1815 г.

⁴ Официальное сообщение о событиях 14 декабря было опубликовано в «Русском Инвалиде», Сазонов приводит из него только краткое извлечение и при этом сильно изменяет его текст.

⁵ Сазонов имеет в виду цензурный устав 1828 г., но преувеличивает его либерализм. Дело в том, что этому уставу предшествовал другой, изданный в 1826 г. и по своей суровости далеко превосходивший все цензурные распоряжения предыдущего царствования. Уставом 1826 г. на цензуру в лице руководящего ее органа возлагалось не только наблюдение за печатью, но и руководство ею в желательном для правительства направлении. Устав 1828 г. ввел некоторые смягчения по

сравнению с уставом 1826 г., но и он был далек от какого бы то ни было либерализма.

⁶ Эпизод, о котором рассказывает Сазонов, относится к 1847 г., когда русское министерство финансов заключило конвенцию с французским банком относительно покупки на 50 миллионов франков облигаций этого банка. Куплены они были по курсу 115 сантимов, а в 1848 г. курс на них упал до 78. Только в 1849 г. министерству финансов удалось, — да и то с большим трудом, — продать их по 100 сантимов. В том же 1847 г. определено было отделить из разменного капитала экспедиции кредитных билетов до 30 миллионов руб. серебра на покупку иностранных государственных фондов. Эта операция дала не менее печальные результаты, чем предыдущая.

⁷ «Шарвари» — французский юмористический журнал, выходивший с 1832 г.

⁸ Балет «Восстание в Серале» был поставлен в 1835 г. в Маринском театре.

⁹ Имеются в виду 9 и 10 песни «Дон Жуана».

¹⁰ Намек на обширную литературу о России и о Николае I, выходящую во Франции и в Англии накануне и во время Крымской войны.

¹¹ В законе 26 декабря 1837 г. говорилось, что министерство государственных имуществ создается «для управления государственными имуществами, для попечительства над свободными сельскими обывателями и для заведывания сельским хозяйством». Эту реформу никак нельзя рассматривать, как «освобождение» государственных крестьян, так как последние были поставлены в полную зависимость от окружных начальников, назначаемых правительством, пользовавшихся на практике неограниченной властью над крестьянами и вмешивавшихся во все дела государственных крестьян и в деятельность органов их самоуправления — волостных правлений и волостных голов.

¹² Н. С. Мордвинов не был сторонником отмены крепостного права, находя, что оно «необходимо для общего спокойствия, для внутреннего благоустройства». По его мнению, освобождение крестьян станет возможным лишь тогда, когда в России возрастет население и у помещиков явятся капиталы, достаточные для найма рабочих рук. Такие мысли были изложены им в записке, составленной в 1833 г. В другой записке, относящейся к более раннему времени (1818 г.), Мордвинов допускал безземельное освобождение крестьян при условии выкупа их по ценам, весьма выгодным для помещиков.

¹³ Положение об обязанных крестьянах, изданное в 1842 г., сводилось к тому, что помещикам, желающим освободить своих крестьян, предоставлялось отпустить их на волю (в разряд «обязанных крестьян»), отводя им землю, которая, хотя и оставалась собственностью помещика, не могла быть произвольно отнята им у крестьян; получившие землю крестьяне должны были или отбывать в пользу помещика условленную барщину, или же выплачивать ему определенный денежный оброк. Практического значения закон 1842 г. не имел, так как перевод крестьян на положение «обязанных» был предоставлен всецело воле помещиков.

¹⁴ Речь идет о генерале Головине Евгении Александровиче (1782—1858), с 1828 г. бывшим варшавским военным губернатором. После подавления польского восстания 1830—1831 гг. в 1832 г. была опубликована «куставная грамота», определявшая административное устройство Польши и отношения ее к России. Для управления польскими делами при наместнике была учреждена правительственная комиссия, члены которой ведали отдельными отраслями администрации и носили название главных директоров. В 1834 г. Головин был назначен главным директором внутренних дел, народного просвещения и исповеданий (поэтому Сазонов и называет его министром). В этой должности Головин оставался до 1837 г., когда был переведен на Кавказ. По своим убеждениям Головин, в молодости принадлежавший к хлыстовскому кружку Татарновой, был ханжей и мракобесом. Заведя народным просвещением в Польше, он проявил себя в качестве усердного обрусителя.

¹⁵ Под корреспонденцией Николая I с Гамилтоном Сеймуром Сазонов разумеет переговоры Николая I, вешися в 1853 г. с английским послом в Петербурге Сеймуром, о необходимости договориться относительно раздела Турции, которую Николай I считал «большим человеком», осужденным на верную и скорую смерть. Эти переговоры, выяснявшие аннексионистские планы русского правительства, произвели большое впечатление в Англии и много способствовали тому, что английское правительство решило принять участие в Крымской войне.

¹⁶ Переписка эмигранта И. Г. Головина с представителями русского правительства, требовавшими от него возвращения на родину, происходила в 1843—1844 гг. и закончилась тем, что отказавшийся возвратиться в Россию Головин был лишен чинов и дворянского звания и заочно приговорен к каторжным работам.

¹⁷ Николай I недоброжелательно относился к Луи-Филиппу, получившему корону в результате революции 1830 г. К этому присоединилось сильное недовольство Николая I политикой французского правительства, наставившего в 1840—1841 гг. на том, чтобы международным соглашением была гарантирована неприкосновенность Турции. В конце 1841 г. русский посол в Париже гр. П. П. Пален отбыл в отпуск;

с этих пор и до 1851 г. Россия не имела во Франции посла и петербургский и парижский кабинеты сносились между собою чрез простых поверенных в делах.

¹⁸ Во время заключения на острове св. Елены Наполеон диктовал жившему при нем его приближенному Лас-Казу воспоминания, которые были впоследствии изданы под названием «*Mémorial de Sainte Héleine*».

¹⁹ Слова, поставленные в кавычки, являются не точной цитатой, а свободной передачей мыслей, изложенных Гоголем в «Отрывке из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору».

²⁰ Имеются в виду русские караульные офицеры, охранявшие арестованных по делу С. Конарского: прапорщики Де-Люмне и Бархвиц, подпоручик Литвинов и штаб-капитан Кузьмин-Караваев. Из сочувствия к арестованным они помогали им сноситься с родственниками и оставшимися на свободе товарищами, за что и были «подвергнуты заслуженному наказанию». М. Топильский. — Несколько слов о событиях в Вильне после казни эмиссара Конарского. «Русский Архив», 1870 г., стр. 1194.

²¹ К книге Сазонова были приложены обширные выдержки из брошюры видного деятеля революции 1830—1831 гг. А. Бернацкого «*L'Autocrate et la Constitution du royaume de Pologne*», изданной в Брюсселе в 1832 г., манифест польского революционного правительства 1830 г., манифест Стефана Батория, а также сведения о составе русской императорской фамилии, перечень высших придворных, административных, военных и духовных чинов, список дипломатических представителей различных стран в Петербурге, краткие данные о составе и численности русских войск и статистические сведения о населении России по губерниям.

III. ПИСЬМА

1. К. С. АКСАКОВУ

Женева, 2 февраля 1836 г.

Мне очень мудрено теперь писать к вам, — вот уже более шести месяцев, как мы не видались: что делали в это время, что делаете теперь; попрежнему ли вы царь Саламандров, или переменились; попрежнему ли вы живете в мире мечтаний — или переселились в мир действительности? Как знать, быть может, вы сделались fashionable: борода en collier grec и черепаховая тросточка; быть может, вы стали чиновником: официальные пуговицы и официальные фразы; быть может... но это бы все не мешало, — я думаю, что в человеке таком, как вы, при всех переменах остается нечто не переменяющееся. — Но то беда, что мы отвыкли друг от друга, что вы, как следует, забыли несколько отсутствующего товарища, — и что мне теперь — для того, чтобы изъяснить вам мысль мою — нужно вдесятеро более слов, нежели прежде, когда мы всякий день говорили о том и о сем, переходя от Гофмана к Гегелю, от Гегеля к Снегиреву¹. Несмотря на это, я решаюсь писать к вам: лучше позд[н]о, нежели — еще позднее.

Когда-нибудь, при свидании, я расскажу вам свое путешествие в отношении личном, теперь пока вы увидите только внешность, так как она мне представлялась. — Разумеется, я начну с Германии, чтобы угодить вам, но это не та Германия, о которой вы мечтаете, не та Германия, которой твердо-каменный слепок хранится в Московском университете²; это не та облачная земля, где в сумраке плавала система тождества, блистала иногда поэзия Шиллера и дымились фантазии Жан-Поля: — это Германия реальная, составленная из логики Гегеля, из второй части Фауста, из светлых фантазий Гейне и Лаубе, из лекций Ганса³ и из прусской..... *: — Фауст забыл сентиментальную Маргариту, он влюблен в Элену, и она не призрак, — Харон объяснил ему, что мифологические женщины вечно юны и прекрасны, что для них нет времени. И не одна только Элена жива для Фауста, для него живы и мать ее, и отец ее, и вся Олимпийская родня ее:

* Одно слово не разобрано. — Ред.

он сидит с ними на Олимпе, а Геба льет амброзию в его кубок (этой сцены недостает в том издании, которое у вас в Москве). Германия в настоящем ее положении более, нежели когда-нибудь, достойна изучения; она молода и сильна как Россия, учена и умна как Франция.

После Германии я видел Швейцарию, после людей — природу — и природу очаровательную. В Германии я скучал иногда, тосковал иногда об отчизне, но здесь нельзя скучать, нельзя тосковать. — Представьте себе: я пишу вам у окна, перед которым расстилается Леман, небо, чистое, голубое, как глаза вашей любезной (у ней кажется карие), отражается в озере, которое блестит еще лучше, нежели глаза вашей любезной. — Нет, не путешествуйте по Швейцарии, вы совсем растаете, влюбитесь в первую хорошенькую швейцарочку (их здесь множество и все вам посылают поклон) и сделаетесь наверно озерным поэтом⁴.

Вот вам мои новости, не совсем новые, теперь я жду от вас московских новостей: расскажите мне все, что делает Миша Топорнин, помнит ли он меня (скажите ему, что я более, нежели когда-нибудь, советую ему развратиться, если он еще не сделал этого); что делает Толмачев⁵, витийствует ли уже с кафедры или нет? — Сообщите им письмо мое и скажите, что я жду от них так же, как и от вас, что можно более новостей. Также прошу вас сообщить письмо мое Кетчеру, — он живет близ Покровского собора на казенном инструментальном заводе. Засвидетельствуйте мое почтение вашему батюшке и вашей матушке — и поклон всем, кто меня помнит. — Прощайте, жду ответа.

Николай Сазонов

Мой адрес: à Monsieur N. de Sasonoff, aux soins de Messieurs Hentuch etc. en Suisse à Genève.

Настоящее письмо было написано Сазоновым во время первого пребывания его за границей (с осени 1835 по 1836 г.). Печатается впервые с оригинала, хранящегося в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, в Москве.

Как видно из настоящего письма, Сазонов находился в дружеских отношениях с Аксаковым, был знаком с его семьей и сохранял близость к нему и по окончании университета. Однако, в скором времени после того как Аксаков определился как ярый сторонник славянофильства, пути их разошлись.

¹ Снегирев Иван Михайлович (1793—1868) — филолог, этнограф и археолог, профессор Московского университета.

² В 30-х годах К. С. Аксаков увлекался германской философией и литературой и был поклонником Шеллинга и Гегеля.

³ Ганс Эдуард (1798—1839) — немецкий юрист, профессор Берлинского университета, примыкал к левым гегельянцам, пользовался большой популярностью среди русской интеллигенции того времени, увлекавшейся идеями Гегеля. Лекции Ганса в Берлине слушали Станкевич, Грановский и другие западники.

⁴ Озерные поэты — название группы английских поэтов-романтиков начала XIX века: Водсворт, Кольридж, Соути.

⁵ Топорнин и Толмачев — товарищи Сазонова по университету.

2. Н. Х. КЕТЧЕРУ

С.-Петербург, 1837, июня 18-го

Я пользуюсь случаем, чтобы напомнить тебе о существовании некоего Николая Сазонова, который нисколько не забывает доброго твоего к нему расположения; впрочем, не в этом дело.

В Петербурге я не нашел того, чего искал, но зато нашел и узнал много неожиданного. Я искал общества, хотел учиться тому, как жить в свете — и не нашел этого; 1-е потому, что здесь общества собственно нет, второе, что вход в круг, который называет себя обществом, невозможен при условиях моего характера, а если бы и был

возможным, то не имел бы для меня никакой существенной пользы. — Вследствие этого, я живу здесь в совершенном одиночестве, никого не вижу и никого не хочу видеть, и бываю с людьми только для того, чтобы не разучиться говорить.

Теперь о том, что я узнал, чему научился: в противность московским предрассудкам я утверждаю, что Россия не в Москве, а в Петербурге. В Москве — прошедшее России, может быть искры будущего, но настоящее — в Петербурге, а в настоящем все. Кто хочет знать Россию, тот должен жить здесь; живя в Москве Россию поймешь столько же, сколько бы понял Францию, живя при дворе Генриха V или в Англии с изгнанными республиканцами. Развивать моих мыслей я не стану, потрудись понять меня, а если не поймешь, то приезжай сам в Петербург и через неделю ты поймешь это не хуже, если не лучше моего. Раз. Еще я узнал, что здесь несравненно более людей, стоящих наравне с веком, не только по уму и знаниям, но и по характеру (характер — я считаю необходимою принадлежностью порядочных людей нашего века), нежели как полагают вообще московские молодые люди. Между этими бедными чиновниками несравненно более знания жизни вообще и жизни русской в частности, нежели между лучшими московскими теоретиками. — Я почел излишним сообщить тебе эти замечания; если они несправедливы, то скажи мне свои возражения, я выслушаю их с большим удовольствием, тем более, что это подает мне случай подробнее развить собственные мои мысли. Заметь, что я не унижаю достоинства Москвы: я люблю ее и понимаю ее не менее кого-либо, но всему свое время.

Ты охотник до действия, до действия полезного, я разумею, — вот тебе мысль, которая мне кажется довольно дельною: Знаешь ли ты что такое *caisse d'épargnes*? Если не знаешь, то узнай — и подумай хорошенько, не полезно ли бы было завести их в России? Мне кажется, что это могло бы иметь целый ряд самых выгодных последствий. — Подумай об этом, и если моя мысль покажется тебе не совсем нелепою, то напиши мне, и я разовью подробно свой план.

Когда будешь писать к Герцену и к Огареву, также к Сатину¹, то напони им обо мне. Я не пишу, знаешь почему. — Попроси Астрова², чтобы он исполнил, если возможно, мою просьбу. — Кланяйся тем, кто меня помнит. — Adieu.

Настоящее письмо печатается впервые с оригинала, хранящегося в Рукописном отделении Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, в Москве.

В письме Сазонова к Н. Х. Кетчеру нашли себе отражение те споры, которые велись в то время в кружках московской интеллигенции о значении Петербурга, с одной стороны, и Москвы, с другой, в жизни русского народа. Кетчер, как известно, был горячим поклонником Москвы и утверждал, что Петербург — город чиновников и что жизнь в нем гибельна для умственно развитого человека.

Заслуживает быть отмеченным интерес, проявленный в этом письме Сазонова к сберегательным кассам (*caisse d'épargnes*); в России их в то время не существовало, да и на Западе они были еще новинкою.

¹ А. И. Герцен, Н. П. Огарев и Н. М. Сатин, во время написания настоящего письма, находились в ссылке: Герцен в Вятке, Огарев в имении отца в Пензенской губернии, а Сатин в Пятигорске.

² Астров Николай Иванович (1809—1842) — друг Сатина и Герцена.

3. КРИСТИНУ ОСТРОВСКОМУ

Милостивый государь и друг.

С искренней радостью я узнал из вашего братского приглашения о возможности присоединиться к вам в этом году, чтобы отпраздновать годовщину вашей революции. Я тем более был тронут этим приглашением, что оно напомнило мне последний польский праздник,

на котором я присутствовал, — тот, на котором мой друг Бакунин взял слово, чтобы сказать от глубины своего сердца, что он горд возможностью повторить вслед за вами: «Польша еще не погибла, раз мы еще существуем». Мой друг впоследствии засвидетельствовал искренность своих слов в Праге, в Дрездене и в тюрьмах Саксонии, Австрии и России. О, конечно, я не осмеливаюсь сравнивать себя с этим, святым для меня, мучеником свободы, но по чистой совести я могу сослаться на его пример в доказательство того, что я не должен быть исключен из вашего патриотического единения. Я помню, что в 1830 г. ваши знамена имели девиз: *Za wasza i nasza wolnosc*; я помню, что в том же году, едва выйдя из детского возраста, я хотел научиться говорить по-польски, чтобы знать язык этого героического народа, энергичные сыны которого открывали нам будущее, призывая революцию, столь же необходимую для рабской России, сколько и для порабощенной Польши. Убеждения моей юности сохранились и в зрелые годы. Добровольный изгнанник со своей родины, осужденный царем за нежелание возвратиться в Россию по его приказанию, я принес в жертву все, чтобы остаться свободным человеком, чтобы иметь возможность любить независимую Польшу столько же, как и свободную Россию. Да, дорогие сограждане, я говорю вам от всего сердца и с глубоким убеждением: мы можем добиться свободы только совместно, как совместно мы порабощены. Я могу быть не согласен с вами относительно союзников, которых вы себе ищете, чтобы отвоевать вашу независимость; но поскольку вы действуете от имени польского народа, русский народ ответит на ваш братский призыв; заявляю вам об этом от имени своего и всех своих единомышленников в России, и поверьте — их число велико.

Братья, позвольте мне сказать несколько искренних и мужественных слов. Когда непрекращающиеся насилия тирана, угнетающего нас, возбудят в целом мире крик бесконечного негодования, я хотел бы принять участие в этом концерте проклятий, чтобы помочь сокрушить его силою общего осуждения; но было бы ошибкою или пристрастием присоединить к этому справедливому возмущению общественного мнения незаслуженное оскорбление русского народа. Хотят смешать нас, нас русских, нас казаков, нас московитов, с правительством чужеземного происхождения, против которого мы, мы русские, мы казаки, мы московиты, протестуем восстаниями, заговорами, жизнью в ссылке и смертью. Нас обвиняют за нашу религию, за нашу историю, за наши нравы. Ну нет, братья по изгнанию, по страданиям, по убеждениям, я отвергаю все эти оскорбления и протестую перед вами против несправедливого осуждения. Как и вы, мы — христиане; эта религия, в которой нас воспитали наши матери, научила нас практике христианской свободы, путь к которой указывают нам наши праведники и мученики. Наша история, в ее новейшей части, к несчастью, запятнанная жесточайшим деспотизмом, имела однако эпохи всеобщей борьбы и великого отмщения, и мы не отвергаем их, так как свобода находила себе представителей, всегда достойных, хотя часто и несчастных. Нравы нашего народа таковы же, как и нравы всех славянских народов; таким образом, нападая на нас, вы нападаете на самих себя.

Братья! я чувствую потребность выразить все это вам, чтобы укрепить вашу братскую симпатию. Вопль, поднявшийся против России, наносит рану моему сердцу, но не затемняет мой ум, и единственный результат, который он может иметь для искреннего сердца и ума, проникнутого убеждениями, — это вызвать ненависть, еще более глубокую и более полную, к бессердечному деспотизму, который унижил нас в глазах цивилизованных людей до степени диких зверей. Не-

справедливо смешивать народ с подавляющим его правительством. Итак, ненависть, ненависть и месть этому вероломному правительству, столь же антинациональному, сколько и протомночеловечному, — правительству, которое, стремясь поработить Европу, губит Россию. Да погибнет навеки деспотизм. Справедливость и возрождение славянам, питающим к нему отвращение.

Позвольте мне прибавить еще одно слово, чтобы продолжить священную традицию. Разрешите мне сказать вам, как говорил Бакунин: Польша еще не погибла, раз мы существуем. Раз мы существуем, русский народ также еще не погиб; он живет для своей свободы, как и для вашей.

Примите и пр.

Париж, 29 ноября 1853 г.

Письмо это, адресованное польскому эмигранту Кристину Островскому, принявшему участие в польской революции 1830—1831 гг., а по подавлении ее поселившемуся в Париже и выступавшему в качестве публициста и беллетриста, как в эмигрантской польской, так и во французской прессе, было написано в ответ на приглашение принять участие в собрании польских эмигрантов в Париже, устроенном в память двадцать третьей годовщины польской революции. Такие торжественные собрания ежегодно устраивались польскими эмигрантами в день начала восстания 1830 г. 29 ноября (н. с.). В своем письме Сазонов вспоминает речь М. А. Бакунина, произнесенную на аналогичном собрании в 1847 г. В этой речи Бакунин между прочим говорил: «Пока мы были разъединены, мы взаимно друг друга парализовали; вместе мы будем всемогущи для доброго дела. Ничто не сможет противостать нашему общему выступлению».

Письмо Сазонова было опубликовано Кр. Островским в его книге «Lettres slaves» (3 изд. Париж, 1857 г., стр. 219—221). В русском переводе оно появляется впервые в настоящем издании.

4. В РЕДАКЦИЮ «С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

[Первая половина марта 1856 г. Париж]

В первых числах апреля н. ст. должно выйти в Париже новое собрание стихотворений Виктора Гюго под названием *Contemplations* (Созерцания). В Париже и во всей Европе много говорили об этом произведении знаменитого поэта. Друзья его, читавшие большую часть его стихотворений, помещенных в двух обещанных томах, говорили о новой стороне таланта В. Гюго, о новой силе мысли и о свежести формы. Не без особых усилий удалось мне доставить вам и через вас русским читателям возможность судить заблаговременно о достоинстве новых стихотворений автора «Осенних листьев». Посылаемая мною поэма принадлежит к лучшим из стихотворений, заключающихся в двух томах «Созерцаний»; при том же она написана весьма недавно и запечатлена новою манерою В. Гюго. Не распространяясь о достоинстве новых произведений этого поэта, замечу только, что весь Париж с нетерпением ждет появления «Созерцаний», за которые издатели (Мишель Леви и Паньер) заплатили автору шестьдесят тысяч франков....

К письму этому было приложено стихотворение Гюго «Le maître d'études». Письмо Сазонова — или, точнее, воспроизводимый выше отрывок из него — и стихотворение Гюго были напечатаны в № 63 «С.-Петербургских Ведомостей» от 18 марта 1856 г. в фельетоне «Петербургская летопись». Исходя из этого, нами и дана приблизительная датировка этого письма. Местонахождение его оригинала неизвестно. По выходе из печати книги В. Гюго «Contemplations» Сазонов посвятил ей специальную статью в «Отечественных Записках» (1856 г., № 7). Упомянутый в письме Сазонова сборник стихотворений Гюго «Осенние листья» (*Les Feuilles d'Automne*) был издан в 1831 г.